

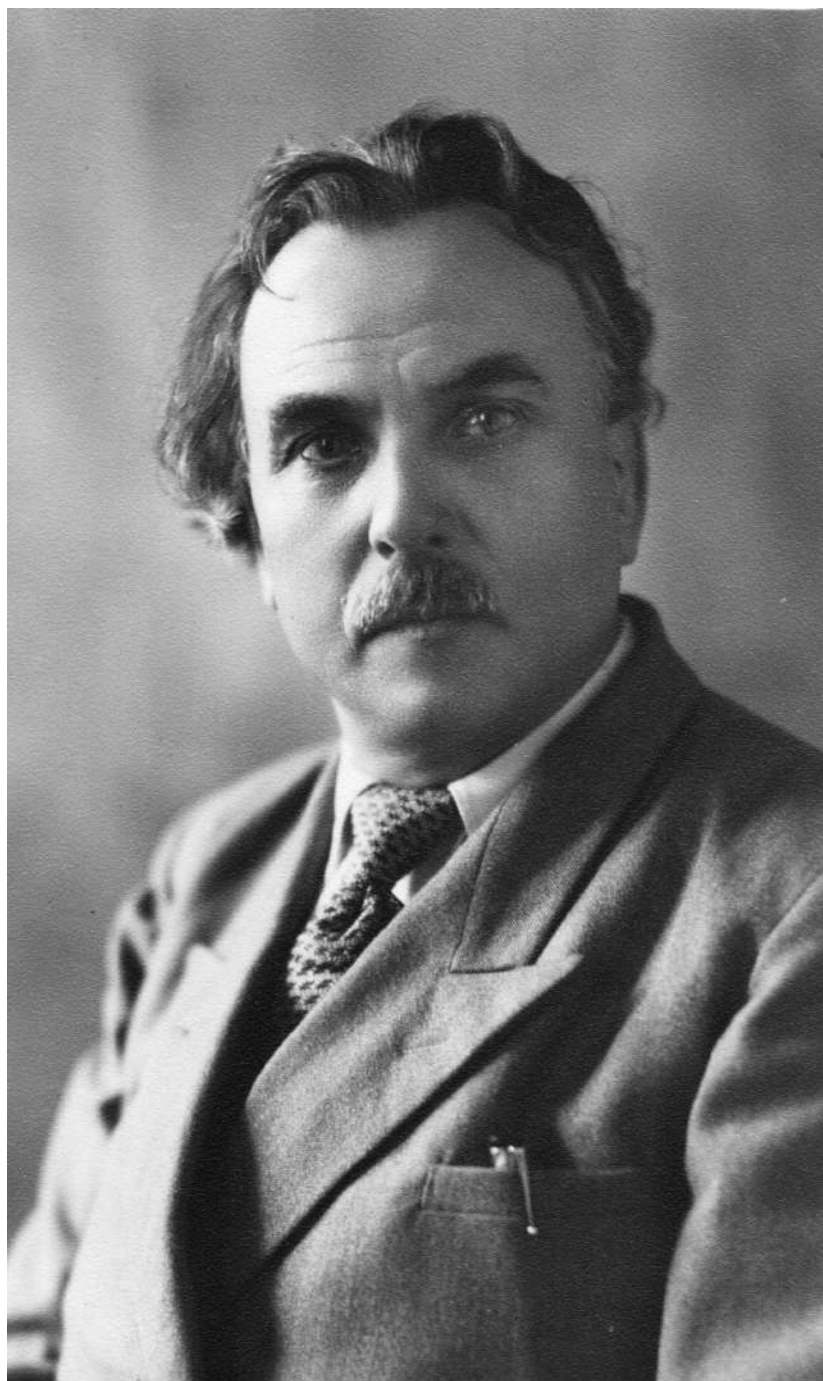

Сергей Масликов

**СУДЬБА
АСТРОНОМА
Иван Наумович Язев**

1895-1955

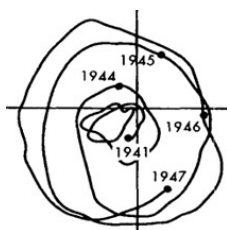

Сергей Масликов

СУДЬБА АСТРОНОМА

Иван Наумович Язев: 1895-1955

Новосибирск

2020

УДК 52(092)
ББК 22.6д
М31

Масликов Сергей Юрьевич

Судьба астронома. Иван Наумович Язев: 1895-1955. – Новосибирск: Агентство «Сибпринт», 2020. – 184 с.: ил.

Эта книга – о человеке, жившем на переломе эпох, – в первой половине прошлого века. Биография его сложна и неоднозначна. Ивану Наумовичу Язеву довелось с честью преодолеть бурные революционные годы. Он работал в главной обсерватории страны – в Пулково, в обсерваториях Украины – в Николаеве и Полтаве. Десять лет своей жизни, с 1938 по 1948 год, он прожил в Новосибирске и оставил свой след в науке, в образовании, в истории города. И. Н. Язев завершил свою жизнь в Иркутске, много сделал для обсерватории Иркутского госуниверситета. В книге вместе с биографией Ивана Наумовича Язева показана астрономическая и повседневная жизнь того периода, история обсерваторий и вузов, где он работал. У Ивана Наумовича был непростой характер и удивительная судьба с множеством крутых поворотов... Возможно, по этим причинам его имя недостаточно ярко вписано в историю отечественной астрономии. В год 125-летия со дня его рождения настало время отдать дань памяти и уважения этому талантливому человеку.

Редактор И. И. Золотарев.

Обложка: М. О. Арадушкина.

Фотографии из личного архива С. А. Язева.

ISBN

© С. Ю. Масликов, 2020.

Подготовлено к печати ООО Агентство «Сибпринт»

Подписано в печать 12.05.2020. Формат 60 * 84/16.

Бумага офсетная. Тираж 250 экз. Уч.-изд. л.

Отпечатано в типографии ООО Издательство «Сибпринт».

630099, г. Новосибирск, ул. М. Горького, 39.

Тел. +7 (383) 218-00-36, e-mail: izdat-nsk@list.ru. Сайт www.ifb.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Об Иване Наумовиче Язеве я узнал в 2008 году, когда в преддверии полного солнечного затмения готовил к изданию книгу «Дракон, пожирающий Солнце». При этом был изучен значительный объём информации по истории наблюдений затмений в России, а также об учёных, проводивших эти наблюдения, в том числе – об И. Н. Язеве. В том же 2008 году на астрономическом форуме «СибАстро» мне посчастливилось познакомиться с Сергеем Арктуровичем Язевым, внуком этого замечательного учёного. Через год в Новосибирске, на очередном форуме «СибАстро», впервые была вручена памятная награда – учрежденный в том году почётный знак «Сибирская звезда» имени И. Н. Язева. С тех пор эта почётная награда вручается ежегодно за особые достижения в области приборостроения, оптики и популяризации астрономии, и к 2020 году имеет уже одиннадцать лауреатов.

В 2011 году С. А. Язев передал в музей только что созданного Новосибирского планетария чудом сохранившийся прибор конструкции Ивана Наумовича, – полюсограф. Этот необычный аппарат, единственный в своем роде, словно призывал нас, сотрудников планетария, разобраться в его хитроумном механизме. А вскоре я познакомился с книгой Замиры Ибрагимовой «Риск прямого восхождения», написанной ею в 2006 году. Как следует из книги, И. Н. Язев был неоднозначным, но прямым и искренним человеком, неординарно мыслящим учёным. Он, например, в 1945-ом, в год великой Победы, написал в аллегорической форме рапорт о своих научных достижениях самому товарищу Сталину; он разработал несколько оригинальных проектов, в том числе – по созданию астрономической обсерватории на юге Западной Сибири... Не удивительно, что мне захотелось больше узнать о

нашем земляке, о человеке, который, несомненно, является в Сибири одним из самых ярких представителей плеяды российских ученых-астрономов XX века. Конечно, личность И. Н. Язева интересует меня и чисто профессионально, как астронома, – это естественно, так как каждый из нас по-своему равняется на своих великих предшественников в своем роде деятельности.

Постепенно документы и факты о личной жизни, научной и педагогической работе И. Н. Язева не просто накопились, а сформировались в некоторый критический объём, и в 2017 году я приступил к работе над систематизацией научной биографии ученого, что в последующем и привело к написанию этой книги.

Вскоре после начала этой работы я стал замечать, что в моей жизни почти мистически проявились некоторые параллели с судьбой главного героя книги. Так, учился я точно по такой же специальности, что и И. Н. Язев, оказались одинаковыми и многие изучавшиеся нами в вузе предметы, даже спустя 60 лет!.. Как стало известно, главный герой книги в своё время трижды был арестован. Не очень приятное совпадение, но и мне довелось попасть под совершенно незаслуженное уголовное преследование, а за три дня до получения из Иркутска документов об И. Н. Язеве вообще оказаться под арестом. К счастью, это длилось недолго, как и у нашего героя... Ещё одно совпадение: в 1942 году Язев работал в полевой экспедиции на диких и малонаселённых берегах Енисея. В тех же самых местах, не ставших за полвека более обжитыми, в 1987 году и я провёл полевой сезон в качестве геодезиста... При дальнейшем погружении в биографию И. Н. Язева обнаружили и другие параллели, которые лишь подтверждали, что направление этого моего исследования было совсем не случайным, а написание данной книги – неизбежным.

Как автор, я симпатизирую главному герою. Но это не даёт мне права описывать его жизнь как историю идеального персонажа. Как и я сам, как любой из нас, так и Иван Наумович в жизни оступался, иногда, в определённых ситуациях, возможно, совершал неоднозначные поступки, обижал коллег и близких людей. Но то, что он – счастливчик, мы видим по обстоятельствам его жизни. Несколько раз он был на волосок от смерти – то от руки белого атамана Анненкова, то от карающего меча советской влас-

Предисловие

ти. Но каким-то невероятным образом в критические моменты жизни судьба выводила его из-под неминуемого, казалось бы, удара, и он получал поддержку, находил новые интересные сферы деятельности. Да, не всё задуманное он смог исполнить, возможно, он ставил перед собой слишком сложные задачи.

...Приближаясь к завершению своей работы, я понимал, что автор не в состоянии осветить абсолютно все стороны жизни своего героя. Тем более описание многогранной личности Ивана Наумовича Язева невозможно втиснуть в обложку одной, даже объёмистой книги. С другой стороны становилась понятна и неполнота работы. Недоступны оказались архивы обсерваторий, где работал Язев. Ряд источников невозможно было найти в Новосибирске, а автор, увы, более двух лет был невыездным.

Но ничто в этой жизни не бесконечно, и в этой работе неминуемо пришло время ставить точку. Какой книга получилась – судить читателям и, что самое ответственное, – потомкам главных героев книги. Хотелось бы, чтобы они гордились своими предками и с пониманием относились к их слабостям и оценивали их поступки с учётом многих, иногда просто невероятных обстоятельств ушедших времён.

Это издание не могло состояться без помощи семьи Язевых, особенно Сергея Арктуровича Язева, внука Ивана Наумовича, предоставившего ценные документы и фотографии из личного архива. Автор выражает глубокую благодарность за содействие, оказанное в процессе подготовки данной книги, руководителю Центра истории и культуры СГУГиТ доценту Ивану Ивановичу Золотареву, работнику архива СГУПС Татьяне Александровне Загоруйко, доценту кафедры инженерной геодезии и маркшейдерского дела СГУГиТ Антону Викторовичу Никонову, исследователю из Красноярска Александру Викторовичу Ульверту, а также всем неравнодушным людям, которые перечислили денежные средства на издание этой книги.

С. Масликов

12 мая 2020 г.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ (1905-1914 гг.)

Десяти лет я начал ходить в сельскую школу, которую окончил в 1908 году и дальше не мог учиться, т. к. в селе второклассной школы не было.

В 1909 году открылась второклассная школа, куда я и поступил и окончил ее в 1911 году. Снова по той же причине пришлось год пропустить. В 1912 году в связи с преобразованием села Татарского в город, было открыто высшее начальное училище, в 3-й класс которого я и поступил.

Из автобиографии И. Н. Язева, 1939 г.

Семья Язевых во главе с Наумом Евдокимовичем Язевым и его женой Александрой Васильевной переселилась в Сибирь в начале девяностых годов XIX века. Многие в те времена в поисках лучшей доли стремились уехать в Сибирь, и в Сибири действительно нужны были рабочие руки. Правительство поддерживало переселенцев, но, чтобы получить разрешение на переселение, необходимо было иметь не менее 300 рублей – огромные по тем временам деньги.

Наум Язев был уроженцем деревни Булановой Камердытской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии, а Александра – из Пермской губернии. Преодолев все трудности переезда, они добрались до деревни Татарка в Томской губернии (ныне город Татарск Новосибирской области). Недалеко от Татарки находилось более мелкое поселение – деревня Короткан¹ (в настоящее

¹ Перечень «Состав приходов культовых учреждений Новосибирской области». Методическое пособие. ГКУ НСО «Государственный архив Новосибирской области».

время не существует), где старший Язев стал работать в имении помещика П. В. Успенского. Сюда же на работу кухаркой приняли и его жену Александру Васильевну.

Здесь у них 28 сентября 1895 года (10 октября по новому стилю) родился сын. Спустя неделю он был крещён в Христорожественской церкви в Татарке (ставшей к тому времени станцией Татарской) и назван Иваном.

Наум Евдокимович, отец ребёнка, судя по всему, имел буйный нрав. Через какое-то время, как пишет в автобиографии И. Н. Язев, отец повздорил с управляющим имения и лишился работы.

В это время шло строительство Сибирской железной дороги, позднее названной Транссибирской магистралью – от Челябинска до Владивостока, протяженностью около семи тысяч километров. Строительство продолжалось с 1891 по 1905 год. Когда в 1894 году дорога дошла до Татарки, деревня превратилась в станцию Татарская. Родители Язевых в 1898 году успели поработать в качестве землекопов на строительстве железной дороги. Однако, работа была тяжёлой, вскоре её пришлось оставить. Глава семьи устроился сторожем в железнодорожной школе (ныне МБОУ-лицей г. Татарска). Жили они недалеко от школы на улице Закриевской, 9 (улица существует и поныне). Семья Язевых была большая, у них было восемь детей – четыре сына и четыре дочери. Жили они в постоянной нужде. Чтобы прокормить семью, Науму Евдокимовичу пришлось оставить работу в школе и заняться сельским хозяйством.

Образование до революции не было обязательным. Отец считал, что оно и не нужно его детям. Поэтому Ивану в возрасте 10 лет пришлось самому проявить своё желание учиться. Он сам пришел в школу, где учитель обратил на него внимание и взял в класс.

Образование Ивана Язева складывалось из следующих этапов: 1905-1908 гг. – сельская школа; 1909-1911 гг. – второклассная школа; 1912-1914 гг. – высшее начальное училище; 1914-1918 гг. – Землемерное училище в Красноярске; 1918-1922 гг. – Землеустроительно-межевой техникум и Сибирская сельскохозяйственная академия в Омске.

Что представляло собой в то время школьное образование в России? Учитывая, что в семье Язевых было десять человек, а отец зарабатывал немного, Иван мог рассчитывать только на бесплатное образование. К счастью, такая возможность существовала. Школу могли бесплатно посещать все дети в возрасте от восьми до тринадцати лет. Но, поскольку образование не было обязательным, на самом деле в сельской местности в школу попадало, как правило, всего около тридцати процентов детей (в городах больше – порядка половины).

В дореволюционной России начальное обучение в сельской местности дети проходили в так называемых одноклассных школах. Учиться в подобных школах нужно было на протяжении трёх лет. При этом, дети всех трёх лет обучения (разделённые на три отделения) одновременно занимались в одной большой классной комнате с единственным учителем. Одному отделению учитель, например, давал письменную задачу, затем объяснял следующему отделению новый материал, после чего повторял материал с третьим, и так по ходу урока он несколько раз переходил от одного отделения к другому. Из-за того, что классы были довольно большими, к доске учеников вызывали крайне редко.

В школе изучались русский язык и чистописание, четыре арифметических действия, Закон Божий и церковнославянский язык, а также церковное пение. Единой учебной программы не существовало. Учитывая, что дома у детей, как правило, не было условий для занятий, домашних заданий тоже не задавали. Оценки не выставлялись, не было и каких-либо наказаний за плохую учебу. Самое большое, что мог сделать учитель с нерадивым учеником, – в качестве наказания оставить его в классе после занятий.

Учебный год в такой школе длился не более 7 месяцев – с 1 октября по 1 мая, из которых не менее месяца выпадало на церковные праздники. Летом дети нужны были родителям для помощи на работах в поле и в домашнем хозяйстве, поэтому сельскую школу иногда иронически называли «трёхзимней».

Следующий этап обучения – посещение двухклассной школы. Эта ступень требовала более продолжительного периода обучения – пять или шесть лет. Ученики, уже окончившие одноклас-

скую школу, поступали сразу в четвертый класс. Но в 1908 году, когда Иван Язев закончил одноклассную школу, двухклассной школы на станции Татарской еще не было. Один год пришлось обойтись без учёбы. Новая школа открылась здесь в 1909 году, и здесь Иван учился еще два года, в четвёртом и пятом классах – с 1909 по 1911 год. К этому времени Ивану исполнилось 16 лет. Перспектив дальнейшего обучения в поселке не было...

К счастью, в 1911 году станция Татарская была преобразована в город Татарск. Тогда в нём проживало около 4500 человек (в 2017 г. – 24000 чел.). Городу полагалось и высшее начальное училище (такие училища назывались также многоклассными). Такие училища были учреждены в России в 1912 году и состояли из четырёх классов (до этого они назывались просто городскими училищами).

В 1912 году высшее начальное училище открылось и в городе Татарске. Сюда могли поступать дети, окончившие начальную школу. Выпускники второклассной школы шли сразу в третий класс и учились два года. Так произошло и с Иваном Язевым. В 1914 году, когда он окончил это училище (единственный среди своих братьев и сестер), ему было уже 18 лет.

Для большей части учеников обучение после окончания высших начальных училищ заканчивалось. Вчерашние школьники становились работниками, нужными в хозяйстве. По тогдашней статистике, в 1912 году только один выпускник каждой школы планировал учиться дальше – в средних учебных заведениях, например, технических училищах, учительских семинариях и т. п.

Иван Язев, несомненно, был лучшим выпускником Татарского училища 1914 года. Только этим можно объяснить тот факт, что учителя проявили инициативу и собрали 25 рублей для его дальнейшего обучения! В то время такая сумма была сопоставима с месячным жалованием учителя. У многодетной семьи Язевых таких денег, конечно, не было, да если бы и были, скорее всего, Наум Евдокимович не стал бы тратить их на образование одного из сыновей.

Неизвестно, кто помог молодому парню определиться с выбором, но он отправился в Красноярск поступать в Землемерное училище. Почему именно в Красноярск, остается непонятным, поскольку в Омске, находившимся гораздо ближе к Татарску, имелось своё Землемерное училище (открыто 1 июня 1911 года).

КРАСНОЯРСК. ЗЕМЛЕМЕРНОЕ УЧИЛИЩЕ (1914-1918 гг.)

...Окончив в 1914 году высшее начальное училище [в Татарске], я на собранные по подписке учителями училища деньги в сумме 25 рублей поехал в Красноярск, поступать в Землемерное училище. В связи с объявлением войны [1 августа] конкурс был очень большой – на одно место было 10 кандидатов, однако я экзамен выдержал и вскоре получил стипендию 15 руб. в месяц.

Из автобиографии И. Н. Язева, 1939 г.

Землемерные училища относились к разряду средних учебных заведений и состояли в ведомстве министерства юстиции по управлению межевой частью. Землемерное училище в Красноярске открылось в сентябре 1909 года. Здесь готовили техников для производства межевых и землемерных работ.

Ученики изучали следующие предметы: русский язык и историю, алгебру, геометрию и тригонометрию, физику и космографию, геодезию, черчение планов, каллиграфию и рисование, законоведение и межевые законы, почвоведение и растениеводство, сельскохозяйственную и лесную таксацию, коренные улучшения земельных угодий, делопроизводство, Закон Божий, пение, историю, гимнастику. Ежегодно с мая месяца учащиеся проходили практику по межеванию и геодезии.

В первый класс землемерного училища принимались молодые люди не моложе 15 лет, которые сдавали конкурсный экзамен в объеме курса городских училищ в соответствии с положением, принятым в России 31 мая 1872 года. Полный курс обучения в училище продолжался четыре года. Выпускники получали зва-

ние землемера-таксатора и имели право поступления на государственную службу с чином XIV класса по «Табели о рангах» коллежским ассессором. Соответственно, к ним следовало обращаться «Ваше благородие».

Обучение было платным. Плата за обучение составляла 20 рублей в год и вносилась вперед за полугодие. Но существовали 60 казенных стипендий по 180 рублей в год. При отборе учеников учитывались и их физические данные, чтобы в будущем не было препятствий к полевым землемерным работам.

К прошению о приеме в училище Иван Язев приложил подлинные документы:

- 1) метрическое свидетельство за № 10420;
- 2) свидетельство об окончании Татарского мужского учебного заведения II-го разряда за № 29;
- 3) удостоверение о приписке к призывному участку за № 3427;
- 4) две фотографические карточки, засвидетельствованные нотариусом.

Отсутствовало в списке поданных документов свидетельство о благонадёжности, которого у Ивана Язева не было. Возможно, он не получил его из-за отца, который как раз в это время попал под арест из-за своего буйного поведения – он разбил оконные стёкла в доме урядника. Поэтому Иван указывает в прошении: «Ещё имею честь присовокупить, что я лишь только в нынешнем году весною окончил курс Татарского частного мужского учебного заведения, а потому свидетельство о политической благонадёжности при сем прошении не прилагаю, но во избежание недостатка документов, прошу о высылке такового Господина Томского Губернатора непосредственно в Вашу канцелярию». Прошение Иван Язев подает 18 июля 1914 года, а 25 августа начались экзамены.

За месяц до вступительных экзаменов была объявлена всеобщая мобилизация, а 1 августа началась война с Германией. В первую очередь призывали опытных резервистов, молодые люди пока ещё не были нужны армии. Но многие решили обезопасить своих сыновей на будущее и отправили их поступать в училище, поскольку учащиеся получали отсрочку от армии.

Демисезонная униформа учащегося Землемерного училища.

Миниатюра на странице справа – эмблема на петлицах, на которой изображены инструменты землемера – теодолит на штативе, рейка и мерная цепь.

В результате конкурса в училище, который и раньше был большим, в 1914 году значительно вырос и достиг 10 человек на место. Для поступления требовалась подготовка, намного превышавшая средний уровень абитуриентов. Несомненно, Иван Язев достойно показал себя, поскольку не только поступил в училище, но вскоре получил стипендию – 15 рублей в месяц, без которой его обучение было бы невозможным. Эта сумма составляла примерно половину месячной зарплаты учителя или квалифицированного рабочего. Стипендию, помимо оплаты проживания и питания, пришлось потратить и на приобретение формы единого образца¹.

Как пишет сам И. Н. Язев в автобиографии 1945 года, в Землемерном училище на него оказал большое влияние Александр Степанович Чеботарёв (1881-1969), – выдающийся геодезист, в советском будущем – заслуженный деятель науки и техники РСФСР, удостоенный ордена Ленина. Тогда он был директором училища в Красноярске, а позднее стал профессором в МИИГАиК². Вне всякого сомнения, в Красноярске Иван Язев

¹ Милищенко О.А., Цыплёнок И. В. Атрибутика, общие правила и штатный персонал казённого Омского межевого (землемерного) училища Министерства юстиции в контексте складывания специального образования в Сибири (1911-1916 гг.) // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ, 2016. – №3 (6). – С. 126-138.

² МИИГАиК – Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии.

Красноярск (1914-1918 гг.)

прошёл очень хорошую геодезическую школу. Здесь, изучая курс космографии, он впервые познакомился с астрономией.

Всего в землемерном училище в то время обучалось около ста человек. Сегодня четырёхэтажное здание по улице Ленина, 68 в Красноярске, где ранее находилось училище, – жилой дом (здание надстроено на два этажа в 1935 году)¹.

Смутное время, начавшееся в нашей стране в 1917 году, Иван Язев встретил в Красноярске, будучи учащимся Землемерного училища.

¹ URL: <http://www.krasplace.ru/zemlemerное-uchilishhe-v-krasnoyarske> (дата обращения 20.03.2020)

СМУТНОЕ ВРЕМЯ (1917-1920 гг.)

*Товарищи, гордо и смело
На жизненный путь выступайте!
Беритесь смелее за дело
И новую жизнь начинайте.
Вы свергнули царское иго
И сбросили цепи оков,
Вам скажет Россия спасибо
За ваши труды и любовь...*

Из стихов Ивана Язева, 1917 г.

Волна революционных событий февраля 1917 года быстро докатилась до Красноярска. В первых числах марта по распоряжению из Петрограда губернатор Енисейской губернии Я. Г. Голлобов был отстранен от должности и взят под домашний арест. Полиция в Красноярске была расформирована и заменена милицией.

Иван Язев, учащийся Землемерного училища, встретил революцию с энтузиазмом. Это видно по содержанию его стихотворения, опубликованного 30 апреля 1917 года в первом номере газеты «Свободная школа» (фрагмент приведён в эпиграфе выше). Газета была рупором организованных учащихся средних учебных заведений Красноярска. Вскоре, 21 мая 1917 года, в свет вышел первый номер журнала «Дитя революции», созданный «Организацией учащихся» Землемерного училища. В нём было напечатано ещё одно несколько наивное, но искреннее революционное стихотворение Ивана Язева под названием «Русь».

В июле 1917 года состоялись выборы в Красноярскую городскую думу, завершившиеся победой большевиков. Они получили в этом органе около 40 мест, второй была партия социал-револю-

Редакция журнала учащихся Красноярского землемерного училища. 1917 г. Справа вверху Иван Язев. Крайний справа сидит поэт Михаил Чучелов (умер в 1919 г.). Фото из сборника «Уральский библиофил» (Челябинск, Южно-Уральское книжное изд-во, 1989).

ционеров (эсеров), получившая 27 депутатских мандатов. Эсеры в то время были в Сибири влиятельной политической силой. Учащиеся Красноярска большей частью симпатизировали партии эсеров. Не был исключением и Иван Язев.

Пробудились различные формы общественной жизни. В городе был создан Совет Советов учебных заведений города Красноярска, объединявший девять средних учебных заведений. В сентябре 1917 года в Иркутск, на первый Областной съезд учащихся Восточной Сибири, на основании квоты – по одному делегату от 150 учащихся, были направлены делегаты Л. Козлов, И. Язев, А. Суслов. Таким образом, И. Н. Язев в 1917 году впервые познакомился с Иркутском, в котором он вынужденно окажется снова спустя много лет...

В дневнике гимназистки Кати Гайдукович (1900-1951) в записи от 19 сентября 1917 года читаем¹:

«... затем наскоро пообедав, помчались в горлечницу, думала лекция будет, да не было. Язев читал доклад о съезде учащихся в Иркутске. Оказывается, наша Красно-

¹ Копия дневника хранится в Красноярском краевом краеведческом музее (URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/116783/>).

ярская организация – первая в Сибири и самая деятельная... Язев красивый, но как будто застенчивый...»

В Красноярск известие о большевистской революции в столице пришло 27 октября. Красноярский губернский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил о переходе к нему всей власти в губернии. Губернский комиссар Временного правительства был отстранен от должности. В отношении тех, кто не принял новую власть, – а их в городе было немало, начали применяться репрессии.

В апреле 1918 года в Красноярске была образована Енисейская Губернская Чрезвычайная комиссия (ГубЧК) по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. В это самое время Иван Язев окончил Землемерное училище и уехал на родину, в Татарск. Высшее образование он решил получать в Омске. Позже его обвинят в том, что он уехал из революционного Красноярска в контрреволюционный Омск... Однако, и в Омске тоже было неспокойно. В экономике нарастал кризис. К середине 1918 года большинство заводов и фабрик региона работали с перебоями, а до трети населения сибирских городов были безработными. На селе реквизиция хлеба настраивала крестьян против Советов, рос авторитет партии эсеров.

Всё это в июне 1918 года привело к падению советской власти в Сибири в результате контрреволюционного мятежа белогвардейцев и чехословацкого корпуса. Было организовано Временное Сибирское правительство, действовавшее до 18 ноября 1918 года, затем к власти в Сибири пришел адмирал А. В. Колчак. Правительство Колчака просуществовало в течение года – до ноября 1919 года, после чего советская власть в Омске была восстановлена.

На этом фоне развивались события жизни молодого человека, Ивана Язева. Когда через 29 лет над уже зрелым И. Н. Язевым сгустились тучи и встал вопрос о его эсеровском прошлом, ему пришлось подробно описать этот сложный период своей жизни в документе, написанном 29 ноября 1947 года и адресованном начальнику и секретарю партбюро Новосибирского института военных инженеров транспорта (НИВИТ, в настоящее время СГУПС).

Язев пишет, что осенью 1918 года, уже после того, как власть большевиков была свергнута, он поступил учиться в Омский сельскохозяйственный институт. Этот институт был создан 10 августа 1918 года по распоряжению Временного Сибирского (белого) правительства и получил статус государственного высшего учебного заведения с соответствующим финансированием.

Судя по всему, осенью 1918 года занятия в институте не начались. Язев в это время находился у себя на родине, в Татарском. Ему было не до учёбы. Дело в том, что ещё в июне на крестьянском съезде Татарского уезда он выступил с программой партии эсеров. Выступил, видимо, настолько ярко, что был замечен и избран заместителем председателя съезда. Решения съезда были выпущены отдельной брошюрой, в которой зафиксировано несколько моментов, за которые в будущем Язеву придётся отвечать. Во-первых, съезд направил приветственные телеграммы Временному Сибирскому правительству и штабу чехословацких войск как спасителям страны от большевиков. В своей резолюции съезд призвал также к созыву Учредительного собрания, к денационализации и возвращению имений их владельцам. По результатам съезда 15 июля 1918 года приказом Временного Сибирского правительства И. Н. Язев был назначен членом Татарской уездной управы и исполняющим обязанности помощника Татарского уездного комиссара¹.

С августа по октябрь 1918 года он участвует в издании еженедельной газеты «Крестьянская жизнь». За это время вышло 10 номеров. Газета выходила от имени Татарского уездного комитета партии социалистов-революционеров (правых эсеров). Затем, в октябре – ноябре 1918 года Язев переключился на издание газеты «Народное дело», которая была органом Татарского уездного земства².

¹ Приказ опубликован в газете «Сибирский вестник» от 22.08.1918г. №5, лист 3.

² С 3 августа по 5 октября 1918 г. вышло 10 номеров газеты «Крестьянская жизнь», затем с 12 октября по 23 ноября 1918 г. вышло 7 номеров газеты «Народное дело». Источник: статья Шереметьевой Д. Л. «Уездные газеты Сибири в период "демократической контрреволюции" (конец мая – середина ноября 1918 г.)» // в сборнике «Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI века)» / отв. ред. В. И. Шишкин. – Институт истории СО РАН, 2011.

Одновременно Иван Язев работал в земельном отделе Татарского земства. Мало того, на земском собрании его избрали товарищем (заместителем) председателя Татарской уездной земской управы. А позднее, в 1919 году, он был избран председателем земской управы! Вероятно, по причине такой активной работы Иван Язев избежал призыва в армию Колчака, хотя весной 1919 года вышли постановления белого правительства о призыве интеллигенции в возрасте от 18 до 35 лет.

Работа в органах власти при белом правительстве могла для И. Н. Язева «выйти боком» в будущем, после восстановления советской власти. Но кто знал тогда, каким оно будет, это будущее... Многие руководители земских управ, работавшие при Колчаке, в 1937 году будут расстреляны. Однако, над Язевым тучи сгустились гораздо раньше.

В номере газеты «Крестьянская жизнь» от 5 октября 1918 года, ставшим последним для этого издания, он напечатал заметку, вызвавшую неудовольствие властей. По словам Язева, его заметка называлась «Политика или хулиганство», в которой автор называл партизанский отряд атамана Анненкова «бандой убийц и грабителей».

К сожалению, текст заметки найти не удалось. Речь могла идти о событиях, происходивших в начале сентября 1918 года в Славгородском и Павлодарском уездах. Тогда атаман Анненков и его партизанский отряд продемонстрировали свою жестокость в ходе подавления крестьянского восстания. Сам Анненков позже был произведен в генерал-майоры белой армии, хотя на деле не признавал ничьей власти, кроме своей собственной.

При любой власти её критика является смелым, а подчас и безрассудным поступком. Только молодой задор помог Ивану Язеву решиться на такую публикацию, и расплата не заставила себя долго ждать. Красноярская эсеровская газета «Знамя труда» сообщила, что «7 октября в 12 часов ночи на станции Татарск группой солдат из отряда атамана Б. В. Анненкова под угрозой применения оружия был арестован редактор газеты «Крестьянская жизнь» И. Н. Язев... На следующий день, 8 октября 1918 г., И. Н. Язев был освобожден, а земская управа Татарского уезда послала протест министру внутренних дел Временного Сибирс-

кого правительства о нарушении свободы печати, на который ответа не последовало»¹.

В газете была изложена причина ареста, отличавшаяся от версии самого Язева. В «Знамени труда» было написано, что Язев перепечатал заметку «Тюкалинск» из омской газеты «Понедельник»², – говоря современным языком, «сделал репост». Заметка содержала обоснованную критику действий начальника гарнизона города Тюкалинска полковника Доронина. Его «жестокое безрассудные расправы над населением» вызывали протесты даже у Тобольского губернского комиссара В. Н. Пигнатти, требовавшего от министерства внутренних дел специального расследования и устранения Доронина.

Известно, что за публикацию этой же заметки 23 октября 1918 года была закрыта уездная газета «Ишимский край», а ее редактор И. В. Горин арестован. Надо полагать, что и газета «Крестьянская жизнь», где И. Н. Язев был главным редактором, была закрыта по этой же причине.

После ареста Язев был доставлен на станцию Чаны за 70 км от Татарска, где находилась ставка Анненкова. Что произошло там, мы знаем по рассказу самого Язева:

«...на станцию Чаны поезд пришел ночью, меня вывели из вагона и повели вдоль длинных эшелонов. Мне не было известно, что со мной произойдет. Куда меня ведут, зачем и что со мной будет, я не знал. Меня подвели к вагону служебного типа, над которым развевалось черное знамя. На полотнище был изображен череп и кости – эмблема Анненкова. Я понял, что меня привели к атаману. Мы вошли в вагон. Офицер, который меня сопровождал, доложил и сразу меня повели дальше. В большом купе-салоне за столом сидел человек лет 35, одетый в простой китель с погонами, как мне показалось, полковника. Около него стояли навтыяжку два генерала в парадной фор-

¹ Шереметьева Д. Л. Динамика численности газетной периодики Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. статей / науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск, 2010. – С. 37–61 (С. 57-58).

² Орган Акмолинского губернского комитета партии социалистов-революционеров.

ме. Мне показалась странной такая картина. Чувства мои тогда совсем атрофировались, и я считал, что дело подходит к развязке. Анненков увидел меня и предложил сесть, вежливость с его стороны меня еще более удивила. Когда все сели, он обратился ко мне с вопросом: «Почему в вашей газете напечатана статья, резко осуждающая деятельность моего отряда? На каком основании вы называете моих партизан убийцами и грабителями?» Я сказал, что материал, помещенный в газете, основывается на достоверных фактах. «Ваши отряды уничтожили ряд деревень в Купинской волости, сожгли дотла Черный Дол, насильовали женщин, убивали детей. Это бесспорный факт».

Я считал, что моя жизнь кончается и мне хотелось этому извергу сказать всю правду.

Анненков выслушал меня, вытащил из стола несколько прокламаций и показывает мне, что он обращался к населению с призывом выдать зачинщика, но мне, – говорит он, – ответили отказом. Что должен был делать я? – закончил он. Дальше он стал говорить о том, что когда ему становится известным о безобразиях партизан, он таких уничтожает беспощадно. Тут я ему добавил, что вместе со мной привезли партизан, которые в Татарске в гостинице устроили дебош и изнасиловали женщин. – Да, – говорит он, – я это знаю.

Тут быстро вошел офицер и сказал: «Атаман, я имею доложить Вам о событиях в Новониколаевске. По-видимому, эти события Анненкова очень интересовали. Он обратился ко мне и сказал: «Вы свободны».

Слова эти были для меня неожиданны. Однако, я, зная, что анненковцы со мной расправятся и без него, сказал: «Атаман, прикажите выдать справку, что я Вами освобожден». Он обратился к офицеру, который меня привел, и сказал: «Выдайте справку и устройте ночлег». Меня увели в вагон для арестованных, где я и провел остаток ночи. Последние слова Анненкова мне были непонятны. Если я освобожден, то почему меня привели в вагон арес-

тованных. Я спрашиваю офицера, он мне ничего не отвечает. Я стал думать, что этот жаргон понятен им, а меня только вводит в заблуждение. Утром пришел офицер и снова сказал свою обычную фразу: «Следуйте за мной». Мы пошли и подошли к большому товарному вагону, в котором помещалась канцелярия. Здесь мне дали справку, что я освобожден Анненковым»¹.

Из воспоминаний современников известно о более чем жестоком отношении атамана Анненкова к арестованным и за гораздо меньшие прегрешения. Поэтому быстрое освобождение Язева выглядит поистине фантастическим фактом. Возникают сомнения – так ли всё было на самом деле? Однако, некоторые неожиданные и неочевидные детали в описании событий Иваном Язевым позволяют предполагать, что эти события не выдуманы. История вообще изобилует неожиданными поворотами, люди иногда поступают нестандартно. Известный своими зверствами по отношению к сибирским крестьянам Б. В. Анненков почему-то сохранил жизнь молодому 23-летнему парню Ивану Язеву. Его жизнь могла закончиться тогда, в ночь с 7 на 8 октября 1918 года. Для тысяч расстрелянных, повешенных, выпоротых, изрубленных шашками всё завершилось гораздо более трагично².

Как бы то ни было, арест Ивана Язева анненковцами является фактом, отраженным в прессе, и фактом является то, что он был на следующий день отпущен.

После возвращения в Татарск Язев продолжил работу в земской управе, став через некоторое время её председателем. А уже через два дня после ареста, 10 октября 1918 года, он выпустил первый номер новой газеты – «Народное дело», уже от имени Татарского уездного земства. Значит, случившееся не остановило его. Прежняя газета, выходившая от имени партии эсеров, была закрыта.

Язев продолжал сильное сопротивление белой власти. Нескольких большевиков, как он сам пишет, ему даже удалось

¹ Цитируется по документу от 29 ноября 1947 г., написанного И. Н. Язевым для партбюро НИВИТ.

² Павловский П. И. Анненковщина. По материалам судебного процесса в Семипалатинске 25/VII — 12/VIII 1927 г. — М., Л.

высвободить из застенков. В очередной раз над ним сгустились тучи из-за истории с начальником милиции Малышевым в Кыштовской волости. Этот самый Малышев бесчеловечно подвергал поркам население вверенного ему Северного района. После многочисленных жалоб населения и разоблачительной статьи Язева, Малышева отстранили. А вскоре после этого он был убит неизвестным мстителем. В Кыштовку прибыла следственная комиссия, которая готовилась арестовать около шестидесяти местных жителей, обвиняя их в восстании. Однако, в свою очередь, подошли красные партизаны и расправились с комиссией.

После этого уже самого Язева обвинили, ни много ни мало, в подготовке восстания. Об этом он узнал из письма кыштовского врача. Ему не оставалось ничего другого, кроме как поскорее скрыться. Как раз в это время в Томске проходил съезд представителей земельных отделов, туда Язев и уехал. После съезда он ещё два с лишним месяца с паспортом на фамилию Глоба жил в Томске...

Иван Язев вернулся в Татарск в канун падения власти Колчака. На городском собрании он выступил против объявленной эвакуации. В тот же день, 16 ноября 1919 года, были арестованы некоторые члены Земской управы. Самого Язева не застали дома, но взяли в заложники его жену. Приказ об его аресте передали по железной дороге. К счастью, в результате паники, белая армия оставила Татарск раньше, чем пал под ударами красных Омск, так что заложники были освобождены, а Язев вскоре вернулся из Каинска (ныне город Куйбышев Новосибирской области).

После восстановления советской власти, с декабря 1919 года по июль 1920 года, Иван Язев работал в Отделе народного хозяйства города Татарска заместителем заведующего. В январе 1920 года он был арестован теперь уже советской властью, и был вынужден подробно описать свою деятельность в период власти белого правительства. В своем заявлении Иван Язев перечисляет свои заслуги 1918-1919 годов и клянётся в лояльности к новой власти, при этом допуская крамольную фразу:

«... взгляды этой партии [эсеров] с некоторыми изменениями я разделяю и теперь». Тем не менее, тогда всё закончилось для него благополучно.

Грамотные люди нужны при любой власти, так что Иван Язев вскоре получает на руки постановление Сибревкома от 28 июля 1920 г. за № 304, согласно которому он как бывший студент откомандировывался в Омск для продолжения обучения. 20 сентября 1920 года Иван Язев снова уезжает из родного Татарска. Первый курс он закончил (или должен был закончить) при Колчаке, теперь бывший студент возвращался в Омск для продолжения учёбы на втором курсе при новой, советской власти.

Молодой 25-летний человек не разделял взгляды большевиков. Он мог бы продолжить работу в хозяйственных органах, но он понимал, что на нём висит ярлык «недостаточно преданного» сотрудника. Он видел свой путь другим. Учёба стала хорошим поводом вырваться из провинциального болота.

Совсем скоро, в июле 1926 года, в Новосибирске состоится процесс над руководящими работниками из Татарска, которые считали себя хозяевами жизни и вели распутную жизнь. В их числе будут Петр Русинов – председатель Татарского райисполкома, Яков Южанин – начальник Татарского райотдела милиции, Геннадий Ушаков – начальник Татарской тюрьмы и еще шесть человек разного калибра. Все они будут осуждены на длительные сроки, а Татарск ещё долго будет иметь репутацию города с nepядочным руководством.

ОМСК. СЕЛЬХОЗАКАДЕМИЯ (1920-1926 гг.)

В том же году [1918] поступил в Омский С/Х Институт, а в 1920 г. перешел на Геодезический факультет Сибирской С/Х Академии, который окончил в 1922 г.

Из автобиографии И. Н. Язева, 1936 г.

Всё смешалось в истории омских учебных заведений в бурные послереволюционные годы. Омский сельскохозяйственный институт был открыт при советской власти 24 февраля 1918 года на пожертвования частных лиц, предпринимателей и казачества. Но в августе того же года уже новая власть, Временное Сибирское (белое) правительство присвоило институту статус государственного высшего учебного заведения с соответствующим финансированием – на год институту выделялось 380 тысяч рублей. В то время здесь работало только одно агрономическое отделение.

В своей автобиографии, написанной в 1939 году, Иван Язев пишет, что в 1918 году поступил в Омский сельскохозяйственный институт. Однако, судя по обстоятельствам его жизни в этот бурный период, к занятиям он не мог приступить. В ноябре 1919 года, после возвращения советской власти, сельхозинститут был преобразован в Институт сельского хозяйства и механизации. Язев, будучи откомандированным в Омск в 1920 году для продолжения обучения, оказывается на втором курсе Омского землеустроительно-межевого техникума (считавшегося тогда высшим учебным заведением).

Впрочем, вскоре техникум вместе с Сибирским институтом сельского хозяйства и механизации вошёл в состав нового

вуза – Сибирской сельскохозяйственной академии (СИБАКа) ¹. Её и закончил И. Н. Язев в сентябре 1922 года. Это был первый и единственный в этом вузе выпуск двадцати двух геодезистов. После этого геодезический факультет был преобразован в землеустроительный ². Выпускникам присваивалось звание инженера-геодезиста-практика. В дипломе оговаривалось также, что гражданину Язеву предоставляется право в течение двух лет предоставить в Академию отчётную работу по специальности и отчёт о служебной деятельности для получения звания инженера-геодезиста-специалиста.

Интересно сравнить списки дисциплин, изучавшихся будущими геодезистами в 1922 году и спустя много лет, в 1985 году (из диплома автора). В таблице перечислены дисциплины, изучаемые геодезистами в 1922 и 1985 годах с классификацией наук по диплому 1922 года. Сохранена оригинальная орфография.

Выпуск 1922 г.	Выпуск 1985 г.
Сибирская сельско-хозяйственная академия	Новосибирский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии
Геодезический факультет	Аэрофотогеодезический факультет
Инженер геодезист	Инженер астрономо-геодезист
Группа математических наук	
Высшая алгебра Анализ бесконечно малых величин Аналитическая геометрия Сферическая тригонометрия Начертательная геометрия	Высшая математика
Группа астрономо-геодезических наук	
Теория оптических инструментов	Геодезическое инструментоведение Основы оптико-электронного приборостроения
Теория ошибок Способ наименьших квадратов	Теория математической обработки геодезических измерений

¹ Ныне это Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина.

² Белых С. Я. К истории геодезического образования в Сибири. Неопубликованный документ. Из личного архива С. А. Язева.

И. Н. ЯЗЕВ

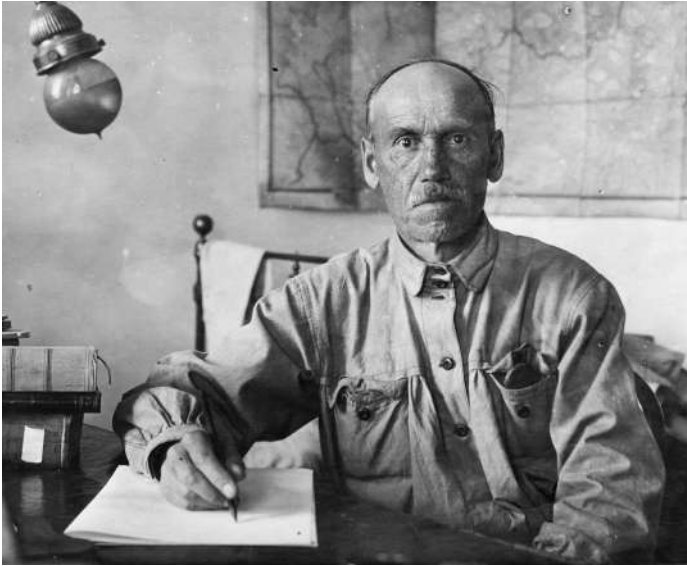
Астрономия теоретическая	Геодезическая астрономия с основами небесной механики
Астрономия практическая	Учебная практика по астрономии
Высшая Геодезия Нивелирование прецизионное	Высшая геодезия Учебная практика по высшей геодезии
Картография Составление и издание карт	Математическая картография
Угломерно-горизонтальная съёмка Нивелирование техническое Нивелир-теодолитные работы Мензуральная съёмка, Тахеометрия Тригонометрическая, полигонометрическая сети и Геодезическое нивелирование, Глазомерная и полуинструментальная съёмки	Геодезия Курсовая работа по геодезии Учебная практика по геодезии
Фото-топография	Фотограмметрия Курсовая работа по фотограмметрии
Группа инженерно-естественных наук	
Физика	Физика
Электрофикация	Основы радиоэлектроники и радиотехники Радиогеодезические и электрооптические измерения Учебная практика по радиогеодезии
Инженерно-Строительное искусство Инженерно-Землеустроительное искусство Приложение геодезии к инженерному делу Приложение геодезии к землеустройству	Прикладная геодезия
Почвоведение Земледелие Лесная таксация	Геоморфология и геология Учебная практика по геоморфологии
Группа политико-экономических наук	
Политическая экономия	Политическая экономия

Омск (1920-1926 гг.)

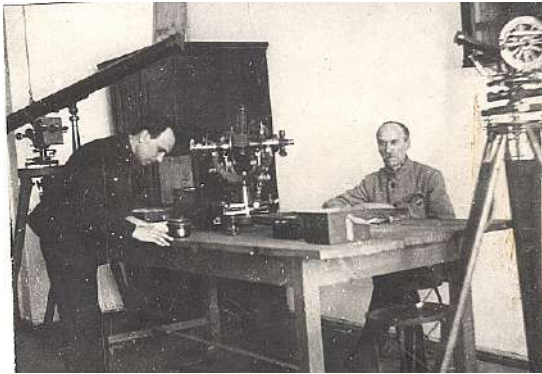
Исторический материализм	Марксистско-ленинская философия Основы научного коммунизма История КПСС
Новое аграрное законодательство	Советское право Организация, планирование и управление производством Экономика геодезических работ Курсовой проект по организации и планированию геодезических работ Охрана труда
Группа графических искусств	
Топографическое черчение Техника надписей на планах и картах Рисование с теорией перспективы и теней	Топографическое черчение
Теоретическая механика Нивелирование барометрическое Сопротивление материалов	Не изучались
Не изучались	Вычислительная техника и программирование Проектирование сложных систем Основы космической геодезии Гравиметрия Теория фигуры Земли Учебная практика по гравиметрии Морская геодезия Динамическая геодезия Иностранный язык Физическое воспитание и спорт Военное дело

Во время учёбы в академии на студента Ивана Язева большое влияние оказали профессора Никифор Демьянович Павлов (1867-1929) и Иван Дмитриевич Чулков (1874-?). Благодаря этим своим наставникам и учителям он сделал окончательный выбор в пользу научной работы.

Н. Д. Павлов был выдающейся личностью. С 1903 года он работал в военно-топографическом отделе штаба Сибирского во-

Профессор Никифор Демьянович Павлов.

Кабинет кафедры высшей геодезии Сибирской сельхозакадемии. За столом Н. Д. Павлов.

енного округа, сначала при царском, затем при белом и красном правительствах. В 1913 году произведён в генерал-майоры. Высокий профессионализм и авторитет Н. Д. Павлова были востребованы при всех политических режимах.

Н. Д. Павлов с 1918 года (в том числе, и при Колчаке) работал в Сибирском институте сельского хозяйства и лесоводства про-

фессором астрономии и геодезии. Еще в 1912 году он разработал способ определения поправки часов, используемый при работе на севере. Этот метод вошёл в учебники по геодезической астрономии, позже его применение и совершенствование стало темой первой научной работы молодого ученого И. Язева. Эта работа называлась «Определение времени по способу профессора Н. Д. Павлова» и была опубликована в «Трудах Сибирской сельскохозяйственной академии». С 1922 года Павлов возглавил кафедру высшей геодезии. В 1929 году, когда Н. Д. Павлов скончался от воспаления лёгких, Иван Язев в журнале «Геодезист» (издавался с 1925 г.) написал некролог о своём учителе¹.

Кафедру геодезии в Сибирской сельскохозяйственной академии с 1922 года возглавлял Иван Дмитриевич Чулков, который до революции был директором Омского землемерного училища. Чулков занимался также геодезической астрономией, разрабатывал методы определения координат по наблюдениям звёзд и Луны.

Будучи студентом, Иван Язев продолжает активно участвовать в общественной жизни. В 1920 году состоялись первые выборы в Омский городской Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В состав горсовета было избрано 337 членов и 128 кандидатов. Первое торжественное заседание горсовета состоялось 22 апреля 1920 года в помещении омского драмтеатра. Иван Язев стал членом горсовета первого, а затем и второго созыва, где представлял свой институт.

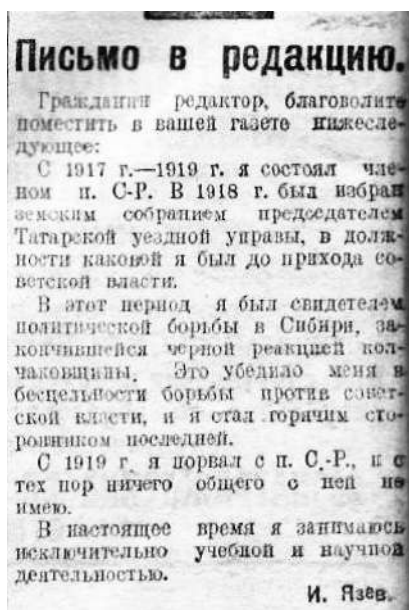
Надо полагать, и своей учёбой студент Язев показал себя с лучшей стороны, он был оставлен при академии для подготовки к получению звания профессора и с 1 июня 1922 года (ещё до получения диплома) приступил к работе в качестве научного сотрудника при кафедре геодезии. Через год Язев стал ассистентом на кафедре геодезии. Он вёл курсы на лесном и агрономическом факультетах, заведовал чертёжной при кабинете геодезии и геодезической лабораторией.

Весной 1923 года ассистент Иван Язев участвовал в полевых работах, а также в экспедиции по изучению грунтов и раститель-

¹ Язев И. Памяти Никифора Демьяновича Павлова // Геодезист, 1929. – № 9. – С. 77–78.

ности Омь-Иртышского водораздела. Вместе со своим помощником Ф. А. Широковым и студентами он проложил нивелирный профиль общей длиной 55 километров от села Андреевка на реке Омь до села Леженка на реке Иртыш. Работа была выполнена на средства, отпущенные для подготовки к Всероссийской сельскохозяйственной выставке¹.

В декабре 1924 года Язевым уже во второй раз заинтересовались органы госбезопасности. На этот раз его вызвали в ОГПУ² и предъявили такое же обвинение, как и в 1920 году – ему вменялось, что он работал в органах власти при Колчаке и состоял в партии эсеров. Язева арестовали и содержали под стражей три недели – с 10 по 30 декабря. Как позднее напишет сам Язев – «расследование не подтвердило антисоветского характера в моей работе и я был освобожден».

Гражданин редактор, благоволите поместить в вашей газете нижеследующее:

С 1917 г. – 1919 г. я состоял членом п. С.-Р. В 1918 г. был избран земским собранием председателем Татарской уездной управы, в должности каковой я был до прихода советской власти.

В этот период я был свидетелем политической борьбы в Сибири, закончившейся черной реакцией колчаковщины. Это убедило меня в бесцельности борьбы против советской власти, и я стал горячим сторонником последней.

С 1919 г. я порвал с п. С.-Р. и с тех пор ничего общего с ней не имею.

В настоящее время я занимаюсь исключительно учебной и научной деятельностью.

И. Язев.

¹ Горшенин К. П., Баранов В. И. К познанию солонцовых комплексов черноземной полосы Западной Сибири // Труды Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства. – Омск, 1927. – Том 7, вып 1.

² ОГПУ – Объединённое государственное политическое управление, создано в 1923 году, в дальнейшем войдёт в состав НКВД – Народный комиссариат внутренних дел СССР.

Мне был выдан документ, в котором сказано, что «за недоказанностью состава преступления дело прекращено». В связи с этим Язев вынужден был публично откреститься от своего эсеровского прошлого. В омской газете «Рабочий Путь» за 16 июля 1925 года было опубликовано «Письмо в редакцию»¹ (см. вырезку из газеты на стр. 32).

Аббревиатура «п. С.-Р.» здесь указывает на партию социалистов-революционеров, которую кратко называли партией эсеров. Партия была распущена в 1923 году.

Письмо Ивана Язева было размещено в нижнем углу последней, восьмой страницы газеты в окружении объявлений об эпидемии скарлатины, спортивных играх, крестьянских займах и т. п. Этим письмом Язев как бы ставил точку в своей политической деятельности. Но, видимо, он понимал, что этим дело не ограничится и не исключены дальнейшие эксцессы. Возможно, поэтому он задумался о смене места жительства.

Вскоре для этого представился удобный случай. В сентябре 1925 года Язев был командирован на шесть месяцев в Пулковскую обсерваторию «для совершенствования».

Обратно в Омск по окончании командировки он не вернулся. А скорее всего, и не собирался возвращаться. В феврале 1926 года в Пулковской обсерватории состоялся конкурс на замещение должности адъюнкт-астронома, которую И. Н. Язев занял в марте. Сохранилась выписка из протокола заседания Правления Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства. Во время заседания обсуждался запрос Пулковской обсерватории – нет ли «препятствий к переходу И. Н. Язева на службу в обсерваторию».

Препятствий указано не было.

¹ Письмо в редакцию. Газета «Рабочий Путь», № 159 (1209), 16 июля 1925 г., Омск.

ГЛАВНАЯ АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ (1926-1928 гг.)

В 1925 году я был командирован в Пулковскую обсерваторию для совершенствования по астрономии сроком на шесть месяцев. По окончании командировки в 1926 году [6 марта] Совет астрономов Пулковской обсерватории единогласно избрал меня Адьюнкт-Астрономом Пулковской обсерватории по службе точного времени.

Из автобиографии И. Н. Язева, 1951 г.

Всемирно известная обсерватория, расположенная на Пулковских высотах, находится в 19 км к югу от центра Санкт-Петербурга. Она основана в 1839 году по указу императора Николая I и называется Главной астрономической обсерваторией Российской академии наук – ГАО РАН.

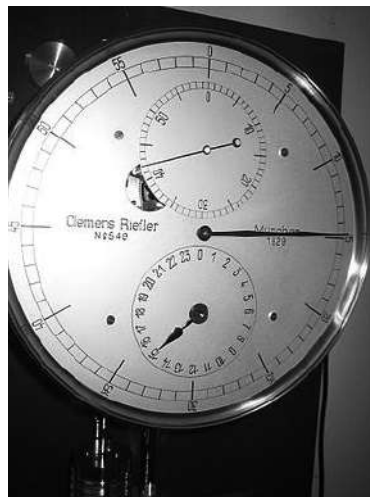
В 1926 году Петроград уже был переименован в Ленинград. В Пулковской обсерватории продолжались начатые еще в XIX веке традиционные работы: велись наблюдения на всех имеющихся инструментах, наблюдались спектрально-двойные и переменные звёзды, обрабатывались материалы старых пулковских наблюдений, продолжались регулярные наблюдения на пассажном инструменте Бамберга. Активно работала Служба времени, а также учрежденное при Пулковской обсерватории Бюро долгот. Астроном Я. И. Беляев (1891-1930) вёл традиционные для Пулкова исследования колебаний полюса.

Ни революционные события 1917 года, ни тяготы гражданской войны не смогли нарушить устоявшиеся традиции знаменитой Пулковской астрономической школы. Директором обсерва-

тории с 1919 по 1930 год был член-корреспондент Академии наук, известный астрометрист А. А. Иванов (1867-1939). Службой времени руководил также астрометрист Н. И. Днепровский (1887-1944). В Службу времени 6 марта 1926 года и был зачислен И. Н. Язев на младшую научную должность – адъюнкт-астрономом. Следующие этапы карьерного роста – это астроном и старший астроном.

Совершим небольшой исторический экскурс, чтобы понять, насколько важной проблемой было получение точного времени в начале XX века.

Люди учились определять и измерять время с давних пор. В древности для этого использовались солнечные и водяные часы. В средние века астролябии помогали определять время по звёздам. Точность таких инструментов была невелика. Кардинальные изменения произошли в 1656 году с изобретением голландским физиком и астрономом Христианом Гюйгенсом (1629-1695) ма-

Часы немецкого мастера Зигмунда Рифлера.

ятниковых часов. Эти часы устроены таким образом, что каждое качание маятника происходит за определённый, строго одинаковый промежуток времени.

Часовой механизм непрерывно совершенствовался. Немецкий часовой мастер из Мюнхена Зигмунд Рифлер из фирмы «Клеменс Рифлер» с 1889 года начал изготавливать часы, которые стали считаться лучшими в мире. Длина их маятника, изготовленного из инвара, сплава с низким коэффициентом расширения, составляла около метра. Погрешность часов – от 10 до 30 миллисекунд в сутки, т. е. от 3 до 10 секунд в год. Первые часы Рифлера Пулковская обсерватория приобрела в 1894 году.

В 1921 году английский инженер Уильям Шорт создал ещё более точные часы с так называемым свободным маятником. Маятник этих часов совершает колебания в вакууме. Он имеет механический контакт со спусковым механизмом через каждые 30 секунд и лишь на доли секунды. Вторичный, «ведомый» маятник вращает храповик, который переключает электромагнит через каждые тридцать секунд. Погрешность часов Шорта была меньше, чем у часов Рифлера, – около одной секунды в год. Такие часы применялись в обсерваториях мира с 1920-х по 1940-е годы, вплоть до появления кварцевых часов. В Пулковской обсерватории такие часы появились в 1932 году.

И часы Рифлера, и часы Шорта подавали секундные импульсы на специальные пишущие устройства, хронографы. В хронографе Хиппа, например, отметки тремя перьями производились на ленте, равномернодвигающейся с фиксированной скоростью 1 или 2 см/сек, так что 1 см на ленте соответствовал одной секунде или 0,5 секунды. Соответственно 1 мм – это 0,1 или 0,2 секунды. Если на хронограф одновременно подавать радиосигналы точного времени, то можно осуществить привязку часов с точностью до 0,01 секунды.

После того, как часы оказываются «привязаны» к сигналам точного времени, наблюдатель может фиксировать на хронографе моменты наблюдения звёзд. Для этого в окуляр, например, пассажного инструмента наблюдается прохождение звезды через меридиан. Наблюдатель нажимает клавишу в моменты, когда звезда пересекает нити окулярного микрометра. Перо хроногра-

Пишущий хронограф Хиппа с тремя перьями

фа в этот же момент наносит штрихи между отметками времени. Сопоставляя штрихи от клавиши с моментами точного времени, можно с высокой точностью определить момент наблюдения.

Классическим инструментом службы времени начала XX века был пассажный инструмент Бамберга, изготавливавшийся немецкой фирмой «Аскания-Верке». Он устанавливался так, что труба всегда была направлена в плоскость меридиана, в его южную или северную часть. Для удобства наблюдений изображение выводилось через боковую ось, так что окуляр, куда смотрел наблюдатель, был всегда неподвижен, независимо от положения трубы. Для повышения точности наблюдатель должен был учесть инструментальные ошибки, такие, как гнутые трубы, неточность установки инструмента, температурные влияния, а также личную ошибку.

Личная ошибка – это индивидуальная особенность каждого наблюдателя. Кто-то фиксирует звезду чуть раньше, кто-то чуть позже её реального прохождения через центральную нить микрометра. Эта личная ошибка достигает 0,1 секунды, а иногда и больше. Она определяется заранее, чтобы затем ввести её в ре-

Пассажный инструмент Бамберга в обсерватории Гринвича в конце 1940-х гг. (Фото с сайта Гринвичской обсерватории)

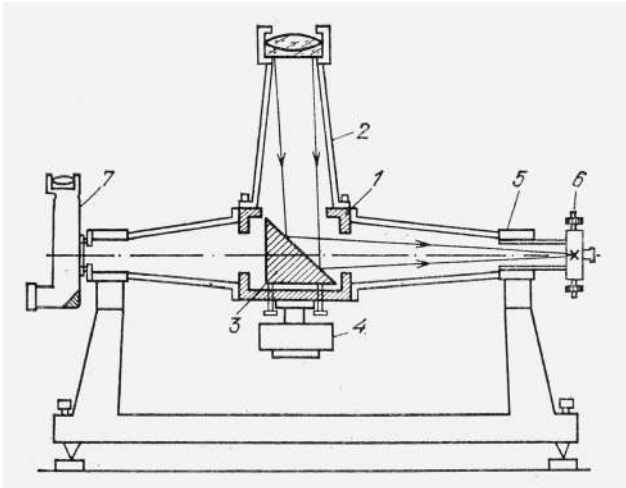

Схема малого пассажного инструмента: 1 – центральный куб; 2 – верхняя часть трубы с объективом; 3 – диагональная призма; 4 – противовес; 5 – цапфа горизонтальной оси; 6 – окулярный узел с микрометром; 7 – искатель для наведения инструмента на звезду. (Из кн.: Пономарев Д. Н. Астрономические обсерватории Советского Союза. – М.: Наука, 1987. – С. 62).

зультаты наблюдений. Наблюдатели, у которых личная ошибка «плавала», т. е. не была стабильной, не годились для точной работы.

Проблема определения точного времени неразрывно связана с проблемой определения долгот. Если широты ещё в древности научились определять, измеряя высоту звёзд и Солнца над горизонтом, то для определения долготы приходилось придумывать различные, зачастую экзотические способы. Внешне задача выглядит просто – необходимо зафиксировать один и тот же момент времени в разных местах земного шара. Тогда разность показаний часов даст разность долгот двух пунктов. Из-за отсутствия точных часов в прошлые века для решения этой задачи использовали: лунные затмения, движение спутников Юпитера, метод лунных расстояний. После появления точных механических часов задача упростилась, но их показания нужно было передавать, то есть перевозить часы с одного места в другое, чтобы сличить время в разных пунктах. Поэтому часы не должны были зависеть от дорожной качки и тряски. Они должны были идти строго равномерно в течение длительного времени.

Наконец, в 1849 году для определения долготы был применен телефон. Изобретение радио позволило передавать сигналы точного времени в любой момент и на любые расстояния с большой точностью, а также получать сигналы времени из других пунктов Земли. Первая в мире долготная привязка по радио была осуществлена в 1904 году, а в России – в 1914-м. После этого в разных странах стали появляться службы времени, передающие сигналы точного времени. Ежедневная (в 19:30 всемирного времени) передача радиосигналов точного времени из Пулково началась 1 декабря 1920 года через петроградскую радиостанцию «Новая Голландия», а с 25 мая 1921 года и через Октябрьскую (Ходынскую) радиостанцию в Москве. Сигнал из Пулково на эти радиостанции передавался по проводам. В 1923 году вступила в строй Детско-Сельская радиостанция (ныне г. Пушкин близ Санкт-Петербурга) с позывными РЕТ, которая работала до начала войны в 1941 году.

Чтобы координировать работу службы точного времени в стране, 24 июля 1924 года был создан Межведомственный коми-

тет по службе времени под руководством директора Пулковской обсерватории А. А. Иванова. С 1925 года начался выпуск бюллетеней с расписанием передач сигналов точного времени как отечественными, так и зарубежными радиостанциями. В этих бюллетенях давались уточнённые моменты уже переданных сигналов, поскольку ошибки в передаче сигналов в то время могли составлять десятые доли секунды, а иногда и целые секунды.

Чтобы ещё уменьшить ошибки моментов, полученных по радио, в 1928 году стали вычисляться вероятнейшие значения времени передач радиосигналов, так называемые «сводные моменты ритмических сигналов» по методу Н. Х. Прейпича (1896-1946). Их точность удалось повысить до сотых долей секунды. Это было уже сравнимо с точностью астрономических наблюдений¹.

Большой вклад в развитие службы времени сделал тогда М. М. Мусселиус (1884-1938). Он поступил в Пулково на год раньше Язева, в 1925 году, когда там только начинались работы по налаживанию службы времени. В течение второй половины 1925 года Мусселиус выполнил изменения в часовой схеме, которые были необходимы для работы с вновь установленным автоматом профессора Азбукина²; спроектировал и сконструировал две распределительные доски для долготной экспедиции Пулково-Гринвич; собрал схему для приема сигналов по методу Кука³, модифицированного в 1924 году Прейпичем⁴.

Схема сличения сигналов по методу Кука-Прейпича заключается в следующем. Передача времени по радио ведётся с помощью специальных часов-нониуса, которые каждую минуту дают 61 сигнал вместо обычных 60. Поэтому сигнал с приемника то сближается с ударом часов, стоящих в обсерватории, то удаляется от него. Во время приёма сигнала на слух задача астроно-

¹ Белоцерковский Д. Ю., Палий Г. Н. Государственная служба времени и частоты СССР // Измерительная техника, 1972. – № 12. – С. 38-42.

² Павел Андреевич Азбукин (1882-1970) – основатель школы проводной связи, руководил Научно-испытательной телефонно-телеграфной лабораторией.

³ Эрнест Кук (1863–1947) – австралийский астроном. В 1917 году предложил оригинальный метод приёма радиосигналов для астроопределений.

⁴ Николай Христофорович Прейпич (1896-1946) – советский астроном и метролог. С 1922 года руководил лабораторией времени Главной Палаты мер и весов.

ма – отметить момент, когда сигнал с приёмника идёт одновременно с ударом часов. На слух сигнал принимается в экспедиционных условиях. В стационарных условиях сигналы поступают на хронограф и сравниваются отметки на бумажной ленте.

С помощью описанных выше инструментов в 1925 году пулковские астрономы Я. И. Беляев и Н. И. Днепровский провели цикл наблюдений для того, чтобы осуществить привязку меридиана Пулковской обсерватории к меридиану Гринвичской обсерватории, признанному международным астрономическим сообществом в качестве линии отсчёта долгот. В наблюдениях использовались два пассажных инструмента Бамберга с контактными саморегистрирующимися микрометрами. Это значит, что наблюдатель с помощью винта микрометра как бы «ведёт» звезду, удерживая её между двумя нитями, а контакты микрометра в нужные моменты посылают сигналы на пишущий хронограф¹. Такая методика значительно повысила точность регистрации наблюдателем момента прохождения звёзд через меридиан.

В качестве рабочих часов в Пулкове использовались часы Рифлера, а в Гринвичской обсерватории – часы Шорта. Сличение часов производилось приёмом одних и тех же серий сигналов точного времени, передаваемых радиостанциями Бордо (Франция) и Науэна (Германия). Было выполнено две серии наблюдений. В первой серии в Гринвиче наблюдал Беляев, а в Пулкове – Дне-

Пулковский астроном
Я. И. Беляев, друг И. Н. Язева.

¹ Попов А. А., Щербакова Н. В. Долгота Пулкова по двухсторонним наблюдениям 1925 года // Известия Главной астрономической обсерватории в Пулкове. – Санкт-Петербург, 2002. – № 216. – С. 252–256.

провский. Во второй серии наблюдатели поменялись местами. Программа наблюдений включала 168 звёзд.

Долготная привязка Пулково к международной Гринвичской обсерватории дала возможность распространять систему долгот из Пулково далее – по всей стране.

Таким образом, в 1926-1928 годах в Службе времени И. Н. Язев работал рядом с известными астрономами Н. И. Днепровским и М. М. Мусселиусом. Текущая работа службы заключалась в приёме и передаче сигналов, в определении поправок на пассажном инструменте Бамберга, а также в надзоре за ходом часов и в усовершенствовании приборов и методов работы.

Молодой астроном с энтузиазмом принялся за работу. С июля 1926 года ему доверили самостоятельно определять поправки часов с помощью пассажного инструмента Бамберга. Ежедневно сотрудники обсерватории проводили также сравнения часов и выводили экстраполированные, то есть прогнозируемые на ближайшее будущее, поправки времени. Они вели приём сигналов от радиостанций на слух по методу Кука-Прейпича.

Жена Язева, М. А. Язева, приехавшая с ним в Ленинград из Омска, работала здесь же. Она производила измерение отметок на ленте хронографа и сравнивала таким образом часы-нониус с нормальными часами ¹.

В первый же год работы молодой астроном усовершенствовал пишущий хронограф. К аппарату было добавлено третье перо; это 1) исключило необходимость сличения часов-нониуса до и после передачи; 2) дало возможность одновременно регистрировать как сигналы самого нониуса, так и приходящий с радиостанции сигнал, и, таким образом, определять непосредственно запаздывание сигналов, а также следить в течение всей передачи за функционированием трансляции; 3) позволило регистрировать одно-временные наблюдения прохождений звёзд на двух различных инструментах; 4) дало значительную экономию в расходе хронометрической ленты на сличения часов.

¹ Отчет с 1 января по 31 декабря 1926 года, представленный Комитету Главной российской астрономической обсерватории в Пулкове ее директором. – Ленинград, 1927. – 128 с. (С. 55).

В отчёте обсерватории за 1926 год отмечается, что И. Н. Язев произвёл сравнение автоматического и слухового приёма сигналов; произвёл определение личной разности по методу Кука; вывел из наблюдений разности моментов посылки сигналов часами и выхода волны из радиостанции. Другими словами, определил запаздывание радиосигнала.

В следующем, 1927 году, как пишет сам Язев: *«мною разработан проект службы долготы, который был опубликован в бюллетене Пулковской обсерватории... Кроме того, в комитете службы времени я предложил ввести в программу передачи специальные сигналы от звездных часов (сигналы долготы), которые передаются и до сих пор для научно-исследовательских целей»*.

Вопрос обсуждался на научном заседании Совета астрономов 11 марта 1927 года. Иван Наумович, проработавший в обсерватории чуть больше года, подготовил глобальный доклад об организации службы долготы в СССР, который в этом же 1927 году был напечатан в Бюллетене Службы времени Пулковской обсерватории. Тогда бюллетень ещё имел немецкое название «Der Langendienst», т. е. «Служба долготы». В то время никто ещё не представлял себе, что через 10 лет такое название будет трактоваться почти как вражеское.

Отдельная статья Язева «Новая программа сигналов Пулковской обсерватории» была опубликована в журнале «Геодезист» № 7 за 1927 г. В воспоминаниях известного астронома Д. Я. Мартынова (1906-1989) упоминается, что Язев предлагал создать радиостанцию, которая круглосуточно передавала бы в эфир сигналы времени. Это предложение, реализованное значительно позже и в несколько иной форме, тогда было отвергнуто пулковскими астрономами как неосуществимое¹.

В Пулковской обсерватории Язев проработал всего три года. Но, несмотря на свой малый опыт, он не боялся обсуждать острые научные проблемы. В статье «Об одной разности в определении долгот» он пишет, что в наблюдениях Службы времени присутст-

¹ Мартынов Д. Я. Полвека у телескопа. – Москва: Изд-во МГУ, 2012. (URL: <http://heritage.sai.msu.ru/history/martynov/>)

И. Н. Язев в конце двадцатых годов XX века.

вует систематическая ошибка, равная в среднем $0,044$ секунды, природа которой неизвестна. Язев объясняет её боковой рефракцией в главном наблюдательном павильоне Пулковской обсерватории. В линейной мере эта ошибка составляет $10,5$ метров и уже на то время была существенной. Статья была опубликована в 1934 году, когда Язев работал в украинских обсерваториях. Но речь в статье идёт о наблюдениях 1926-1928 годов, когда он ещё был в Пулково. Автор весьма категоричен: «Эта разность столь значительна, что астроному заметна даже “невооружённым глазом” а между тем о ней долгое время руководители Службы времени умалчивали». Язев призывает даже ввести поправки во все долготные определения рассматриваемого периода.

В этом же номере «Астрономического журнала» сразу за статьёй Язева опубликована статья его коллеги Н. Н. Павлова¹, который пытается смягчить высказывания Язева и защитить честь обсерватории. Он объясняет обнаруженные разности личными разностями наблюдателей и инструментальными факторами. Павлов приводит даже пример: «личная разность Я. И. Беляева доходила до 0,60 секунды», что в десять с лишним раз больше обнаруженной невязки. Тем не менее, в конце статьи Павлов режюмирует: *«Появление заметки И. Н. Язева следует приветствовать, поскольку она привлекает внимание к одному из актуальных вопросов работы Службы времени – исследованию систематических погрешностей определений поправок часов»*.

Позже наличие аномальной рефракции внутри павильона в главном здании Пулковской обсерватории было признано астрономами, но её открытие стали приписывать Н. И. Днепровскому, под руководством которого работал Язев².

Видимо, сразу после приезда в Ленинград Иван Наумович вступил в члены Русского общества любителей мироведения. Во всяком случае, он значится в списке общества 1927 года. Общество действовало с 1909 года и было закрыто властями в 1932 году. Позднее многие члены общества были репрессированы. Бессменному председателю общества Н. А. Морозову (1854-1946), которому было уже 78 лет, зачли его прежние заслуги в борьбе с царизмом. Он всего лишь был отправлен в ссылку в усадьбу Борок Ярославской губернии.

И. Н. Язев, работая в главной обсерватории страны, стал профессиональным астрономом, оставаясь опытным геодезистом. Его геодезическая подготовка, по-видимому, явилась причиной того, что в 1927 году он был командирован на север для выполнения ответственных геодезических работ.

¹ Павлов Н. Н. Систематические разности поправок, определенных пулковской службой времени // Астрономический журнал, 1934. – Т. XI, №1. – С. 81-91.

² Гуляев А. П., Зверев М. С. Астрометрия // История астрономии в России и СССР / ред. В. В. Соболев. – М.: Янус-К, 1999. – 592 с. (С. 63).

ЭКСПЕДИЦИЯ НА БЕЛОЕ МОРЕ И ОНЕЖСКОЕ ОЗЕРО (1927 г.)

Осенью 1927 г. я ездил в экспедицию от Северо-Западного горного округа на Белое море и Онежское озеро для определения опорных астрономических пунктов для маркшейдерской съёмки.

Из автобиографии И. Н. Язева, 1939 г.

За стенами Пулковской обсерватории в 1927 году развивался новый этап организационных преобразований. Советская власть десять лет не вмешивалась в сложившиеся принципы работы научных учреждений. Но в 1927 году для Академии наук СССР был разработан новый устав и введено государственное управление.

Академия наук состоит теперь при Совете народных комиссаров, которому ежегодно представляет отчёт о своей деятельности. Практическими вопросами с 1926 года занимается «Комиссия СНК СССР по содействию работам АН СССР» (её именовали иногда Комиссией А. С. Енукидзе, секретаря ЦИК СССР). От учёных стали требовать практической отдачи для народно-хозяйственных отраслей страны. В связи с этим был разработан план комплексного изучения территорий страны и развернулась экспедиционная деятельность.

Астрономы в этой работе нужны были в первую очередь в качестве геодезистов. Чтобы согласовать деятельность военной и гражданской геодезических служб, в 1925 году было создано так называемое Постоянное совещание. Был принят пятилетний план развития съёмочных работ на 1925-1929 гг.

Пулковская обсерватория и раньше, с момента своего основания, принимала весьма деятельное участие в обширных геодезических работах, проводившихся на территории России. Ни одна более или менее значительная работа не обходилась без

И. Н. Язев около 1928 года. На обороте – штамп «Укрфотооб'єднання».

участия Пулкова. В обсерватории проводилось обучение офицеров Корпуса военных топографов Генерального штаба в царское время. Затем, вплоть до 1928 года, здесь готовили и советских военных топографов, гидрографов, штурманов. Сотрудники Пулковской обсерватории выезжали на полевые работы для проведения наиболее ответственных геодезических работ.

Осенью 1927 года на такие работы по заданию Северо-западного горного округа отправился И. Н. Язев. Задачами экспедиции на Белое море и Онежское озеро были: определение координат

мест и привязка горных разработок полезных ископаемых. Эти изыскания позже пригодились при проектировании Беломорско-Балтийского канала, строительство которого развернулось в 1931-1933 годах.

По результатам работ Язев подготовил публикацию «Определение астропунктов на Белом море и Онежском озере в 1927 году». Была ли опубликована эта шестистраничная работа – неизвестно.

Из других экспедиций Академии наук в этот период можно отметить экспедицию по изысканию серы в Кара-Кумах (1926) и Памирскую комплексную экспедицию (1928); в той и другой участвовал пулковский астроном Я. И. Беляев, друг Язева, к сожалению, рано умерший – в 1930 году.

**ПУЛКОВО – НИКОЛАЕВ.
МОСТИК НА УКРАИНУ (1928 г.)**

В 1928 г. мною совместно с Н. Н. Павловым произведено двухстороннее определение разности долгот по радиотелеграфу между Пулковом и Николаевым. Определение производилось на пассажных инструментах Бомберга [соврем. – Бамберга] с автоматической регистрацией радиосигналов.

Эта работа по своей организации и точности является лучшей из подобных работ у нас в Союзе.

Из автобиографии И. Н. Язева, 1939 г.

Как было описано выше, в 1925 году пулковские астрономы Я. И. Беляев и Н. И. Днепровский осуществили привязку Пулковской обсерватории к меридиану Гринвичской обсерватории. По такой же методике в 1928 году было решено определить разность долгот между обсерваторией в Пулково и ее южным отделением, находившемся в городе Николаеве на Украине. Первоначально для выполнения работы были назначены И. Н. Язев и М. М. Мусселиус. Но из-за серьезной болезни последнего его заменил пулковский аспирант Н. Н. Павлов (1902-1985).

Для Павлова эта работа была дипломной, т. к. он не имел законченного высшего образования. Впоследствии он стал ведущим астрометристом, крупным специалистом службы времени, находившейся тогда на стратегическом направлении развития науки. Язев и Павлов были знакомы еще по Омску, со времени учебы Ивана Наумовича в Сибирской сельскохозяйственной академии в 1920–1922 гг. В академии преподавал отец Павлова, профессор астрономии и геодезии, в прошлом генерал-майор и военный то-

пограф, Никифор Демьянович Павлов. Сын Павлова, Николай Никифорович, будучи на семь лет младше Язева - студента, в то время уже преподавал в институте ¹.

Два однотипных приемника для автоматической регистрации сигналов времени были изготовлены на Ленинградской научно-испытательной телеграфной и телефонной станции. Оба приемника были снабжены фильтрами для защиты от помех. Принимались сигналы трёх станций – в 20:00 гринвичского времени из Бордо (Франция), в 0:00 и 12:00 из Науэна (Германия), и в 21:00 – сигналы Пулковской обсерватории, передаваемые из Москвы.

В обоих наблюдательных пунктах, в Пулково и Николаеве, помимо стандартных сигналов регистрировались также секундные сигналы звёздных часов, находящихся в Пулково. Сигналы времени из Пулковской обсерватории передавались точными часами Штрассера-Родэ ² № 798. По инициативе Язева профессор Азбукин сконструировал электромагнитное приспособление системы Бореля для корректировки сигналов ³. Далее сигналы поступали из Пулкова в Москву по проводам, а затем передавались через радиостанцию в Детском Селе с помощью дугового передатчика на волне 7100 метров.

Передача сигналов начиналась в 20 часов 55 минут. Это было чередование точек и тире по определённой схеме ⁴. В передачу включались также условные сигналы о состоянии погоды в Пулково, чтобы наблюдатель в Николаеве мог подстраивать свои наблюдения под пулковского наблюдателя. Для наблюдения звёзд использовались те же самые пассажные инструменты Бамберга, которые ранее использовались для определения разности долгот Пулково – Гринвич.

К работе приступили в июле 1928 года, но из-за неблагоприятной погоды наблюдения начались только в августе. В сентяб-

¹ Попов А. А. Астроном Н. Н. Павлов // Известия ГАО РАН, 2002. – № 216. – С. 618-622.

² Профессор Людвиг Штрассер вместе с механиком Густавом Родэ основал часовую фирму Strasser & Rohde, которая производила особо точные астрономические часы.

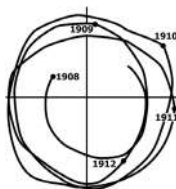
³ Сто лет Пулковской обсерватории. Сборник статей. – М. – Л.: Изд. АН СССР, 1945. (С. 142).

⁴ Гинзбург В., Пульвер В. Сигналы точного времени // Журнал «Радиолюбитель», 1927. – № 2. – С. 41-42.

ре наблюдатели поменялись местами, причём были перевезены также инструменты и приёмные станции. Каждая серия наблюдений проводилась в течение 20 ночей. Каждую ночь наблюдалось в среднем около 20 звёзд. Закончились работы поздней осенью, 20 ноября.

Краткие результаты фундаментальной работы по определению разности долгот Пулково и Николаева были опубликованы в первом номере журнала «Геодезист» за 1931 год. Журнал доступен в электронном архиве библиотеки ГПНТБ России¹. В полном виде работа И. Н. Язева и Н. Н. Павлова была опубликована в 1933 году. Эта статья заняла целый выпуск Трудов ГАО² – 76 страниц!

Командировка в Николаев изменила судьбу Ивана Наумовича. В это время он был женат. Его жена Мария переехала вместе с ним из Омска в Ленинград и работала в Пулково вычислителем. Но в Николаеве Иван Наумович встретил другую Марию, – Марию Константиновну Максимову, работавшую вычислителем в Николаевской обсерватории. Она была на три года старше Ивана Наумовича, так же, как и он, происходила из многодетной семьи. Мария Максимова хорошо пела, аккомпанируя себе на фортепиано. Её отец, морской офицер, полковник, командир корабля Черноморского флота, умер от тифа в 1919 году. Два брата, тоже офицеры, были расстреляны красными. Чтобы избежать кривотолков, Иван Наумович без колебаний покидает Пулково и уже с нового 1929 года начинает работать в Николаеве.

¹ ГПНТБ России. URL: <http://193.233.14.50/dsweb/HomePage> (дата обращения 25.03.2020).

² Язев И. Н., Павлов Н. Н. Определение разности долгот Николаев – Пулково по радиотелеграфу. – Труды ГАО, 1933. – Т. 42, сер. 2. – С. 1-76.

НИКОЛАЕВСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ (1929-1934 гг.)

*До сих пор мне было невдомёк –
Для чего мне звёздный каталог?..*

Арсений Тарковский, «Звёздный каталог», 1945 г.

Звёздные каталоги составлялись ещё во времена древних греков. Их точность значительно повысилась после изобретения и усовершенствования телескопа. В 1879 году немецкий астроном Артур Ауверс составил первый фундаментальный каталог FK для 1535 звёзд, отличавшийся повышенной точностью. В нем были сведены, усреднены и приведены на одну эпоху несколько существовавших к тому времени абсолютных каталогов, в том числе пулковские каталоги на эпохи 1845.0 и 1865.0. При этом, каждому каталогу, входящему в фундаментальный, присваивается свой «вес», зависящий от точности исходного каталога. Приведение к одной эпохе очень важно, так как звёзды обладают небольшими собственными движениями, которые нужно учитывать. Каталог FK был уточнён в 1907 году и получил название NFK или FK₁¹ на эпоху 1900.0. К тому времени Пулковская обсерватория имела каталоги на эпохи 1885.0 и 1905.0, которые, как и раньше, вошли в новый каталог NFK с максимальными весами.

После первой мировой войны встал вопрос уточнения каталога NFK. На втором конгрессе Международного астрономического союза, состоявшемся в июле 1925 года в Кембридже (Англия)²,

¹ В дальнейшем в астрометрии использовались каталоги FK₃ – на эпохи 1900.0 и 1950.0; FK₄ – на 1975.0; FK₅ – на эпоху 2000.0.

² Астрономия в СССР за сорок лет. 1917-1957 / под ред. А. А. Михайлова (отв. ред.), М. С. Зверева, П. Г. Куликовского, А. Г. Масевич, Э. Р. Мустеля, В. В. Соболева, М. Ф. Субботина. – М., 1960. – 728 с.

было решено продолжить кооперацию между учёными разных стран для уточнения положений звёзд фундаментального каталога NFK. В 1928 году Пулковская обсерватория приступила к выполнению своих рядов меридианных наблюдений.

Николаевская обсерватория была южным отделением Пулковской обсерватории. В прошлом она прославилась своими высокоточными наблюдениями положений небесных тел и созданием большого количества различных каталогов (включая каталог положений 5665 звёзд, полученный К. Кнорре для Ф. Бесселя в 1832 году, и каталог положений 5954 звёзд, полученный И. Кортацци в 1899 году). Теперь Николаевской обсерватории было предложено наблюдать 674 звезды от полюса до -30 градусов склонения^{1, 2}.

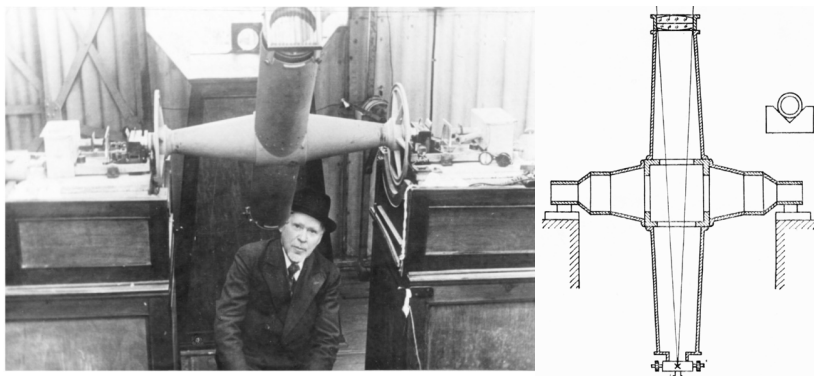
Для выполнения этой важной работы с 1 января 1929 года И. Н. Язев, уже в должности старшего астронома, был откомандирован в г. Николаев. Возможно, Иван Наумович сам инициировал свою командировку, чтобы работать рядом с Марией Константиновной Максимовой. Вскоре она станет его новой женой.

Николаевской обсерваторией с 1923 года руководил Леонид Иванович Семёнов (1878–1965). Он был прекрасным наблюдателем и с 1924 года сам проводил наблюдения прямых восхождений звёзд на пассажном инструменте Фрейберга-Кондратьева. Позже, в 1930 году, в обсерваторию поступил пассажный инструмент Бамберга фирмы «Аскания-Верке».

Пассажный инструмент Фрейберга-Кондратьева так же, как и инструмент Бамберга, устанавливался в меридиане. Он был стационарным, опоры его осей были зафиксированы на бетонных столбах. Большой диаметр объектива – 108 мм (при 90 мм у инструмента Бамберга) с фокусным расстоянием 1300 мм, позволял наблюдать более слабые звёзды. Этот инструмент был изготовлен в 1898 году пулковским мастером-самоучкой Генрихом Андрее-

¹ Пинигин Г. И., Пожалова Ж. А. Николаевская обсерватория в первой половине XX века. – Николаев, 2011. – 148 с. (С. 43-44).

² Николаевская астрономическая обсерватория: 190 лет // Материалы международной научной конференции «Астрономические исследования: от ближнего космоса до Галактики», 26-29 сентября 2011 г. – Николаев: Изд-во Ирины Гудым, 2011. – 200 с.

Л. И. Семёнов, заведующий Николаевским отделением, у пассажного инструмента Фрейберга-Кондратьева. Справа: схема большого пассажного инструмента.

вичем Фрейбергом (1854-1944), который прославился изготовлением большого количества самых разнообразных инструментов. Во время первой мировой войны он переменял фамилию и стал Кондратьевым, но после революции (с 1923 года) взял паспорт с двойной фамилией.

И. Н. Язев вместе с Л. И. Семёновым наблюдал абсолютные восхождения 674 звёзд для каталога Nik30 (так называли николаевскую часть международного каталога NFK). Параллельно с ними, на вертикальном круге, наблюдения склонений вёл Герман Карлович Циммерман (1896-1981). Программой предполагалось получить для каждой звезды 16 наблюдений на пассажном инструменте и 8 – на вертикальном круге.

Рабочими часами служили часы Шорт-35. Первичный маятник часов находился в часовом подвале под главным зданием обсерватории на глубине 4,5 метра. Температура воздуха в подвале изменялась в течение года в пределах 6-7°, с минимумом в апреле и максимумом в октябре. Маятник был заключён в герметичный футляр, внутри которого поддерживалось низкое давление около 23 мм ртутного столба. Вторичный маятник находился в круглом зале обсерватории. При наблюдениях использовались тридцатисекундные импульсы первичного маятника. Вариация суточного хода этих часов была равна четырём миллисекундам.

Регистрация наблюдений производилась печатающим хронографом завода ЭЧЛ – Электрические часы Ленинграда. Сам хронограф был установлен в павильоне, а питающий его кварцевый генератор находился в главном здании обсерватории. Инструмент был снабжен саморегистрирующим микрометром фирмы «Аскания-Верке»¹.

Всего было выполнено наблюдений: И. Н. Язевым – 8488 и Л. И. Семёновым – 13643. Разность между дневными и ночными наблюдениями оказалась очень малой: для Семёнова – $0,^s001$; для Язева – $0,^s002$. Личная разность (для звёзд от -10° до $+50^\circ$ склонения) между двумя наблюдателями оказалась равной нулю, поэтому вычисление циклических поправок велось совместно.

В отчёте обсерватории за 1929-1933 гг. Семёнов приводит таблицу, показывающую вклад каждого астронома (С. – Семёнов, Я. – Язев)²:

Годы	1929		1930		1931		1932		1933		Всего	
	С.	Я.	С.	Я.	С.	Я.	С.	Я.	С.	Я.	С.	Я.
Часовых звёзд	417	215	861	475	657	663	793	463	500	451	3228	2267
Каталожных звёзд	1111	995	1680	2223	1656	1221	1340	797	1275	985	7062	6221
Полярной звезды	65	38	101	82	79	59	72	36	47	29	326	244
Солнца	27	21	30	48	31	37	44	27	24	17	156	150
Планет (Меркурий, Венера)	12	5	13	17	12	22	52	22	20	14	109	87
Отсчёт азимутов	244	84	464	209	462	218	410	142	265	108	1845	761
Отсчетов наклонности	240	85	434	209	387	205	366	143	248	110	1675	752
Определение коллимации	85	10	69	10	73	6	69	7	37	8	333	41
Определение шир. контакт.	12	3	30	6	110	11	110	11	120	8	402	39

¹ Николаевская астрономическая обсерватория: звёздный путь длиной в 175 лет / отв. ред. Г. И. Пинигин. – 1998. – 302 с.

² Семёнов Л. Отчёт Николаевской астрономической обсерватории // Астрономический журнал, 1934. – Т. 11, вып. 3. – С. 274-275.

Штат обсерватории состоял из четырёх научных единиц (одна оставалась вакантна), трёх вычислителей и вспомогательных единиц – бухгалтер-завхоз, два служителя, ночной сторож и уборщица. Вычислителей не хватало, поскольку, как писал Л. И. Семёнов: «Если астроном может сделать наблюдение за одну минуту, то на обработку его надо иногда 30 минут». Поэтому зачастую сами наблюдатели обрабатывали результаты своих наблюдений.

Представление о работе вычислителей можно получить из отчёта Пулковской обсерватории за 1926 год. В отчёт включены и описания работ Николаевской обсерватории, которая была южным отделением Пулковской обсерватории. Итак, М. К. Максимова, будущая жена И. Н. Язева, в 1926 году приводила на видимые места звёзды, наблюденные в 1918 и 1919 годах, контролировала журналы наблюдений Б. П. Кудрявцева (тетради №№ 28-33) и вела вычисления в журналах Б. К. Залесского (тетради №№ 17-22), а именно – вычисляла отсчёты микроскопа, микрометра, уровней, приведений на меридиан, поправок за деления круга, вычисляла для звёздного каталога видимые склонения звёзд на эпоху 1915 года с учётом собственных движений звёзд и других поправок (сделано 22 листа). Работы хватало с избытком для всех троих вычислителей.

Результаты многолетней работы по наблюдению каталожных звёзд в Николаевской обсерватории были опубликованы Л. И. Семёновым только после войны, в 1949 году^{1, 2} и в дальнейшем использовались при выводе фундаментальных каталогов звёзд FK4 (1963 г.) и FK5 (1988 г.). Вклад Пулковской и Николаевской обсерваторий в международный каталог FK5 составлял 36%.

Язев в списке своих публикаций иногда приводил название статьи «Фундаментальный каталог прямых восхождений звёзд 1930 г., наблюденных на пассажном инструменте Фрейберга в Николаеве (8500 набл.)». Статья планировалась к публикации в Пулкове в 1941 году. Но статья не была опубликована – помешала война...

¹ Семёнов Л. И. Прямые восхождения 674 звёзд по наблюдениям в Николаеве (1930) // Труды ГАО, 1949. – Т. LXIII. – 115 с.

² Семёнов Л. И. Прямые восхождения Солнца, Меркурия и Венеры, наблюденные в Николаеве в 1929-34 гг. // там же. – 8 с.

Что касается наблюдений Солнца и планет, они были необходимы для уточнения элементов их орбит, исправления положения точки отсчета системы координат (точки весеннего равноденствия) и контроля положения экватора звёздных каталогов. Ранее такие же наблюдения велись и в Пулково, но были приостановлены, так как их посчитали нерациональными из-за большой широты обсерватории (в 1950-х годах были возобновлены). Наблюдения планет, выполненные в Николаевской обсерватории, вместе с наблюдениями других обсерваторий использовались также при выводе планетных эфемерид.

В Николаеве началась педагогическая деятельность И. Н. Язева. В 1929 году Украинский Наркомпрос утвердил его как действительного члена Научно-исследовательского института – профессором, и ему было поручено чтение курса астрономии в пединституте.

Как пишет сам Иван Наумович, в институте я «читал астрономию и геофизику. Мною организованы астрономическая обсерватория, метеорологическая станция, а также кабинет астрономии и геофизики. В мастерских института строятся два прибора по моему проекту. Первый – маятник Фуко с электромагнитным возбудителем для непрерывного качания. Этот прибор будет применен для определения широты. Второй – для измерения лунно-солнечного притяжения».

Кроме того, параллельно с основной астрономической и педагогической деятельностью, в Николаеве И. Н. Язеву было поручено руководить крупномасштабной съёмкой города ¹. К работе его привлекли во второй половине августа 1929 года. Эта большая работа заняла три года, включая все этапы топографических работ, и была сдана в сентябре 1932 года, на три месяца раньше назначенного срока. Объём работ по съёмке в масштабе 1:500 целого города с населением более ста тысяч человек был, конечно, гигантским. Геодезистам будут понятны некоторые числа, характеризующие объём работы – 1092 нивелирных репера I и II классов и 106 км ходов полигонометрии I и II классов. Работа была отмечена почётной грамотой и премией в размере 700 рублей от городского совета. В то время эта сумма была на уровне месячной заработной платы работника высокой квалификации.

¹ Язев И. Съёмка города Николаева // Геодезист, 1933. – № 11-12. – С. 41-53.

Николаев (1929-1934 гг.)

И. Н. Язев (стоит слева) во время съемок в г. Николаеве, 1930 г.

Геодезическая партия, выполнявшая съемку г. Николаева. 1932 г.
И. Н. Язев третий слева в первом ряду.

Как Ивану Наумовичу удавалось совмещать эту работу с научной и педагогической деятельностью – сложно сказать. Даже если учесть, что работу по созданию сети триангуляции и соответствующие вычисления взял на себя известный геодезист, профессор Одесского университета Иннокентий Дмитриевич Андросов (1888-1948) ¹.

В период жизни Язева в Николаеве, в 1930 году, произошёл известный обмен «любезностями» между папой римским Пием XI и советскими астрономами. На заявление папы об антицерковной политике Советской России бурно отреагировало правительство большевиков. В числе прочих своё слово высказали и двадцать видных советских астрономов. Они написали «Открытое письмо советских астрономов папе римскому Пию XI» ², в котором дали отповедь Ватикану, указав на гонения, которым подвергались Джордано Бруно, Галилей и Кеплер. К «Открытому письму» присоединились более ста советских астрономов, в том числе и любители – члены Нижегородского кружка.

К письму присоединились и четверо сотрудников Николаевской обсерватории – Л. Семёнов – директор, И. Н. Язев – старший астроном, Г. Циммерман – адъюнкт-астроном, Т. Семёнова – астроном (инициалы – как в тексте письма).

Как уже было сказано, здесь, в Николаеве, Иван Наумович нашёл свою вторую жену, Марию Константиновну Максимову. Несмотря на то, что её уже ушедший из жизни отец был морским офицером, во избежание ненужных осложнений Иван Наумович вынужден был писать в анкетах, что тот заведовал метеостанцией. Через год после окончательного переезда в Николаев, 17 января 1930 года, у Язевых родился сын, которого папа-астроном назвал звёздным именем Арктур, по названию самой яркой звезды в созвездии Волопас. Дочь Гемма родилась четырьмя годами позже, своё имя она получила по названию главной звезды в созвездии Северная Корона. Эти звёздные имена, вероятно, сыграли свою роль в будущем, при выборе профессии Арктуром и возникновении астрономической династии Язевых.

¹ Андросов И. Триангуляция гор. Николаева // Геодезист, 1932. – №2-3. – С.101-111; Геодезист, 1932. – №4. – С. 47-54.

² Известия ЦИК СССР и ВЦИК от 27/III 1930 г.

КИТАБ. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ЗЕМНЫМ ПОЛЮСОМ (1933 г.)

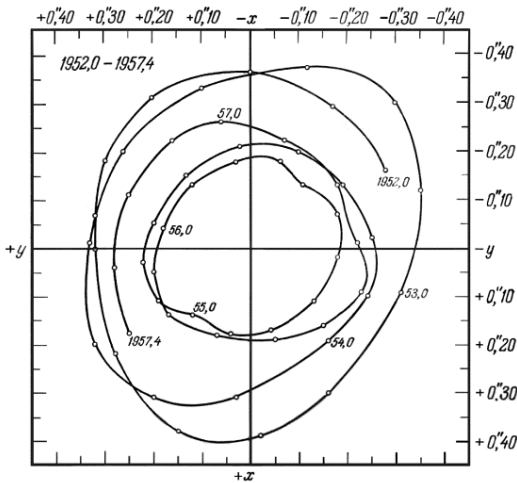
В 1933 году я был командирован в Китаб (Узбекистан) для участия в Международной долготной работе, где я в течение 3-х месяцев вел наблюдения на пассажном инструменте.

Из автобиографии И. Н. Язева, 1951 г.

Судя по автобиографии, в 1933 году И. Н. Язев на три месяца был командирован в Узбекистан. Там, в Китабе, уже три года работала новая широтная станция. Это была одна из пяти международных станций, которые как кольцом опоясывали земной шар вдоль параллели с широтой 39 градусов 8 минут. Станция, расположенная в двух километрах севернее Китаба, на левом берегу реки Кашкадарьи, появилась взамен разрушенной станции в Чарджуе, Туркестан (существовала с 1899 по 1919 год). Другие станции этого кольца расположены в Гейтерсбурге и Юкайе (США), Карлофорте (Италия), Мицузаве (Япония). Такое расположение станций было признано удобным для слежения за колебаниями земного полюса. Например, если в Китабе будет обнаружено увеличение широты, это будет означать, что расстояние между Китабом и полюсом уменьшилось, т. е. полюс сместился в сторону Китаба. Значит, от Юкайи, лежащей на противоположной стороне Земли, полюс в этот момент отдалится и её широта должна уменьшиться.

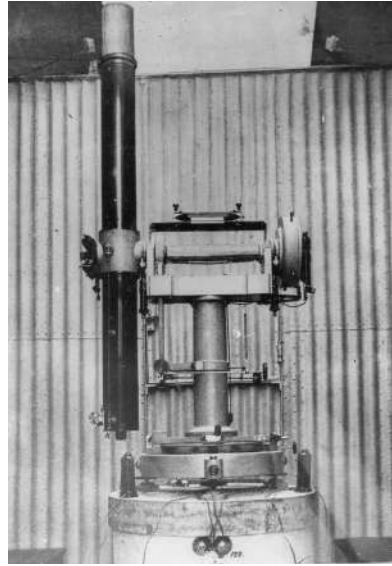
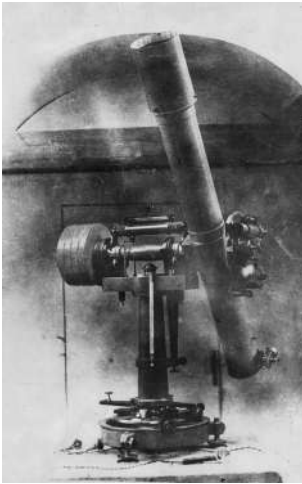
Колебания полюса были обнаружены в XIX веке. Они вызваны тем, что наша планета сплюснута, и вообще имеет неправильную форму. Поэтому притяжение Луны и Солнца (позже Язев добавит к ним Юпитер и Сатурн) как бы раскачивает Землю, а

земные полюса совершают колебательные движения с амплитудой около 15 метров. Это немного, всего 0,5 угловой секунды, но эти отклонения уже влияют на результаты высокоточных астрономических наблюдений. Кроме того, это означает, что вся сетка географических координат, привязанная к полюсам, «ползает» по поверхности Земли, и географические координаты любого пункта непрерывно меняются. Поэтому еще в 1899 году Международная ассоциация геодезии решила создать Международную службу движения полюсов.

Движение северного полюса Земли по её поверхности с 1952 по 1957 год. Угловое смещение на $0,1''$ соответствует 3 метрам на поверхности Земли.

Станция в Китабе была оборудована зенит-телескопом Бамберга, аналогичным по размерам и конструкции другим инструментам, работающим на международных станциях. Объектив диаметром 110 мм был больше, чем у пассажного инструмента Бамберга. Это не случайно. Инструмент называется зенит-телескопом потому, что его труба всегда направлена в зенит. Наблюдения проводились по способу американского геодезиста Эндрю Талькотта. Подбираются пары звёзд, проходящие вблизи зенита, но по разные стороны от него, не далее 10-15 угловых минут друг от друга. Сначала нить микрометра наводится на первую из звёзд, затем инструмент быстро поворачивается вокруг вертикальной оси на 180° и измеряется расстояние до второй звезды. В поле зрения инструмента, направленного в зенит, могут попасть толь-

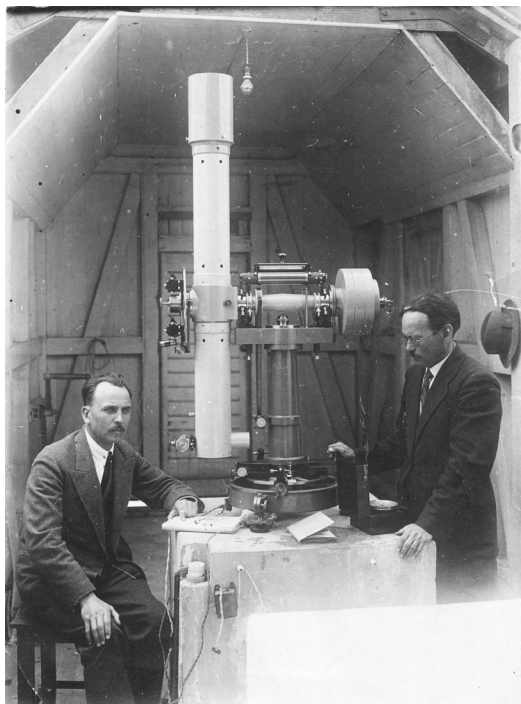

Слева – 110-мм зенит-телескоп станции в Китабе, справа – 135-мм зенит-телескоп Пулковской обсерватории. Инструменты системы Бамберга изготовлены фирмой «Аскания-Верке». Фотографии из диссертации И. Н. Язева 1939 г.

ко звёзды, лежащие в узкой полосе шириной около половины градуса. В отсутствие здесь ярких звёзд приходится наблюдать и достаточно слабые звёзды. Для этого и необходим большой диаметр объектива.

В диссертации И. Н. Язева 1939 года подробно описаны инструменты, использовавшиеся в СССР для широтных наблюдений. Прежде всего, это пулковский инструмент, наблюдения на котором проводятся не менее 25 лет, и зенит-телескоп Международной широтной станции в Китабе. Кроме того, широтные наблюдения в 1935 году были организованы в Одесской обсерватории. Однако, вскоре инструмент был передан оттуда во вновь созданную обсерваторию в Полтаве.

В Китабе Язев пока ещё не погрузился в проблему земного полюса. Здесь он работал не на зенит-телескопе, а вёл наблюдения с помощью пассажного инструмента, который был ему хорошо знаком. Его наблюдения были необходимы для уточнения долготы станции.

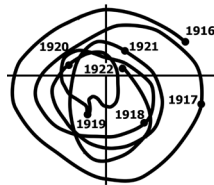
И. Н. Язев (сидит) и И. Д. Андросов у зенит-телескопа Бамберга ($D = 110$ мм, $F = 1289$ мм) в Одесской обсерватории.

Зенит-телескоп	Где находится	Диаметр объектива, мм	Цена оборота микрометра, "	Уровень I	Уровень II	Накладной уровень
Фрейберг	Пулково	135	38,247	1,374	1,301	1,220
Цейс	Полтава	135	39,057	1,232	неиспр.	0,913
Бамберг	Полтава (из Киева)	90	44,779	1,106	1,100	1,056
Бамберг	Полтава (из Одессы)	110	39,760	0,780	0,951	1,142
Бамберг	Китаб	110	—	—	—	—
Бамберг	Иркутск	90	—	—	—	—

Эпизод с командировкой в Китаб впервые появляется в автобиографии Язева в 1951 году, то есть спустя 18 лет. Этот эпизод не

Китаб (1933 г.)

вполне ясен. Как могли его отправить в командировку на целых три месяца из Николаевской обсерватории во время выполнения важной работы над звёздным каталогом? По объёму работ, приведённому в таблице на стр. 54, мы видим, что в 1933 году Язев наблюдал не меньше, чем в предыдущем 1932 году. Есть ещё упоминание в отчёте Николаевской обсерватории за 1934 год о том, что Язев не приступал к работе до марта, после чего перешёл на работу в Полтавскую обсерваторию. Что тогда произошло, почему Иван Наумович уехал в Китаб, а потом – в Полтаву, не закончив работу над каталогом в Николаеве, почему вместе с семьёй Язевых уехала и семья Моссиных – остаётся под вопросом.

ПОЛТАВСКАЯ ГРАВИМЕТРИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ (1934-1938 гг.)

Закончив наблюдения в Николаеве звёздного каталога, я перешёл старшим астрономом на Полтавскую Обсерваторию Академии Наук УССР, где организовал Службу широты и провёл ряд наблюдений на зенит телескопе.

Из автобиографии И. Н. Язева, 1951 г.

С 16 марта 1934 года Иван Язев, на самом деле не закончивший ряд наблюдений для звёздного каталога, перешёл на работу в Полтавскую гравиметрическую обсерваторию. Л. И. Семёнов в отчёте обсерватории за 1934 год с обидой указывает, что Язев в 1934 году вовсе не приступал к наблюдениям. Почему – неизвестно. Наблюдения на пассажном инструменте пришлось единолично заканчивать Семёнову. Вместе с Язевым оставила обсерваторию его жена Максимова-Язева, а также механик Ф. О. Моссин со своей женой-вычислительницей. Ушёл ещё один вычислитель – Полупанов. Так что Николаевская обсерватория понесла большие кадровые потери.

К 1920-м годам было признано, что созданная международная сеть широтных станций недостаточна для подробного изучения движения полюса. Советский учёный Александр Яковлевич Орлов (1880-1954) в начале двадцатых годов выступил инициатором создания сети широтных станций в СССР. Первой такой станцией стала Полтавская гравиметрическая обсерватория.

Научная деятельность А. Я. Орлова началась ещё до революции. Александра Яковлевича Орлова знали и за рубежом по его работе в специальной комиссии по изучению приливных дефор-

маций Земли, т. е. приливов в теле Земли. В 1911 году на Международном сейсмологическом съезде в Манчестере были выделены 3500 марок на обустройство станции в центре территории Российской империи. Орлов организовал такую станцию в Томске.

Для изучения кометных снимков Орлов совершил поездку в США, в Йоркскую обсерваторию. В Одесской обсерватории Орлов провёл существенную реорганизацию – добился расширения штата, обновления инструментальной базы. После революции Орлов одновременно был директором Одесской обсерватории, ректором Киевского университета, деканом геодезического факультета Военно-инженерной академии, активно работал в различных комиссиях АН СССР. Его авторитет был очень высок. Поэтому его предложение о создании гравиметрической обсерватории в Полтаве была реализовано очень быстро – уже в 1926 году. В планах, кроме того, стояло создание обсерваторий на востоке Казахстана, в Усть-Каменогорске, и на Дальнем Востоке, в Благовещенске.

Другая сторона личности А. Я. Орлова показана в воспоминаниях высланного в 1922 году из Советской России известного астронома В. В. Стратонова (1869-1938). Воспоминания были опубликованы лишь в 2019 году:

«Несколько слов об Орлове, который в Одессе успел оставить о себе прочную репутацию учёного с дарованием, но как человека ничего не стоившего; и лектором он считался из рук вон плохим. Однако, в большевистское время Орлов направил все свои способности не на науку, а на устройство своего материального благополучия. В маленькой обсерватории с пятидюймовым рефрактором, для обслуживания которого было бы достаточно двух человек, он, втирая ничего не понимавшей местной большевистской власти очки, сумел раздуть штат до тридцати человек. Из мелких инструментов в средних учебных заведениях он умудрился посоздавать маргариновые обсерватории, во имя руководства которыми маленькая университетская обсерватория получила титул «главной»...

Коллектив Полтавской гравиметрической обсерватории в 1935 г. Маленький Арктур Язев в первом ряду крайний справа, в белом френче. Крайняя слева во втором ряду – Мария Константиновна Язева с маленькой Геммой на руках. Затем механик Г. А. Фрейберг-Кондратьев (ему 81 год), И. Н. Язев, директор обсерватории (до 1936 г.) П. Д. Козырь. В третьем ряду крайний слева механик обсерватории Ф. О. Моссин. В третьем ряду в кепке – директор обсерватории (с 1936 г.) П. К. Нечипоренко.

Слева направо: И. Н. Язев, директор Полтавской обсерватории до 1936 года П. Д. Козырь и директор обсерватории с 1936 года П. К. Нечипоренко.

Одесской нивы ему, однако, было мало. Одновременно он устроился академиком в Киевской академии наук, принял профессию и директорство в астрономической обсерватории в Киеве, где серьёзно ожидали его приезда, тогда как он и не думал расставаться с Одессой, а только получал жалование по всем этим должностям. Мало того, он одновременно, и тоже не расставаясь с Одессой, принял должность декана геодезического факультета в петроградском политехникуме и ещё какой-то учёный пост в Томске... В мутной советской воде той эпохи Орловым удавалось ловить рыбу, и естественно, что А. Я. Орлов счёл себя кровно обиженным и стал моим врагом, когда я лишил его возможности получать содержание ещё по фиктивной должности руководителя постоянной одесской экспедиции при нашей астрофизической обсерватории»¹.

Тем не менее, именно благодаря активным действиям А. Я. Орлова в Полтаве оказалось сразу три зенит-телескопа. Два из них были переданы из Одессы и Киева, а третий заказан в Германии у компании Цейс по образцу пулковского. Этот немецкий телескоп был получен в 1929 году. После его исследования, проведенного только в 1934 году, оказалось, что он совершенно непригоден для работы: он был недостаточно устойчив, отсутствовало центральное крепление талькоттовских уровней, цапфы горизонтальной оси сделаны из мягкой незакалённой стали, отсчётные круги изготовлены из быстро окисляющейся меди и т. д.

В конце 1934 года инструмент был отправлен на ремонт в Германию. Всё это происходило уже при участии И. Н. Язева, переехавшего из Николаева в Полтаву в апреле 1934 года. Исправленный инструмент вернулся в обсерваторию в 1935 году, а в 1936-м начались пробные наблюдения. До этого в вычислении звёздных пар Талькотта для параллели 49 градусов 36 минут в 1927-1931 годах участвовал профессор И. А. Дюков (1889-1961) из Казанской обсерватории. Он определил относительные склонения 207

¹ Стратонов В. В. По волнам жизни. Том II // Серия «Россия в мемуарах». – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 760 с. (С. 257-258).

И. Н. ЯЗЕВ

Полтавская гравиметрическая обсерватория. Здание в итальянском стиле выстроено художником Иваном Мясоедовым (1881-1953) незадолго до революции. Сам художник во время гражданской войны покинул Россию.

Зенит-телескоп Цейса после исправления. Полтава. Около 1936 г.

звёзд для программы наблюдений на полтавском зенит-телескопе¹. Кроме того, через зенит станции проходили две яркие звезды второй величины – α Персея и η Большой Медведицы, так что их можно было наблюдать даже днем. Такие наблюдения начали регулярно выполняться на станции начиная с 1939 года.

Первым директором обсерватории стал сам инициатор её создания А. Я. Орлов. Но в 1934 году он оставил пост директора и уехал работать в Москву. Не с этим ли связан перевод И. Н. Язева в обсерваторию в Полтаву? 1 апреля 1934 года ему было предписано прибыть в Полтаву в срок до 15 апреля.

Но Язев не был назначен директором. Полтавская обсерватория находилась в ведении украинского НИИ метрологии Центрального управления мер и весов. И, видимо, приоритет имели местные кадры. На смену Орлову директором был назначен сначала П. Д. Козырь (даты жизни неизвестны), а с 1936 года – геофизик Петр Кириллович Нечипоренко (1892-1937), профессор Киевского университета, который работал также в Государственном научно-исследовательском горнорудном институте, расположенном в г. Кривой Рог, на расстоянии 270 км от Полтавы. В 1936 году обсерватория была передана в ведение Академии наук УССР.

В отчёте за 1936 год Язев перечисляет состав обсерватории: директор П. К. Нечипоренко, зам. директора ст. астроном И. Н. Язев, научные сотрудники Н. А. Попов, М. К. Коросторенко, лаборанты-вычислители М. К. Максимова-Язева, О. А. Моссина, вычислители С. П. Русанов, В. Я. Постоев, Е. В. Горовенко. В механической мастерской работали: Ф. О. Моссин, Г. А. Фрейберг, А. С. Скрышник, П. А. Голобородько. В 1936 году в мастерской изготовлены два магнитных теодолита, отремонтирован рефрактор и пять переносных труб, отремонтировано большое количество геодезических инструментов по заказу строительного института, приступили к постройке вариометра...

Наблюдения на зенит-телескопах вместе с Язевым проводил молодой астроном В. А. Елистратов. Язев руководил также наблюдениями над горизонтальными маятниками, пред-

¹ Нефедьев А. А. Астрономия в Казанском университете в послеоктябрьский период // Учёные записки Казанского ун-та, 1960. – Т. 120, книга 7. – С. 92.

Два вечных соперника – А. Я. Орлов
и И. Н. Язев в Полтаве.

назначенными для изучения деформаций земной коры под влиянием лунно-солнечного притяжения. Наблюдения вели Моссина и Максимова-Язева.

В обсерватории была экспедиционная партия, выполнявшая гравиметрические работы по договорам с «Госгеосъемкой». Руководителем был В. А. Елистратов, исполнители – С. П. Русанов, В. Я. Постоев, Н. А. Попов, М. К. Коросторенко.

Сам Язев в июне 1936 года участвовал в экспедиции на солнечное затмение (об этом ниже), а в октябре 1936 года был в командировке в Москве по вопросу реконструкции астрономических учреждений. Бюджет обсерватории в 1936 году (как и в 1935-м) составил 53000 рублей плюс договорные работы на 24700 рублей¹.

В Полтаве И. Н. Язев проработал четыре года, до 1938 года. Здесь, как сказано в автобиографии ученого, он «организовал службу широты и провел ряд наблюдений на зенит-телескопе».

В 1935 году Язев представил в правление Всесоюзного астрономо-геодезического общества (ВАГО) докладную записку об организации в СССР службы широты и долготы. Это было несколько нахально, поскольку пересекалось с интересами А. Я. Орлова, фактически уже приступившего к созданию службы широты.

Язев решил расширить тему, объединив в своём плане широтные и долготные наблюдения. Для рассмотрения данного предложения правление ВАГО создало комиссию, куда вошли А. С.

¹ ГПНТБ России. URL: <http://193.233.14.50/reader/flipping/Resource-10128/Z56.1937.14.1.3/index.html> (дата обращения 4.05.2020)

Чеботарёв, А. А. Михайлов, и тот же А. Я. Орлов. В постановлении от 9 ноября 1935 года ВАГО признало такой вопрос весьма актуальным и решило обратиться по этому поводу в Академию наук¹.

В Полтавской обсерватории семье Язевых, которая увеличилась в 1934 году (родилась дочь Гемма), было выделено служебное жильё на территории обсерватории. Сама обсерватория находилась в саду, павильоны астрономических инструментов стояли между яблонь и груш, здесь росли дубы, можно было гулять по зелёным лужайкам, Арктуру и его маленькой сестре здесь было привольно.

Работая в Полтаве, Иван Наумович Язев стал свидетелем арестов по так называемому «пулковскому делу». Первые аресты пулковских астрономов начались в ноябре 1936 года. Считается, что дело было начато в связи с активизировавшейся международной деятельностью астрономов в преддверии полного солнечного затмения 1936 года, названного советским. Под удар попали и учёные других научных учреждений, сотрудничавших с Главной астрономической обсерваторией. Всего по этому сфабрикованному делу было арестовано более 100 человек, 20 человек были расстреляны, включая директора обсерватории Б. П. Герасимовича и близкого коллегу И. Н. Язева М. М. Мусселиуса. Ещё десять человек умерли в тюрьмах.

Большой удар, помимо астрономов, пришёлся по геофизикам и по так называемому «украинскому филиалу» организации, которой, якобы, руководил геолог академик Н. И. Свитальский (1884-1937). Геологам вменялось сокрытие месторождений полезных ископаемых. Директор Полтавской обсерватории П. К. Нечипоренко был геофизиком. Его арестовали в ночь на 10 мая и расстреляли 3 сентября 1937 года, вместе с ещё четырьмя геофизиками и геологами. Вслед за ними, 15 сентября, был расстрелян и «руководитель украинской националистической фашистской контрреволюционной организации Академический центр» Н. И. Свитальский. Пострадали и жёны учёных. Так, жена П. К. Нечипоренко восемь лет провела в лагерях на Колыме². Учёный был

¹ Язев И. Н. О службе широты и долготы. Дисс... д. т. н. Новосибирск, 1939. (С.5).

² Репрессированные геологи / гл. ред. В. П. Орлов. – М.-СПб., 1999. – 3-е изд., испр. и доп. – С. 411-418.

реабилитирован посмертно в 1958 году, его жена – в 1956.

А. Я. Орлов вместе с этими людьми составлял гравиметрическую карту Украины, имел многочисленные зарубежные контакты. Но его не тронули. Он в это время работал в Москве, в Государственном астрономическом институте им. П. К. Штернберга и в Геодезическом институте (с 1936 года – Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии – МИИГАиК).

Одним из тех, кто писал доносы на своих коллег, был московский астроном В. Т. Тер-Оганезов (1890-1962). В его статье «За искоренение до конца вредительства на астрономическом фронте» можно найти слова, которые не адресовались непосредственно И. Н. Язеву, но вполне могли быть отнесены и к нему:

«Эти враги, помимо прочего, старались сделать всё, чтобы попытаться подорвать престиж советской астрономии и воспрепятствовать успешному её движению. Для примера можно остановиться на одном из этих вредителей. Что он из себя представлял? Это бывший эсер, который прикинулся сторонником советской власти, который внешне на словах старался показать своё «примирение» с ней, но который часто не выдерживал и обнажал свои волчьи клыки».

Семья директора Полтавской обсерватории П. К. Нечипоренко жила в Киеве. Здесь в ночь на 10 мая 1937 года он и был арестован. Язева в этот день не было в Полтаве. Он уехал в Москву на пленум Астрономического совета АН СССР, который намечался на 11-13 мая. Здесь Язев выступил с докладом: «О Полтавской обсерватории: ее задачах и работах».

На этом же пленуме сделал доклад и А. Я. Орлов. Он рассказал о колебаниях широты с геофизической точки зрения и в очередной раз призвал к организации широтных станций на параллели Полтавы. Из протокола пленума мы узнаём, что регулярные наблюдения за широтой в Полтаве ещё не начаты, несмотря на наличие трёх зенит-телескопов¹.

Не исключено, что по возвращении из Москвы Ивана Наумовича тоже допрашивали. По крайней мере, его имя фигурирует

¹ Паренаго П. П. Хроника. Пленум Астрономического совета Академии наук СССР. 11-13 мая 1937 // Астрономический журнал, 1937. – Т. 14, вып. 4. – С. 371-373.

в списках людей, пострадавших в период тех репрессий¹. Наверняка, следователи ничего не знали о его эсеровском и «колчаковском» прошлом, иначе бы и крестьянское происхождение не спасло.

В этот непростой год, 23 апреля 1937 года, ВАК КВШ² утвердил Язева в учёной степени кандидата физико-математических наук без защиты диссертации и в учёном звании и. о. профессора по кафедре астрономии. Необходимо отметить, что члены комиссии в то время должны были проявлять особую «политическую бдительность» при аттестации научных кадров и поэтому внимательно изучали биографические данные кандидатов. В то же время, присвоение степени без защиты диссертации было обычным делом. Так, коллега и друг Язева, Н. Н. Павлов, с которым они вместе в 1928 году определяли разность долгот Пулкова и Николаева, точно таким же образом двумя годами ранее, в 1935 году, получил степень кандидата наук. В 1935 году аналогичным образом получил степень доктора астрономии директор Николаевской обсерватории Л. И. Семёнов, совместно с которым И. Н. Язев выполнял наблюдения звёзд на пассажном инструменте.

Полученная научная степень, казалось бы, наконец, выводила И. Н. Язева на пост директора Полтавской обсерватории. Но этого не произошло. На протяжении полутора лет после ареста П. К. Нечипоренко, с мая 1937 года, должность директора оставалась вакантной. И только в октябре 1938 года на пост директора обсерватории вернулся А. Я. Орлов, четыре года проработавший в Москве.

У Язева не сложились отношения с Орловым. Известно, что характер у Ивана Наумовича был непростой. Две сильные личности не поладили. Их напряжённые отношения, со временем осложнившиеся научным соперничеством (для обоих тема движения полюса стала основной), не наладились вплоть до ухода обоих из жизни. Вероятно, поэтому И. Н. Язев не видел для себя

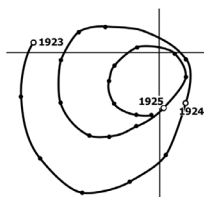
¹ R. A. McCutcheon. The 1936-1937 Purge of Soviet Astronomers // *Slavic Review*, 1991. – Т. 50, № 1. – Р. 100-117.

² Высшая аттестационная комиссия с 1936 года работала под руководством Всесоюзного комитета по делам высшей школы при Совете народных комиссаров СССР.

перспективы в Полтаве и не стал дожидаться возвращения авторитетного астронома. В марте 1938 года он подал документы для участия в конкурсе на преподавательскую должность в Новосибирском инженерно-строительном институте (Сибстрин) и вскоре уехал в родную Сибирь.

Были и другие причины для переезда. Как вспоминает дочь И. Н. Язева, Гемма Ивановна, папа устал жить в Полтаве, «где только украинский язык. Арктур должен был уже идти в школу, а там преподавание шло только на украинском».

Решение о переезде Язев мог принять еще летом 1936 года, когда он выехал в экспедицию в Сибирь на то самое, роковое для многих астрономов, полное солнечное затмение. Именно во время экспедиции он мог узнать о том, что в Новосибирске планируется расширение подготовки специалистов геодезического профиля.

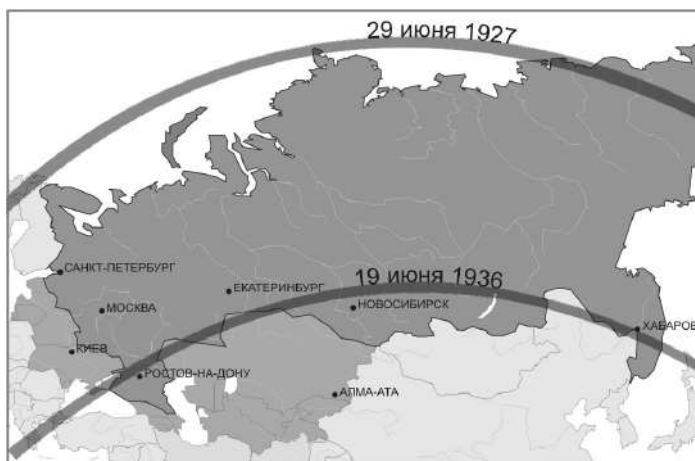

НА СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ (1936 г.)

В 1936 году я участвовал в экспедиции на солнечное затмение в село Венгерово Новосибирской области. Наблюдения экспедиции прошли весьма успешно и результаты работы опубликованы в трудах Одесской астрономической обсерватории.

Из автобиографии И. Н. Язева, 1945 г.

В 1936 году произошло первое полное солнечное затмение, доступное для наблюдений на территории СССР (предыдущее полное затмение на территории Российской империи наблюдалось еще до революции, в августе 1914 года). Тень Луны 19 июня 1936 года пределала путь через весь Советский Союз с запада на восток, от Кубани через юг Западной Сибири до Дальнего Востока, пробежав за два с небольшим часа 7200 км. Максимальной ширины полоса затмения достигала вблизи северной оконечнос-

ти озера Байкал (132 км), максимальная продолжительность составила 2 минуты 31 секунду.

Вдоль полосы затмения, от Черного моря до Хабаровска, разместились 28 советских и 11 иностранных экспедиций, в общей сложности около 370 наблюдателей (включая 70 зарубежных). В отношении иностранцев было даже принято специальное постановление ЦК ВКП(б) о снижении для них на 50% цен на билеты на железнодорожный и водный транспорт. В целом условия погоды в день наблюдений вдоль полосы полной фазы оказались благоприятными. Неудача постигла наблюдателей только в отдельных местах – вблизи Кустаная, Красноярска и Хабаровска.

Экспедиции из Ленинградского геофизического института и из астрономических обсерваторий Киева и Одессы разместились в селе Венгерово, в 120 км от станции Татарская. Через год эти населенные пункты вошли в состав вновь образованной Новосибирской области. Численность населения с. Венгерово на тот момент составляла около трёх тысяч человек (ныне семь тысяч).

В состав украинской экспедиции вошли: директор Одесской обсерватории профессор К. Д. Покровский (1868-1944) – он был руководителем экспедиции, астроном Киевской обсерватории И. И. Путилин (1893-1954), старший астроном Полтавской гравиметрической обсерватории И. Н. Язев, а также механик этой обсерватории Ф. О. Моссин.

Наблюдательная площадка была оборудована во дворе местной школы-девятилетки. Здесь же, во флигеле школы, участники экспедиции и жили. Они привезли с собой серьёзное оборудование: четырёхметровый коронограф с гелиостатом, на котором К. Д. Покровский получил прекрасные фотографии солнечной короны ещё во время затмения 1914 года в Феодосии, а также двойной астрограф с диаметром объективов 153 мм на параллактической монтировке. Оба объектива были изготовлены известным оптиком XIX века (и однофамильцем более известного мореплавателя) Томасом Куком¹. Ещё один прибор – универсальный инструмент фирмы «Аскания-Верке» – служил для определения координат места наблюдения.

¹ После смерти английского мастера Томаса Кука в 1868 году, его дело продолжила фирма «Т.Сooke & Sons».

Солнечное затмение (1936 г.)

Наблюдательная площадка в Венгерovo. Слева виден астрограф.

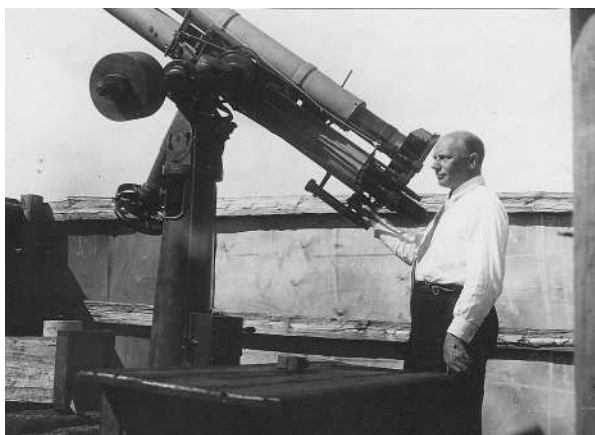

Экспедиция в Венгерovo. И. Н. Язев, К. Д. Покровский и брат И. Н. Язева Петр Наумович в качестве водителя.

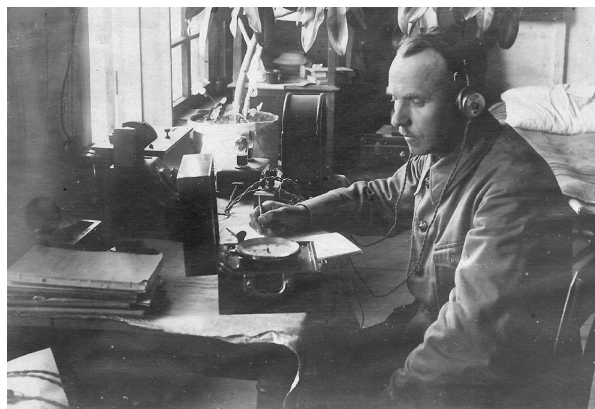
И. Н. ЯЗЕВ

Профессор К. Д. Покровский возле коронографа.

И. И. Путилин возле двойного астрографа.

И. Н. Язев принимает сигналы точного времени по методу Кука.

Описание затмения можно найти в журнале «Природа»¹. И. И. Путилин пишет: *«Выбор этого села оказался весьма удачным как в смысле хороших природных условий для наблюдения (напр. полное отсутствие пыли, на которую жаловались некоторые другие экспедиции), так и в бытовом отношении. Местные власти приняли нас очень радушно и постарались обеспечить нас всем необходимым для выполнения наших научных задач и создания максимальных удобств нашего существования».*

И. И. Путилин прибыл на место позже других, с 26 мая он участвовал в сборке и установке оборудования. К. Д. Покровский и И. Н. Язев прибыли раньше, они успели заготовить фундаменты и кирпичные столбы для инструментов. Главной задачей Язева была привязка места наблюдения, т. е. определение широты, долготы и точного времени.

Судя по фотографиям из архива И. Н. Язева, они были близки с профессором Покровским, который, видимо, продолжительное время вместе со своей семьёй находился в Полтаве.

Жизнь профессора К. Д. Покровского закончилась драматично, а его имя было практически на полвека предано забвению. На нём висело клеймо «изменник Родины» за то, что в период оккупации Одессы он продолжал работать в обсерватории и прочитал публичную лекцию «Скорбные страницы в истории Пулковской обсерватории». В лекции рассказывалось о событиях 1937-1938 годов, которые впоследствии стали известны как «Пулковское дело». И хотя именно благодаря его усилиям оборудование Одесской обсерватории было спасено от разграбления во время оккупации, в 1944 году, сразу после освобождения Одессы, 76-летнего учёного арестовали, и ещё до суда он умер в заключении².

По вечерам, когда двойной астрограф был свободен, члены экспедиции организовывали демонстрации неба, показывая всем желающим Луну, иногда Юпитер и другие небесные светила. У инструмента выстраивалась очередь. В некоторые вечера приходило более 50 человек. В клубе села астрономы читали лекции для местного населения. В общей сложности было проведено 10 лекций для 500 слушателей.

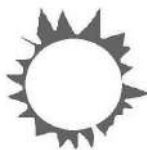
¹ Путилин И. И. На затмении // Природа, 1937. – № 6. – С. 126–130.

² Смирнов В. А., Чуприна Р. И. Константин Доримедонтович Покровский // Земля и Вселенная, 1992. – № 2. – С. 50–51.

Наступил день затмения. Погода благоволила астрономам. Продолжительность полной фазы затмения в Венгеро-во составила 2 минуты 17 секунд. За это время Путилин и Покровский сделали по 6 снимков короны с разными экспозициями. Язев зафиксировал моменты всех четырёх контактов, в течение нескольких часов снимал показания термометра и барометра. К концу полной фазы наблюдалось понижение температуры воздуха на 4 градуса. На зарисовку короны, которую он также планировал, времени ему уже не хватило.

Результаты наблюдений были опубликованы К. Д. Покровским в Трудах астрономической обсерватории Одесского государственного университета за 1936 год.

Венгеро-во находится всего в 120 км от Татарска, родного города Язева. Тем более, что путь по железной дороге проходит через Татарск. Так что, экспедиция на затмение стала ещё и поводом навестить родные края и своих родственников. Возможно, именно во время этой поездки Язев принял решение вернуться на родину и перебраться в Новосибирск.

ПАССАЖНЫЙ ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУКЦИИ ЯЗЕВА

Изобретение, которым более десяти лет занимался И. Н. Язев, было задумано в Пулково. В 1927 году на заседании Совета астрономов Пулковской обсерватории Язев предложил проект пассажного инструмента с двумя микрометрами. Позднее он опубликовал эту идею в журнале «Геодезист»¹. Суть предложения заключалась в том, чтобы выводить изображение звезды по двум осям пассажного инструмента, в каждой из которых установлен микрометр. По мнению Язева, это позволило бы:

- 1) точнее определять личную разность двух наблюдателей;
- 2) одновременно использовать инструмент для службы широты и долготы;
- 3) обучать наблюдателей путем сравнения результатов с опытными коллегами;
- 4) определять инструментальные ошибки, присущие одному и другому микрометру.

Для разделения светового потока в инструменте должны использоваться две призмы. Некоторые коллеги Язева высказывали опасения в том, что световой поток от звезды, будучи разделен на две части, станет слабее, и звезду будет труднее фиксировать. Поэтому по совету А. Я. Орлова Язев увеличил диаметр объектива со 100 до 110 мм. Механик Г. А. Фрейберг изготовил полномасштабную модель инструмента, на которой было проведено тестирование новой схемы. При этом ослабления светового потока визуально замечено не было.

¹ Язев И. Пассажный инструмент с двумя микрометрами // Геодезист, 1933. – № 1-2. – С. 35-39.

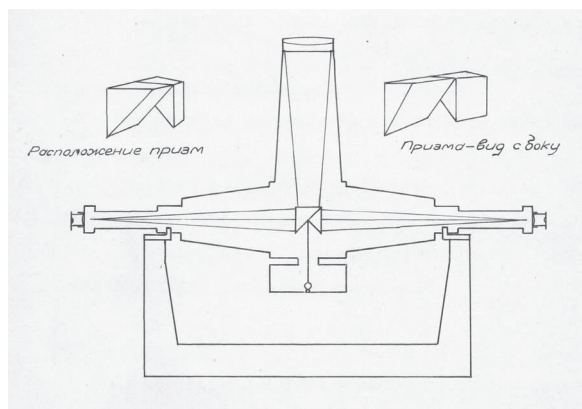

Схема пассажного инструмента с двумя микрометрами.
Из диссертации И. Н. Язева 1939 г.

Статья была перепечатана в немецком журнале *Astronomische Nachrichten*, после чего идеей заинтересовались фирмы Цейс и Бамберг. Эти фирмы обратились в Полтавскую обсерваторию, где к тому времени работал Язев, с предложением построить такой инструмент. При этом фирма Бамберг предложила построить его бесплатно и прислать его в Полтавскую обсерваторию на шесть месяцев на исследование, при условии, что фирме будет передано право на изготовление таких инструментов.

В это время в СССР происходило становление изобретательского права. В 1931 году на смену Закона «О патентах на изобретения» пришло утвержденное ЦИК и СНК СССР положение «Об изобретениях и технических усовершенствованиях». На Комитет по делам изобретений (Комподиз) при Совете труда и обороны (СТО) были возложены задачи по содействию изобретательству. Авторское свидетельство на изобретение фактически предполагало передачу прав государству с выплатой вознаграждения изобретателю. Положением предусматривалось и наказание в виде 10-летнего срока лишения свободы с конфискацией имущества за передачу за границу без надлежащего разрешения изобретений, созданных на территории СССР.

Вопрос об изобретении Язева был передан Комитету по делам изобретений, который провел экспертизу и ходатайствовал

в Совнарком СССР об отпуске ста тысяч рублей на изготовление рабочих чертежей и постройку опытного образца такого пассажного инструмента. Союзный Совнарком в свою очередь передал вопрос Совнаркому Украины. Переписка длилась года три, пока в 1936 году Комподиз не был упразднён, а дело было передано в Академию наук.

Положительные отзывы на изобретение дали: профессор К. Д. Покровский, директор обсерватории Одесского университета, профессор Б. В. Фефилов (1895-1962) из МИИГАиКа, профессор И. А. Казанский, занимавшийся фотографированием двойных звёзд в Московской обсерватории.

Известно, что Совнарком УССР направил документы вице-президенту Академии наук УССР Н. И. Свитальскому, а тот передал дело директору Полтавской гравиметрической обсерватории П. К. Нечипоренко, где работал Язев. Круг замкнулся.

В 1937 году и Свитальский, и Нечипоренко были признаны «врагами народа» и расстреляны.

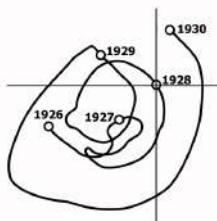
Последнюю отчаянную попытку дать ход своему изобретению Язев предпринял в июле 1938 года со своего нового места работы в Новосибирске. В обстоятельном письме на трёх страницах с приложениями на имя начальника Главного управления государственной съёмки и картографии (ГУ ГСК) НКВД СССР за подписями директора инженерно-строительного института В. Ф. Артемьева и декана астрономо-геодезического факультета Н. Г. Бажанова отмечалось: *«Таким образом, полезное изобретение профессора Язева И. Н., получившее весьма благоприятную оценку как в СССР, так и за границей, вследствие вредительских действий разоблаченных врагов народа, через которых проходило это дело, до настоящего времени не было реализовано»*. Несомненно, что это формулировка самого Язева. Чтобы продвинуть своё изобретение, он поступил некрасиво в отношении своих бывших коллег. Или, может быть, он искренне считал их врагами? Ведь он сам вполне мог оказаться на их месте!

Уже через два месяца после отправки письма, в сентябре того же 1938 года, ГУ ГСК было преобразовано в Главное управление геодезии и картографии (ГУГК) и передано из НКВД в ведение

Совета народных комиссаров. В ходе таких преобразований московским служащим, как правило, не до писем из глубинки.

Язев не сдаётся. В письме от 28.12.1938 года в ГУ ГСК (которого уже нет) и начальнику завода «Аэрогеоприбор»¹ Язев пишет об особенностях прибора и уточняет назначение инструмента, призывая сотрудников завода освоить производство к 22-й годовщине Великой Октябрьской революции, т. е. к 7 ноября 1939 года.

К тому же, и актуальность такого инструмента к концу 30-х годов уже значительно снизилась. Дело в том, что бывший коллега Язева, Н. Н. Павлов, уже в конце 1933 года начал применять фотоэлектрический метод регистрации звёздных прохождений. Фиксация моментов времени проходила автоматически, наблюдатель только контролировал этот процесс, и его личная разность уже никого не интересовала. В том же 1939 году, когда И. Н. Язев включил в первый вариант своей докторской диссертации раздел, посвященный новому типу пассажного инструмента, Пулковская служба времени первой в мире перешла на фотоэлектрический метод определения поправок часов. За предварительные результаты своей поистине революционной работы в 1940 году Н. Н. Павлов получил Менделеевскую премию от Комитета по делам мер и измерительных приборов при СНК СССР. После того, как в 1936 году арестовали Н. И. Днепровского, Н. Н. Павлов стал руководителем Службы времени ГАО (и был им вплоть до 1973 года). Он сумел существенно поднять точность астрономических определений времени.

¹ Ныне АО «Экспериментальный оптико-механический завод» в Москве.

НОВОСИБИРСК. СИБСТРИН – НИИГАиК (1938-1945 гг.)

В марте 1938 года я принял предложение Сибстрина занять кафедру астрономии, с тем чтобы на базе астрономо-геодезического факультета создать геодезический ВУЗ в Сибири. Как патриот Сибири я охотно за это взялся, рассчитывая при таком институте создать астрономическую обсерваторию для подготовки научных кадров астрономов и геодезистов для Сибири.

Из автобиографии И. Н. Язева, 1945 г.

В тридцатые годы в стране была велика потребность в работниках геодезических специальностей. Для подготовки таких специалистов было решено создать геодезический вуз в Сибири в дополнение к существующему Московскому геодезическому институту (с 1938 года – МИИГАиК). Легче всего это было сделать в Омске, где располагался Западно-Сибирский аэрофотогеодезический трест и имелись соответствующие кадры. Сибирский астрономо-геодезический институт (САГИ) был организован решением СНК СССР от 28 февраля 1933 года. Сюда на работу перешёл и профессор И. Д. Чулков, который когда-то обучал И. Н. Язева в Омской сельхозакадемии.

В Омске вуз проработал всего два года, после чего его перевели в Новосибирск и присоединили к Сибирскому строительному институту (Сибстрин, с 1935 года НИСИ, ныне НГАСУ – Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет) в виде астрономо-геодезического факультета. На факультете было две кафедры – кафедра геодезии (разделившаяся позднее

Семья Язевых в 1938 году: Иван Наумович, Гемма, Мария Константиновна, Арктур.

на кафедры низшей геодезии и высшей геодезии) и кафедра астрономии. На факультете обучалось 175 студентов ¹.

Астрономо-геодезическому факультету, как и другим подразделениям вузов того времени, не хватало научно-педагогических кадров. В 1937 году штат НИСИ был укомплектован только на срок процентов, а обеспеченность профессорами всего на двадцать четыре процента. К тому же, некоторые преподаватели были репрессированы. Так, в сентябре 1936 года был арестован декан факультета А. Ф. Бурцев (1903-1976), реабилитирован только в 1955 году. Более суровая участь постигла назначенного на его место В. С. Панкова (1903-1938) – он был расстрелян.

В 1938 году ГУГК при СНК СССР ² передал геодезическому факультету НИСИ значительное число высокоточных инструментов и приборов, в основном обеспечивающих проведение учебных занятий по геодезии и гравиметрии. Но все понимали, что

¹ Некрасов Ф. Г. О геодезическом факультете Новосибирского инженерно-строительного института // Геодезист, 1937. – № 5. – С. 16-19.

² ГУГК – Главное управление геодезии и картографии при Совете народных комиссаров СССР.

И. Н. Язев. Новосибирск, 1938 г.

присоединение факультета к Сибстрину – это временное решение. Уже в феврале 1939 года ГУГК принял решение продолжить оказывать всемерную помощь геодезическому факультету НИСИ по организации в Новосибирске самостоятельного института инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии.

В это время И. Н. Язев с семьей и прибыл в Новосибирск. В феврале 1938 года в Сибстрине прошел конкурс, и с 1 марта Язев приступил к работе на новом месте. Жили Язевы в профессорском корпусе Сибстрина по адресу: ул. Ленинградская, 57 (ныне это дом номер 111). Квартира 16 расположена во втором подъезде этого пятиэтажного здания. В первом подъезде проживал известный новосибирский архитектор А. Д. Крячков (1876-1950), который в концетридцатых годов также работал в Сибстрине.

Весной 1939 года постановлением СНК СССР на базе астрономо-геодезического факультета Сибстрина был образован Но-

И. Н. Язев на практике со студентами на обсерватории НИСИ.

воси́бирский институт геодезии, аэрофотосъёмки и картографии (НИИГАиК). Геодезический факультет строительного института был передан Главному управлению геодезии и картографии, а осенью 1939 года ГУГК принял решение о включении НИИГАиК в свою систему. Директором института с 15 ноября 1939 года был назначен А. И. Агроскин (1905-1990). Его заместителем по научно-учебной работе стал И. Н. Язев. Он исполнял обязанности заместителя директора по НУР в течение двух лет, до 16 ноября 1941 года. Девятого января 1940 года был принят Устав института, и НИИГАиК стал самостоятельным вузом.

Одновременно шло строительство учебного корпуса и общежития для нового института. Проект подготовили новосибирские архитекторы Г. Ф. Кравцов и В. А. Добролюбов. На строительство было отпущено 18 миллионов рублей. Первоначально строительством занималось Новосибирское аэрогеодезическое предприятие, но в 1940 году руководство строительством было передано дирекции НИИГАиК.

Занятия в это время проходили в помещениях разных организаций – НИВИТ (Новосибирский институт военных инженеров транспорта, ныне Сибирский государственный университет путей сообщения), НИСИ (Сибстрин) и школы № 54 (рядом с Центральным рынком).

Здание учебного корпуса НИИГАиК: улица Дуси Ковальчук, 366 (ныне 276, корпус 2). В настоящее время здесь находятся производственные площади АО НПП «Восток».

НИВИТ находился на улице Д. Ковальчук в Заельцовском районе, а НИСИ – в Октябрьском районе, на расстоянии восьми километров от НИВИТа. Это было очень неудобно для работы.

В 1940 году было закончено строительство четырёхэтажного общежития. Оно находилось по адресу: ул. Дуси Ковальчук, 366 (ныне это здание по ул. Дуси Ковальчук, 276). Преподаватели нового института переселялись из квартир НИСИ в общежитие. Но Язевы остались жить в своей прежней квартире, принадлежавшей строительному институту. Там у семьи было четыре комнаты, с началом войны две комнаты были отданы на подселение. Здание учебного корпуса НИИГАиК, расположенное рядом с общежитием, к 1941 году было отстроено только наполовину.

В 1940/41 учебном году на первый курс трёх факультетов НИИГАиК – геодезического, картографического и аэрофотогеодезического – было принято 150 студентов, по 50 человек на каждый факультет.

В апреле 1941 года в новом здании института была проведена первая научно-техническая конференция, на которой о своей на-

учной работе рассказали директор института старший преподаватель А. И. Агроскин (об уравнивании триангуляции), ассистент А. В. Буткевич (об астрономических определениях в северных широтах), профессор И. Н. Язев (о движении земного полюса) и другие сотрудники вуза. В план научно-исследовательских работ на 1941 год было включено 35 тем, к работе над которыми привлекались 45 научных сотрудников. Одной из тем Язева, которой он начал заниматься ещё в Николаеве, являлась разработка миниатюрного маятника Фуко для определения широты места ¹.

В мае 1941 года в рамках так называемой «скрытой мобилизации», ввиду надвигавшейся военной угрозы, директор НИИГАиК А. И. Агроскин был призван на курсы усовершенствования начсостава и вскоре оказался в действующей армии. Вернулся в институт он только после Победы в звании инженер-майора ².

Исполняющим обязанности директора института был назначен И. Н. Язев. В сентябре 1941 года его сменил новый директор НИИГАиКа Е. С. Ковалёв (1902-?), проработавший до августа 1942 года. Ковалёв был снят с должности директора в связи «с необеспечением должного руководства по учебной и воспитательной работе в институте». В дальнейшем он оставался на кафедре высшей геодезии.

Главной задачей, которая стояла перед топографами, геодезистами и картографами в начале войны, было восполнение утраченного картографического материала и создание карты масштаба 1:100 000 на территории западной части страны до реки Волги. Не прекращались топографо-геодезические работы и в тылу, в Сибири. В такой обстановке подготовка геодезистов и картографов приобрела особое значение.

Но в условиях военного времени, когда Новосибирск принимал десятки эвакуированных оборонных производств, это не привлекло во внимание. Уже в июле 1941 года оба здания НИИГАиКа – общежитие и недостроенный учебный корпус – Новосибирский горсовет без всякой компенсации передал военному заводу № 617

¹ Вырезка из газеты «Советская Сибирь», 1941 год. Номер неизвестен.

² Никонов А. В. Подвиг военных топографов в годы Великой Отечественной войны // Вестник СГУГиТ, 2015. – Вып. 2 (30). – С. 164–183.

(электровакуумный завод), созданному на базе эвакуированного Ленинградского завода № 211 «Светлана».

Коллектив вуза фактически оказался на улице. И хотя институт осуществил приём студентов в 1941 году, жить и учиться им оказалось негде. В связи с этим, занятия были перенесены в общежитие и по договоренности с Новосибирским институтом военных инженеров транспорта (НИВИТ – впоследствии НИИЖТ) в его частично свободные аудитории. К тому же в июле 1941 года было произведено значительное сокращение численности административных работников и преподавателей.

И всё же, несмотря на эти трудности, подготовка специалистов в институте продолжалась. На партийном собрании 17 июля 1941 года в докладе и. о. директора института, профессора И. Н. Язева «О результатах учебного года и подготовке к новому учебному году» были проанализированы итоги работы коллектива непосредственно перед войной. Отмечалось, что в весеннем семестре 1940/41 учебного года успеваемость была значительно выше, чем в осеннем семестре. По геодезическому факультету число неудовлетворительных оценок снизилось с 8 до 4,4 %. По аэрофаку – с 8,9 до 6,5 %, по картфаку – осталась прежней. В целом по НИИГАиКу число неудовлетворительных оценок снизилось с 9,6 до 6,9%. Вместе с тем в работе кафедр марксизма-ленинизма, фотограмметрии, составления и редактирования карт, иностранных языков были отмечены существенные недостатки в учебно-методической работе. Также отмечались недостатки в организации учебной практики. К середине июля из 17 дипломников защитилось 14.

В своем докладе И. Н. Язев указал, что научная работа студентов находилась на низком уровне, научно-технические кружки были организованы и работали только при кафедре астрономии и высшей геодезии. Другие выпускные кафедры, в частности, картографии и фотограмметрии, их не организовали. Студенты несвоевременно сдавали лабораторные и практические задания. Тем не менее, академическая практика в пределах города Новосибирска на 1–4-х курсах была проведена полностью. Производственная практика основной части студентов проводилась по соглашению с предприятиями. Серьезные недостатки в орга-

низации производственной практики наблюдались в Кемерово, Топках и Анжеро-Судженске. Для выполнения геодезических и картографических практических работ в интересах производства часть студентов 4-го курса была направлена на практику на восток страны и в Казахстан. Перед коллективом института была поставлена задача восполнения руководящего и преподавательского состава кафедр в связи с уходом части из них в действующую армию. Особенно это относилось к кафедре общественных наук, где из 11 штатных преподавателей остался лишь один. На первый курс было подано 92 заявления вместо 150 по плану. Предлагалось активизировать агитационную работу по новому набору.

28 июля 1941 года в институте прошло открытое партийное собрание по итогам состоявшегося 20 июля Новосибирского партактива. В резолюции собрания указывалось, что основной задачей является охрана института, «борьба с паникерами и болтунами» в коллективе. Руководители НИИГАиКа столкнулись с тем, что в связи с неясностью – будет работать вуз или нет, – возникли панические настроения среди профессорско-преподавательского состава. Люди собирались группами и обсуждали этот вопрос. Такие разговоры были расценены как деморализующие со всеми вытекающими отсюда для военного времени последствиями.

К августу 1941 года в Новосибирске, который был глубоким тылом, обострилось положение с продовольствием и всеми другими видами жизнеобеспечения. В связи с этим 25 августа в институте состоялось партийно-комсомольское собрание, на котором была заслушана информация о введении с 1 сентября карточной системы на хлеб, сахар и кондитерские изделия. В начале сентября среди населения начался сбор тёплых вещей и белья для Красной армии¹. В решении партийно-комсомольского собрания, состоявшегося 27 сентября, указывалось, что сбор тёплых вещей в коллективе НИИГАиК проходил неудовлетворительно. Тёплые вещи сдали лишь 16 человек. Было принято решение завершить эту акцию в течение двух-трёх дней.

¹ См.: Постановление ЦК ВКП(б) «О сборе среди населения теплых вещей и белья для Красной армии» от 5 сентября 1941 г. // КПСС в резолюциях ... – М., 1985. – Т. 7. – С. 239–240.

Осенью 1941 года почти весь оставшийся к этому времени мужской состав двух групп геодезистов и картографов был откомандирован в Военно-инженерную академию в Москву. Одновременно из-за отсутствия помещений для обучения студентам первого и второго курсов был предоставлен годичный отпуск, их направили на заводы. В институте осталось 80 студентов старших курсов. Встал вопрос о сокращении персонала и увольнении части преподавателей и сотрудников.

Если на 13 октября 1941 года в институте функционировало 11 кафедр, то к концу года осталось 4 кафедры. Учебная работа почти заглохла, но научная работа продолжалась. Так, в первом полугодии 1942 года НИИГАиК работал над несколькими темами оборонного значения, среди которых была тема И. Н. Язева «Служба точного времени в условиях войны». Цель работы: обеспечить территорию СССР службой точного времени для нужд астрономо-геодезических работ¹.

В начале 1942 года И. Н. Язев обратился в Новосибирское аэрогеодезическое предприятие (НАГП) для того, чтобы его направили на летние полевые работы. Вскоре он получил задание. В составе небольшой партии он должен был определить координаты шести астрономических пунктов, а также провести апробацию нового комплексного способа астрономических определений долготы, широты и азимута в условиях северных районов. Предполагалось, что новый метод будет более эффективен, чем существующие.

Определения координат новым методом выполнял бывший ученик И. Н. Язева, старший преподаватель кафедры астрономии А. В. Буткевич². В составе партии были студенты С. Н. Сафронов, Шаравин, П. А. Лейба. Кинооператор М. А. Синенко был принят на работу в качестве старшего техника. В процессе работы был

¹ Осипов А. Г. Становление высшей геодезической школы Сибири. 2009. – 43 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/stanovlenie-vysshey-geodezicheskoy-shkoly-sibiri>

² Буткевич Адольф Вениаминович (1914-1983) – окончил Сибстрин в 1940 году с дипломной работой «Определение времени по способу проф. Н. Д. Павлова», совпадающей с темой дипломной работы И. Н. Язева. Работал в НИИГАиКе с 1940 года, с 1943 года – аспирант. Впоследствии зав. кафедрой высшей геодезии Львовского политехнического института, в 1964 году защитил докторскую диссертацию.

снят кинофильм «Астрономы в тайге». К сожалению, он не найден.

Астрономическая партия Язева работала в составе Экспедиции № 15. Наблюдения проводились на пунктах, расположенных вдоль берега Енисея, начиная с широты около 60 градусов (деревни Назимово, Никулино)¹ и далее к северу до Подкаменной Тунгуски.

Результаты работ нам известны по тексту разгромной производственной характеристики, которую составил начальник экспедиции Б. А. Гловацкий. Согласно этому документу, производственное задание партия Язева не выполнила, сдача материалов затянулась на два месяца, к материальным ценностям проявлена бесхозяйственность, а прибор Б. Мещанского для определения личной разности астрономов, присланный из Москвы, был испорчен.

Некоторый свет на произошедшие события проливает приказ по НАГП № 111 от 8 марта 1943 года «О результатах астрономических работ 1942 года...», изданный в Новосибирском аэрогеодезическом предприятии и подписанный главным инженером Н. Т. Тарасенко. Кроме Язева, во время полевого сезона 1942 года работали ещё несколько астрономов. Досталось всем. Было отмечено, что астроном Галеев нарушил технические требования при определении долгот и принимал сигналы станций, не включенных в программу 1942 года. У астронома Юрченкова были выявлены недопустимые колебания хода хронометра. Астроному В. П. Напалкову из-за целого ряда технических нарушений было предписано в сезоне 1943 года провести перенаблюдение долгот пунктов Бодайбинской базисной сети за свой счёт.

«В партии профессора Язева, инж. Буткевич А. В. допущен брак в определении азимутов ... [явившийся] следствием работы неисправным инструментом. Проф. Язевым наблюдения личной разности на приборе Мещанского выполнялись по неполной программе. Полевые исследования инструментов

¹ Автор этой книги не может не отметить пересечение своей жизненной линии с линией главного героя книги. Автор работал геодезистом буквально в этих же местах во время полевого сезона летом 1986 года!

партией Язева представлены не полные, имеющие дефекты, в результате чего часть летних исследований была переделана в конце работ». Ещё об одной проблеме мы узнаём из приказа начальника предприятия Н. И. Каусмана. При проектировании и строительстве геодезических знаков не была обеспечена взаимная видимость. Поэтому наблюдателям необходимо было рубить лес в направлении соседних знаков, чтобы увидеть их. В связи с этим начальнику экспедиции Гловацкому было предложено оформить материалы по браку с тем, чтобы привлечь рекогносцировщиков к судебной ответственности.

О некоторых проблемах, с которыми столкнулась экспедиция, рассказывает дневник Ивана Наумовича – всего девять страниц, исписанных его рукой. Записи охватывают четыре дня апреля 1942 года, когда шла подготовка к экспедиции и несколько дней после 17 июня, когда партия находилась на Енисее в районе деревни Никулино (широта 60 градусов 30 минут). В дневнике Иван Наумович рассказывает о трудностях с транспортом, с продуктами, о дождливой погоде, о встречах с медведями, о необходимости ловить рыбу для пропитания. Но записи обрываются. Видимо, вскоре стало не до них. К работе в НИИГАиКе Язев вернулся только в ноябре.

У НИИГАиКа всегда были тесные связи с геодезическим предприятием. Надо полагать, эта резко отрицательная характеристика повлияла и на положение Язева в институте. Рукой кого-то из руководителей института копия характеристики была адресована профессору В. В. Попову. Василий Васильевич Попов (1887-1955) работал в НИИГАиКе с 1941 года заведующим кафедрой высшей геодезии и «по существу направлял в институте всю научно-исследовательскую работу»¹.

Сама тетрадь в твёрдом качественном переплёте, в которой Иван Наумович вёл дневник, представляет отдельный интерес. Тетрадь сохранилась в семье Язевых. Оказалось, что первоначально это был журнал наблюдений 1912 года, который Иван Наумович, видимо, забрал с собой, уезжая из Пулковской обсерватории. Записи наблюдений сделаны большей частью карандашом и вы-

¹ История НИИГАиК, 1932-1970. // сост. проф. К. Л. Проворов, отв. ред. доц. С. И. Родионов. – Новосибирск, 1970. – С. 38.

глядят достаточно бледно. Так что Иван Наумович решил вести свои записи поверх имеющихся, предварительно поработав ещё стирательной резинкой. Так что записи 1912 года совершенно не видны на первых девяти страницах, где Язев вёл свои записи 1942 года. Далее записи 1912 года более или менее читаются. Из них можно понять, что наблюдения проводились на большом зенит-телескопе и большом меридианном круге Пулковской обсерватории. Период наблюдений длится с июня по сентябрь 1912 года. Имя наблюдателя можно попытаться восстановить по архивным данным.

В этом же 1942 году Язевым была подготовлена работа «Ускоренные методы астрономических определений положения самолёта в воздухе, корабля на море и точек земной поверхности», предназначенная для нужд действующей армии¹. Как отметил сам Язев в своём дневнике, после безрезультатных поисков писчей бумаги через обком ВКП(б): «Написать хорошую работу трудно, но ещё труднее её издать».

В августе 1942 года вместо Е. С. Ковалёва директором был назначен С. Д. Гаркавенко (1901-?). Он проработал на этом посту все военные годы. В институте он читал курс марксизма-ленинизма. Благодаря его усилиям, с осени 1942 года в работе НИИГАиКа наметились изменения к лучшему.

В сентябре 1942 года институту временно была передана часть бывшего здания аэроклуба (600 кв. метров) по ул. Крылова, 24, рядом с Центральным рынком. Часть площадей стала использоваться под общежитие (на 80 человек), а четыре комнаты были выделены преподавателям. Ныне в этом здании находится Новосибирское отделение ДОСААФ и Музей авиации имени А. И. Покрышкина.

В 1942/43 учебном году число кафедр возросло до 12. Если летом 1942 года в институте было 13 преподавателей и 60 студентов, то к середине июля 1943 года – 43 преподавателя и 227 студен-

¹ Мансурова К. С., Куклин Г. В., Язев С. А. Астрономия в Восточной Сибири в предвоенные, военные и ближайшие послевоенные годы // В кн. Астрономия на крутых поворотах XX века. По материалам научно-мемориальной конференции к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Апрель 1995. – Пулково-Дубна: ИЦ Феникс, 1997. – С. 318-319.

тов. При этом только 22 студента – мужчины. В весеннюю сессию 1942/43 учебного года хорошие и отличные оценки получили 64 % студентов.

Начали работать пять студенческих научных кружков (исторический, философский, астрономический, геодезический, картографический). Благодаря работе преподавателей и сотрудников в подсобном хозяйстве улучшилось положение с питанием коллектива института.

Преподаватели института ежемесячно сдавали 10–12 % от заработной платы для постройки «своего» танка «Геодезист». Удалось собрать 26 тысяч рублей, за что институт в апреле 1943 года получил благодарственную телеграмму за подписью Сталина.

В последующие годы необходимость расширения учебных площадей не снималась. В январе 1944 года в распоряжение вуза (в аренду) поступили ещё 8 аудиторий и 6 подсобных комнат в здании школы № 54 на ул. Советской. В марте этого же года институту были переданы два этажа здания Новосибирского аэрофотогеодезического предприятия (850 кв. метров по адресу ул. Потанинская, 27). Здесь, в четырех комнатах для учебных занятий на четвёртом и пятом этажах, занимались студенты 3-5 курсов. Была и комната для размещения дирекции. Занятия велись во вторую смену, т. е. с 7 часов вечера и до утра.

В конце войны возобновилась работа с молодыми учёными. Так, в конце 1944 года под руководством профессора В. В. Попова была проведена конференция молодых ученых НИИГАиКа. По итогам конференции было принято решение сделать такие мероприятия традиционными и организовать работу научных кружков.

Профессор В. В. Попов позже станет членом-корреспондентом (а с 1950 года академиком) Белорусской АН. Он проработал в НИИГАиКе с 1941 по 1949 год. В 1943 году по его инициативе была организована аспирантура, с 1947 года начат выпуск научных «Трудов НИИГАиК».

Отношения с Поповым у Язева так же, как это бывало и раньше с другими коллегами, не сложились. В конце 1943 года Попов написал резко отрицательную рецензию на статью Язева. В 1948 году, в период «гонений» Язева, Попов не упустил возможности

ещё раз досадить своему оппоненту. В «Вестнике высшей школы» за 1948 год (№ 7, с. 63–64) Попов опубликовал заметку «Об «откровениях» проф. И. Н. Язева».

Возможно, всё это способствовало тому, что имя И. Н. Язева довольно редко упоминается в истории НИИГАиКа. В библиографическом указателе опубликованных книг и статей научных работников и аспирантов НИИГАиК за 1932-1967 гг., изданном в 1968 году под редакцией профессора А. И. Агроскина (в 1939-1941 годах поднимавшего НИИГАиК вместе с Язевым), названия работ Ивана Наумовича не значатся.

День Победы И. Н. Язев встретил вместе с коллективом НИИГАиКа. Его труд в годы войны был отмечен наградой – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Этой медалью от имени Президиума Верховного Совета СССР награждались работники тыла, проработавшие в военное время не менее одного года.

Победа кружит головы и вселяет надежды на лучшую жизнь, на то, что должны исполняться самые смелые мечты. В этом духе 9 августа 1945 года в газете «Советская Сибирь», в одном номере с сообщением об объявлении войны Японии, выходит большая статья Язева «Пора создать сибирскую обсерваторию». Ссылаясь на то, что в 1944 году в Новосибирске открыт Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР, Язев пишет, что в рамках этого филиала «настало время для создания большой первоклассной обсерватории в Сибири. Эта обсерватория нужна не только для проведения научных, но и больших практических работ, связанных с разведками, освоением территории и природных богатств Сибири».

Наилучшие условия для этой астрономо-геофизической обсерватории можно найти на Алтае, в районе Чемала.

«Сибирской астрономо-геофизической обсерватории надо иметь два отдела: астрономический и геофизический. В состав астрономического отдела должны войти: фундаментальная астрометрия, астрофотография, служба точного времени, служба широты и долготы, служба солнца, служба полевой астрономии (экспедиции).

В состав геофизического отдела должны войти: метеорологическая станция 1 класса, сейсмическая станция, гравиметрическая лаборатория, горизонтальные маятники, магнитная лаборатория, лаборатория геофизических разведок. Геофизические лаборатории предполагается разместить на глубине 25-100 метров под землёй для обеспечения точности измерений».

Заканчивает свою статью И. Н. Язев следующими словами: «Как патриот Сибири, я хотел бы, чтобы сибирская горная астрономо-геофизическая обсерватория на Алтае своими научными работами заняла достойное место среди лучших обсерваторий мира и оставила глубокий след в истории мировой науки, неся из века в век могучую славу русского народа, народа-победителя».

Руководство Западно-Сибирского филиала АН СССР обратилось в Президиум РАН с предложением о создании обсерватории. Президиум одобрил это предложение и передал Астросовету для осуществления. Дальнейшая судьба этой идеи неизвестна.

ДОКТОРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ: ПРИСВОИТЬ НЕЛЬЗЯ ОТМЕНИТЬ

В 1940 году мною закончена работа на тему: Движение земного полюса и причины этого явления. Эта работа была представлена на Сталинскую премию и является диссертацией на степень доктора наук.

Из автобиографии И. Н. Язева, 1942 г.

Первоначально, еще в 1939 году, Язевым была заявлена тема диссертации «О службе широты и долготы в СССР». Первый вариант диссертации содержал многочисленные таблицы, чертежи, фотографии астрономических инструментов. На большой вкладке была вычерчена траектория движения полюса в интервале 1891-1933 гг.

Анализируя данные международной службы широты и пулковские широтные наблюдения, Язев вычисляет период колебания полюса. По разным данным – от 1,03 до 1,14 года, из чего Язев делает вывод о том, что общепризнанного периода Чандлера¹ (в среднем 428 суток или 1,17 года) фактически не существует. Причину колебаний полюса Язев сводит к сезонным изменениям на Земле глобального характера, как то: таяние льдов, перемещение воздушных масс, появление растительного покрова... Причём, последнему из этих факторов Язев придаёт определяющее значение и даже делает несколько популистский вывод: «...широта в Пулкове растёт вместе с урожаем».

¹ Сет Карло Чандлер (1846-1913) – американский астроном. В 1891 году установил средний период колебаний земного полюса, равный 428 суткам.

Следующий важный шаг в диссертации Язева – это установление связи между колебаниями полюса и периодом солнечной активности. Он использует солнечные данные за 1810-1928 гг. Максимальные отклонения полюса от среднего значения происходят с периодом в среднем 6,76 года. Это значение совпадает со средней продолжительностью «послемакса». Так Язев назвал полуволну от максимума до минимума солнечной активности. (Вторая часть кривой – от минимум до максимума – не симметрична первой и составляет 4,6 года).

Язев обращает внимание на то, что данное совпадение было отмечено ещё 40 лет назад немецким астрономом Якобом Хальмом (1866-1944), но тогда было признано случайным. Теперь, как считает Язев, эта зависимость становится явной на основании гораздо большего количества данных.

Далее Язев переводит полученные зависимости в практическую плоскость и показывает, как теперь можно прогнозировать изменения широты Пулково. При этом он цитирует своего авторитетного научного соперника А. Я. Орлова: *«Теоретическое изучение вопроса за последние сорок лет, как мы видели, почти не продвинулось вперед. Те сложные завитки, которые описывает по земной поверхности полюс, не разгаданы, и причины вариаций его движения ещё не объяснены».*

Теперь Язев торжествующе добавляет: *«... те сложные завитки, которые описывает по земной поверхности полюс, являются замечательной и понятной для нас записью самой природы, которая даёт нам возможность видеть, в какой мере и когда развивалась пятнообразовательная деятельность Солнца, интенсивное развитие факелов и водородных протуберанцев, а также по этим завиткам можно судить о явлениях, происходящих на Земле».*

Второй частью диссертации стало описание советской Службы широты. Здесь Язев привёл и результаты широтных наблюдений в Полтаве, в которых принимал непосредственное участие, за период с сентября 1934 года по октябрь 1936 года. Язев жалуется на недостаточное количество ясных ночей. Если в Пулково ясных ночей в течение года было 127 (по данным на 1916 год), в Новосибирске – 126 (по данным Новосибирского гидрометуправ-

ления за 32 года), то в Полтаве – всего 50 (по данным Полтавской метеорологической станции за 40 лет)!

В августе-октябре 1936 года в Полтаве Язев в порядке эксперимента проводил одновременные наблюдения на двух инструментах – на зенит-телескопе Бамберга и зенит-телескопе Цейса. Из чего вывел достаточно большую разницу в определении широты – $0,5''$.

В диссертации приведена также история широтных наблюдений на советских обсерваториях и предлагается проект развития служб широты и долготы в СССР. В одной из глав Язев обсуждает проблему движения материков, высказанную немецким географом Альфредом Вегенером в 1912 году. Язев считает, что путем надлежащей организации Службы широты и долготы можно обнаружить эти движения. И даже делает расчёты на основе уже имеющихся наблюдений. Его результаты внушительны – скорости материков и даже их отдельных фрагментов составляют метры в год. Сейчас, на основе высокоточных спутниковых наблюдений, мы знаем, что материки дрейфуют относительно друг друга со скоростями порядка сантиметров в год, то есть в сто раз медленнее, чем рассчитал Язев.

Интересно отметить и раздел с критикой существующей в СССР Службы времени. Язев бесстрашно пишет о том, что сигналы советских радиостанций очень слабы и неточны по сравнению с сигналами зарубежных радиостанций. Вывод: Служба времени своё дело сделала, она должна уступить место более совершенной Службе долготы. И вот после этого Язев предлагает создать мощную радиостанцию порядка 1000 кВт в центре нашей страны, а именно – в Новосибирске, и подробно описывает, как должна быть организована работа новой службы. Он предлагает расположить основные долготные станции в Москве, Новосибирске и Николаевске-на-Амуре. В ряде актуальных проблем службы долготы Язев называет и проблему неравномерного вращения Земли.

Но это ещё не всё. Следующий шаг в диссертации Язева – предложение по объединению уже существующей в СССР Службы широты с будущей Службой долготы. Эта объединённая служба

должна действовать в системе ГУГК, Главного управления геодезии и картографии, а координировать все работы должно Бюро, созданное при ЦНИИГАиК.

В заключение Язев пишет: «Постановка и разрешение вопросов колебания широты и долготы нами была сделана в разрезе указаний великого Сталина о передовой науке» и завершает диссертацию цитированием слов Сталина.

В конце диссертации приведён список литературы. Здесь всего 30 наименований – очень скромно для докторской диссертации. Причём, основной научный оппонент А. Я. Орлов представлен всего двумя научно-популярными статьями из журнала «Мироведение» за 1937 год, что совершенно не отражает вклад этого учёного в решение рассматриваемых в диссертации проблем.

Однако через год Язев изменил формулировку темы своей диссертации на более узкую: «Движение земного полюса и причины этого движения». Объём работы составил 230 страниц.

В 1940 году работа была представлена на защиту в Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии. Из-за того, что в МИИГАиКе не было специалистов по теме работы, ее рассмотрение затянулось. Затем началась война, и институт эвакуировали в Ташкент. Там для рассмотрения работы не хватало кворума членов Ученого совета. В порядке исключения Высшая аттестационная комиссия ВКВШ¹ поручила Томскому университету провести защиту. Но и здесь сослались на ту же самую проблему – недостаток специалистов нужного профиля.

Тем временем были собраны четыре рецензии на работу: две из них дали известные ученые – профессор кафедры астрономии МИИГАиК Михаил Константинович Вентцель (1882-1963) и профессор Томского госуниверситета Константин Львович Баев (1881-1953). Еще две рецензии поступили от профессора Ленинградского политехнического института Отто Германовича Дитца (1876-1957)² и начальника кафедры физики НИВИТа профессора

¹ ВКВШ – Всесоюзный комитет по делам высшей школы.

² Военный геодезист Отто Германович Дитц участвовал в первом в нашей стране опыте определения долготы по радиотелеграфу, который был произведен в 1910 г. вместе с Н. Н. Матусевичем под руководством Ф. Ф. Витрама. Ими была определена по радио долгота маяка Богшер в Балтийском море.

Сергея Леонтьевича Бастамова (1884-1952), прибывшего в 1941 году в Новосибирск из Москвы.

В 1944 году МИИГАиК вернулся из эвакуации в Москву. И 23 июня 1944 года наконец-то состоялась защита диссертации. Как позднее напишет сам Язев (в автобиографии 1951 года): «Работа вызвала среди ученых большую дискуссию, которая приняла характер упорной борьбы... Мои противники буквально сорвали эту защиту».

В автобиографии И. Н. Язев не называет своих «противников», но в семье астронома все знали, что речь шла, прежде всего, о пулковском астрономе Б. А. Орлове (1906-1963), сыне А. Я. Орлова. И эта информация находит подтверждение в письме Натальи Борисовны Орловой, дочери Б. А. Орлова. Письмо было написано 16 января 1990 года Арктуру Ивановичу Язеву, сыну Ивана Наумовича Орлова, будучи математиком по профессии, в конце 1980-х годов занялась историей пулковских астрономов, включая репрессированных во время «Пулковского дела». Занимаясь историей судьбы М. М. Мусселиуса, она обнаружила упоминания об И. Н. Язеве и связалась с его потомками в Иркутске – сыном А. И. Язевым и внуком С. А. Язевым.

«... На следующий день после посылки Вам письма я с ужасом узнала, что мой отец в свое время не дал возможности Ивану Наумовичу защитить докторскую диссертацию (несмотря на благоприятный отзыв А. А. Немиро)¹. Не исключено, что дело было не в качестве диссертации, а в каких-либо неблагоприятных отношениях между И. Н. и моим дедом – А. Я. Орловым. Такие моменты, конечно, нельзя игнорировать, несмотря на приверженность семье...».

Страсти на защите, видимо, зашкаливали. Столкнулись, как пишет Язев, «представители старой и новой теорий». «За» проголосовали 9 членов Совета, «против» – 6, воздержались 9 (или 8). Защита не состоялась. Подробности случившегося неизвестны, но, вероятно, был нарушен регламент, что и стало основанием для обращения Язева в ВАК с ходатайством о повторной защите.

¹ Андрей Антонович Немиро (1909-1995) – пулковский астроном.

В ноябре 1944 года Высшая аттестационная комиссия (работала при Всесоюзном комитете по делам высшей школы при СНК СССР) отменила решение МИИГАиК и разрешила Язеву повторную защиту. Ему также сохранили до новой защиты звание профессора.

Для того, чтобы укрепить свои позиции, И. Н. Язев выполнил дополнительную работу. Он рассчитал координаты мгновенного полюса Земли на интервале 100 лет – с 1890 по 1990 г. При этом первые 50 лет – за прошедшие годы, чтобы сверить расчеты с измеренными положениями полюса. В качестве данных для сравнения Язев взял координаты, полученные его научными противниками – А. Я. Орловым и М. К. Вентцелем.

Вывод Язева: расчетные данные соответствуют реальным положениям полюса с точностью 0,05 угловой секунды. И хотя точность измерения положения полюса объявляется авторитетными авторами как 0,01-0,02 секунды, в реальности она ниже. Даже между результатами Орлова и Вентцеля обнаружено расхождение в 0,05 секунды. Более точных данных для проверки вычислений просто нет. Так что полученная точность прогноза положения полюса в 0,05 угловой секунды (что соответствует двум метрам на поверхности Земли) должна полностью удовлетворять исполнителей геодезических и астрономических работ ¹.

В диссертации произошли серьёзные изменения. Хотя окончательный текст диссертации не был доступен автору во время написания этой книги, но её основные положения опубликованы в Трудах НИВИТа в ноябре 1946 года, уже после состоявшейся успешной защиты. Если ранее Язев называл причиной движения земного полюса процессы, происходящие на Солнце, то теперь главными возмущающими телами выступали планеты Юпитер и Сатурн. И это логично. Прогнозировать солнечную активность учёные до сих пор не научились, а движение планет легко прогнозируется на любой интервал времени.

Переход к определяющей роли планет произошёл не сразу. Одна из неопубликованных работ И. Н. Язева, написанная ра-

¹ Язев И. Н. Влияние космических причин на движение земного полюса // Труды Новосибирского института военных инженеров ж.-д. транспорта, 1946. – Т. VI, вып. 2.

нее 1942 года, называлась «Влияние движения Юпитера на периодичность солнечных пятен и колебание полюсов Земли». То есть, сначала он рассматривал связь Юпитер – Солнце – Земля, а потом исключил Солнце из этой цепочки и стал рассматривать Юпитер как прямую причину колебаний земного полюса.

Язев воодушевлён полученным решением проблемы: «Дайте мне координаты небесных светил, и я вам покажу, как движется земной полюс!» А в эпиграфе сборника приводит слова римского философа Луция Сенеки, звучащие несколько высокопарно: *«Когда через последовательное учение многих веков предметы ныне скрытые явятся с очевидностью, и потомство удивится, что истины, столь ясные, ускользали от нас»*. Этот эпиграф в будущем станет предметом обсуждений на партийных собраниях НИВИТа.

Повторная защита докторской диссертации на тему «Движение земного полюса и причины этого явления» состоялась в том же МИИГАиКе уже после окончания войны, 18 октября 1946 года. Официальными оппонентами были уже известные по первой защите доктор технических наук, профессор М. К. Вентцель, доктор наук, профессор Л. Л. Баев (к этому времени он вернулся из Томска в Москву), а также доктор наук, профессор О. Г. Дитц. Был также представлен отрицательный отзыв А. Я. Орлова.

А. Я. Орлов и И. Н. Язев были научными соперниками, разрабатывали одну и ту же тему – движение полюса, вели сходные наблюдения, соревнуясь в точности. Но И. Н. Язев выдвинул нестандартную идею, пытаясь объяснить причину движения полюса. С точки зрения отца и сына Орловых, эта идея была бредовой, и влиятельные астрономы не упускали возможности это подчеркнуть.

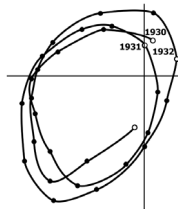
По крайней мере, один из оппонентов, профессор М. К. Вентцель, тоже дал отрицательное заключение на диссертацию. Его отношение к работе Язева и самому Язеву мы можем узнать из написанного Вентцелем в 1944 году отзыва на статью Язева «Юпитер и периодичность солнечных пятен». Вентцель безапелляционно пишет: *«То, что преподносит нам автор, не научное исследование, а какая-то арифметическая эквилибристика. Такая антинаучная методика не является, однако, новым и*

случайным явлением для проф. И. Н. Язева; она уже фигурировала в его диссертационной работе о колебаниях полюса, где являлась самой слабой и отрицательной её частью и была осуждена нами и справедливо названа «мистической арифметикой». Надо полагать, говоря «нами», Вентцель имеет в виду и А. Я. Орлова.

Тем не менее, Ученый совет МИИГАиКа не пошел на поводу у критиков. На основе тайного голосования было принято решение о том, что работа соответствует учёной степени доктора технических наук.

Однако, защиту ещё должна была утвердить Высшая аттестационная комиссия. Авторитетные противники Язева (читай А. Я. Орлов и М. К. Вентцель) не сдались и, видимо, постарались убедить в своем мнении ВАК. Поэтому решение затянулось. Через 9 месяцев после защиты, в июле 1947 года, Язев едет в Москву, чтобы хоть что-то узнать о судьбе своей диссертации. Известно, что в августе 1947 года, ВАК ещё не принял окончательного решения. На письмо начальника НИВИТа был получен ответ: «о сохранении за начальником кафедры геодезии И. Н. Язевым, впредь до утверждения его в ученой степени доктора по состоявшейся 18.X.1946 г. защите диссертации, права на исполнение обязанностей профессора».

Так в состоянии неопределенности И. Н. Язев встретил роковой для него ноябрь 1947 года. Ещё год спустя, 7 ноября 1948 года, ВАК отказал в утверждении защиты. Но о событиях 1947-1948 годов – ниже.

НОВОСИБИРСК. НИВИТ (1945-1948 гг.)

В 1945 году меня пригласили начальником кафедры геодезии Новосибирского института военных инженеров транспорта, в должности которой я состоял до 1948 г.

Из автобиографии И. Н. Язева, 1951 г.

Повторной защите диссертации И. Н. Язева предшествовали важные изменения в его жизни. В июле 1945 года И. Н. Язев переходит на работу в Новосибирский институт военных инженеров транспорта (НИВИТ). Здесь теперь его основное место работы, ему предложена должность начальника кафедры геодезии. В НИИГАиКе он отныне работает только по совместительству.

До Язева кафедрой геодезии в НИВИТе руководил профессор Владимир Алексеевич Важеевский (1878-1945), автор учебника по геодезии и много раз переиздававшихся таблиц для разбивки железнодорожных кривых. Под руководством Важеевского в своё время были проведены изыскания паромной переправы через реку Обь в Новосибирске¹. В апреле 1945 года Важеевскому присвоили звание директор-полковник пути и строительства. В это время он уже был серьёзно болен (скончался 1 августа 1945 года)². Поэтому НИВИТ остро нуждался в квалифицированном специалисте.

Язеву была предложена хорошая пятикомнатная квартира с обстановкой (квартира № 3 на третьем этаже второго профессор-

¹ URL = <http://www.stu.ru/education/index.php?page=547> (дата обр. 26.03.2020).

² Добровольский А. В., Манаков А. Л. НИВИТ военного времени (1941-1945 гг.). – Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2017. – 128 с. (С. 67, 93).

ского корпуса на ул. Дуси Ковальчук, 181), высокая зарплата (первоначально 1800 рублей, а с 1 апреля 1946 года – 4500 рублей), форменная одежда, условия для научной работы. В составе семьи в личной карточке записаны: жена, сын 16 лет, дочь 12 лет, сестра 45 лет [Зоя Наумовна].

Два жилых дома для профессорско-преподавательского состава, а также студенческое общежитие, баня, гараж и котельная НИВИТа размещались вдоль северной стороны улицы Дуси Ковальчук. Ещё несколько зданий, в том числе два учебных корпуса, общежитие и студенческая столовая, были изъяты у института в начале войны. НИВИТ пострадал так же, как и НИИГАиК. В связи с этим учебные занятия проходили в центре города, в здании управления треста «Кузбассуголь» по адресу ул. Советская, 20 (ныне Советская, 18), а также в находящемся рядом здании, где ныне находится гостиница «Центральная» (ул. Ленина, 3). Так что каждый день слушатели и преподаватели НИВИТа преодолевали путь, равный четырём километрам в одну сторону и столько же обратно ¹.

При поступлении на работу Язев собственноручно заполняет личный листок по учету кадров, где ему в очередной раз приходится отвечать на коварные и скользкие вопросы:

- состоял ли в других партиях (помимо ВКП(б)) – не состоял;
- были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях – нет;
- участие в выборных органах – с 1920 г.;
- служил ли в войсках или учреждениях белых правительств – нет;
- привлекался ли к судебной ответственности – не привлекался.

Пять вопросов и пять неверных по сути, но правильных по требованиям того времени ответов.

Ранее Ивану Наумовичу не раз приходилось скрывать происхождение своей жены из офицерской семьи. Еще один «неприятный» вопрос анкет того времени – «имеете ли родных или зна-

¹ Богаенко В. П. Командиры и рядовые НИВИТа / Газета «Кадры транспорту», №3 (1755), 21 февраля 2014 г., с. 2.

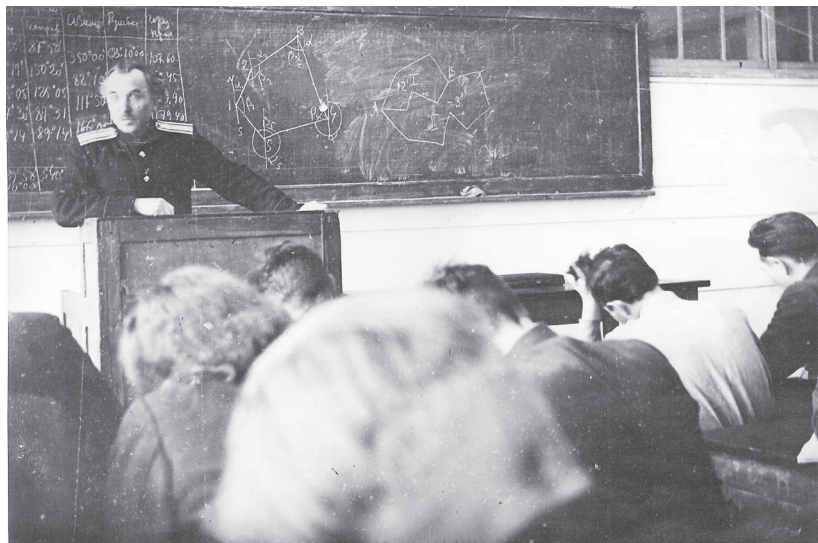
комых за границей, где и чем там занимаются. Когда и почему выехали из СССР». Одна из сестер Ивана Наумовича, Полина, еще в 1921 году вышла замуж за поляка Янковского и вместе с ним уехала в Польшу. И хотя никаких других сведений о своей сестре Иван Наумович не имел, формально он обязан был сообщать этот факт. Каждый из пунктов анкеты при его искреннем заполнении мог привести к неприятным разбирательствам и самым печальным последствиям. Кто мог знать, что через два года каждый из этих пунктов снова будет рассматриваться буквально «под микроскопом».

Судя по публикации от 5 июня 1946 года, И. Н. Язев в институте выполнял ещё и обязанности начальника научно-исследовательского сектора. В газетной статье говорится о результатах пятой научно-технической конференции слушателей института, на которой было представлено 23 доклада. В работе секций приняли участие 95 студентов института, научных работников и производственников.

5 ноября 1946 года приказом Министерства транспортного сообщения Язеву, никогда не служившему в армии, было присвоено звание старшего начальствующего (командного) состава – директор-подполковник пути и строительства. Дело в том, что НИВИТ относился к Министерству путей сообщения и на его сотрудников распространялся указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 сентября 1943 года, устанавливающий форму одежды военного образца и систему персональных званий. Это диктовалось необходимостью общего соблюдения дисциплины, подчинения интересов тыла фронту, а также понимания всей полноты ответственности каждого работника за вверенный ему участок. Срок выслуги в звании устанавливался в пять лет, после чего нужно было проходить переаттестацию.

Руководство института шло навстречу новому начальнику кафедры. Был приобретён за 17 тысяч рублей новый 5-секундной точности теодолит, какого не было даже в НИИГАиКе. С 1 апреля 1946 года Язеву был назначен оклад 4500 рублей. Это была значительная сумма, так как зарплата городского населения составляла тогда в среднем 500-1000 рублей. При этом цены были следующие: хлеб – 3-4 рубля за килограмм, сахар – 15 рублей за

НИВИТ (1945-1948 гг.)

И. Н. Язев читает лекцию в НИВИТе. На доске приведена схема замкнутого теодолитного хода. Фото Кашлакова. Погоны директора-подполковника пути и строительства. На эмблеме изображен арочный железнодорожный мост.

Кафедра геодезии НИВИТ. И. Н. Язев сидит второй слева, ассистент Л. А. Кедрова сидит справа. На фото присутствуют также: доцент, к. т. н. А. К. Маловичко, преподаватель Л. М. Ковальский, ассистент Н. Т. Язов. Фото Кашлакова.

килограмм, водка «Московская» – 60 рублей за пол-литровую бутылку.

Очередной 1947 год начинался, казалось бы, удачно для Ивана Наумовича. О нём хорошо отзывались в газетах, он присутствовал в президиумах высоких городских собраний. Инспектор из Московского института инженеров железнодорожного транспорта генерал-директор П. С. Дурново (1889-1958) дал положительные отзывы о постановке экзаменов на кафедре геодезии.

Позади была успешная защита докторской диссертации в Москве, его работу было предложено выдвинуть на соискание Сталинской премии. У Ивана Наумовича появляется автомобиль «Москвич-401». Сам он за рулем не ездит – машину водит его сын Арктур, который в 1947 году поступил учиться в НИИГАиК.

По совету новых коллег Язев подал заявление на приём в партию. В 1946 году он стал кандидатом, а 27 февраля 1947 года на

общеинститутском партийном собрании его приняли в члены ВКП(б). Наверняка, в будущем Иван Наумович не раз пожалеет об этом решении. А пока членство в партии ему только помогает. В апреле состоялось заседание партбюро, где было одобрено издание работ Язева в институтском сборнике тиражом 400 экземпляров. И даже нашлась хорошая бумага для издания сборника. Печать работ одобрил заместитель начальника института по научно-исследовательской работе доктор технических наук С. Ф. Мацкевич (1890-?). Сто экземпляров Язев рассылает в научные учреждения, ещё 20 – авторские экземпляры.

Идея И. Н. Язева о создании большой комплексной обсерватории на Алтае в районе Чемала нашла поддержку в Академии наук и существовала вероятность того, что проект может быть реализован. Высокая точность определения координат полюса и новая идея, объясняющая причины его движения, а также формулы, которые отлично описывали движение полюса и позволяли прогнозировать его, вызывали доверие.

Для наглядной демонстрации процесса движения полюса Иван Наумович спроектировал и изготовил специальный прибор – полюсограф. В этом приборе вращение электромотора с помощью червячной передачи и рычагов преобразовывалось в сложное движение кривошипов. Бумага в виде ленты подавалась в механизм. Карандаш, закрепленный в конечном звене механизма, рисовал на бумаге сложные кривые, похожие на кривые движения полюса. Прибор сохранился по настоящее время и в 2011 году был передан внуком И. Н. Язева, Сергеем Арктуровичем Язевым, в научный музей Большого новосибирского планетария (МКУ ДО ДЮЦ «Планетарий»).

В газете НИВИТа «Кадры транспорту» за 29 апреля 1947 года была напечатана статья «Наши ученые», где в числе передовых называется кафедра Язева: *«Одной из лучших кафедр в институте считается кафедра Геодезии, возглавляемая профессором Иваном Наумовичем Язевым. Работая в НИВИТ'е сравнительно недавно, Иван Наумович сумел прекрасно наладить работу всего коллектива кафедры, как в области методической, так и в области научной деятельности. Как педагог, Иван Наумович умеет привить своим слушателям интерес к изучаемой*

Л. А. Кедрова (в центре) со студентами
у полюсографа конструкции И. Н. Язева. 1947 год.

дисциплине. Научно-технический кружок кафедры собирается регулярно и привлекает в свои члены многочисленных участников. Как ученый, Иван Наумович является крупнейшим астрономом Сибири, его исследование движения земного полюса получило высокую оценку IX научно-технической конференции кафедр института». Автор заметки – доцент С. С. Ульрих (1909-?).

После перехода в НИВИТ (возможно, и раньше) в жизни Язева появилась ещё одна женщина. Речь идет о сотруднице института, работавшей под началом Ивана Наумовича – инженер-капитане, члене ВКП(б) Лидии Алексеевне Кедровой (1902-ок. 1966)¹. Она работала в НИВИТе ассистентом кафедры геодезии с 1938 года. Судя по сохранившимся документам, отношения между начальником и подчинённой явно выходили за рамки рабочих. Она будет сопровождать Ивана Наумовича до конца его жизни и станет его самой надёжной опорой.

¹ Добровольский А. В., Манаков А. Л. НИВИТ военного времени (1941-1945 гг.). – Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2017. – 128 с. (С. 108).

Но благоприятный для Ивана Наумовича ход событий неожиданно нарушился. Началось всё, казалось бы, случайно, со сравнительно мелкого эпизода.

Накануне Дня Победы, 8 мая 1947 года, состоялось общеинститутское партийное собрание. Казалось бы, нужно произносить торжественные речи в преддверии праздника. Ан нет, главным вопросом стала критика кафедры «Тактика» и некоего полковника Рожнова. И вдруг, как снег на голову, заместитель секретаря партбюро института А. М. Кушнерев (1901-?), как бы мимоходом, рассказывает присутствующим о том, как нескромно показал себя профессор Язев, подписав генеральским званием некий странный рапорт товарищу Сталину. Вспомнили и Кедрову, которая рассказывала об этом рапорте студентам. Выражения, видимо, звучали очень жёсткие, поскольку во время собрания Язев почувствовал себя плохо. Ему оказали первую помощь, а Кедрова сопровождала его домой на машине начальника института.

Что же это был за рапорт, который так заинтересовал участников партсобрания? Приведём его здесь полностью.

РАПОРТ

По примеру великого полководца Кеплера¹ настоящим рапортую Вам, что мною, после упорной пятнадцатилетней борьбы, в решительной схватке побежден и взят в плен коварный и злополучный старик, именуемый Земным Полюсом, который на протяжении многих лет упорно скрывал свою великую тайну.

Еще в 1790 году генерал от математики Эйлер² с помощью своей армии формул и уравнений первый предпринял поход против Полюса и показал, что этот последний не стоит на месте, как положено ему уставом, а ходит по кругу, делая полный оборот в девять месяцев.

В течение целого столетия астрономам не удавалось об-

¹ Немецкий математик и астроном Иоганн Кеплер (1571-1630).

² Швейцарский, немецкий и российский математик и механик Леонард Эйлер (1707-1783).

наружить из наблюдений колебаний земного полюса, так как коварный старик упорно скрывал свою привычку раскачивать земную ось и тем самым усыпил бдительность людей, которые поверили в неподвижность Полюса.

Только в 1888 году капитан астрономии Кюстнер¹ заметил в подзорную трубу, что старик Полюс оставил свой пост у конца земной оси и свободно разгуливает.

Это послужило поводом американскому генерал-астроному Чандлеру² к составлению обширного обвинительного заключения против преступной деятельности Полюса, выразившейся в том, что этот последний незаметно оставляет свой служебный пост и ходит по кругу, затрачивая на это не 10 месяцев, как полагал Эйлер, а 14 месяцев.

Принимая во внимание противоречивость сведений о движении Земного Полюса и учитывая исключительную коварность старика, генеральный штаб астрономии и геодезии учредил в 1898 году постоянный и бдительный надзор за деятельностью Полюса³.

На основании анализа полувекового бдительного надзора за Полюсом генерал от астрономии Орлов⁴ пришел к заключению, что те сложные завитки, по которым ходит полюс, разгадать вообще нельзя и что предусмотреть маршрут его на будущее время не следует и пытаться.

Такое мнение о Полюсе стало господствующим.

Несмотря на это, я решил покорить коварного старика и узнать его великую тайну. На протяжении многих лет я готовил армию формул и цифр, вооружая ее графиками, таблицами и чертежами – с тем, чтобы в решительный момент выступить в поход против коварного врага. Формирование армии шло медленно и тяжело, так как не было средств и снаряжения. Ко всему прибавилось недоверие окружающих, которые считали

¹ Немецкий астроном Карл Фридрих Кюстнер (1856-1936) работал в Берлинской обсерватории.

² Американский астроном Сет Карло Чандлер (1846-1913) работал в Гарвардской обсерватории.

³ В 1898 году на международной геодезической конференции в Штутгарте принято решение о создании международной службы широты.

⁴ Научный противник Язева астроном А. Я. Орлов (1880-1954).

дело безнадежным. Коварный Полюс искусно направлял поиски по ложным следам. Мои противники злорадствовали и распространяли обо мне самые нелепые слухи.

Однако в 1944 году армия, сформированная мною, перешла в решительное наступление. Доблестные полки синусов и косинусов, преодолевая сопротивление рутины и консерватизма, продвинулись вперед на 50 лет¹, и при поддержке бригад натуральных и десятичных логарифмов, под грохот арифмометров и счётных машин форсировали широко распространённую догму и овладели основными коммуникациями противника.

Под новый 1945 год после долгого преследования... противник был схвачен на месте преступления и доставлен ко мне в штаб на допрос, который и был учинен мною в присутствии небесного пастуха Арктура, под жемчужным блеском короны Геммы.

Тяжесть многочисленных улик, безвыходность положения заставили, наконец, Полюс признать свою вину в том, что он, Полюс, под влиянием богов Юпитера и Солнца, а также благодаря подстрекательству кровавого бога войны Марса и Сатурна и при разлагающем влиянии соблазнов распутной богини Венеры нарушал служебный долг и уходил самовольно с поста...

Что касается связи Полюса с небесными богами Ураном, Нептуном, а также подземным богом Плутоном, то означенный преступник такую связь категорически отрицает.

Он отрицает также связь с богом воров и мошенников – Меркурием... Великую тайну, которую поведал мне побежденный старик, я тщательным образом изложил в книге, в которой описал также маршрут и дал расписание шагов Полюса на будущее время.

... Представляя Вашему вниманию знатного пленника и книгу с изложением великих тайн Полюса, я счастлив рапортовать Вам о той победе, которая выпала на мою долю.

Командующий Сибирской армией Синусов и Косинусов
Генерал-логарифм И. Язев
Новосибирск, 1945

¹ Расчеты положения полюса проведены И. Н. Язевым на 50 лет вперед, до 1990 года.

Современный читатель в этом небольшом и неожиданном произведении Ивана Наумовича Язева увидит популярное изложение его научной работы. Здесь присутствует историческая справка изучения движений полюса, имена учёных, занимавшихся изучением проблемы, дан перечень планет, влияние которых на полюс установлено и кратко изложены результаты работы. Военная лексика тоже вполне объяснима: только что закончилась война, в течение четырёх лет преобладала военная терминология.

Что касается стиля изложения, то автор уже в первой строке говорит о том, с кого он взял пример при написании своего произведения. Более трёхсот лет назад придворный математик и великий астроном Иоганн Кеплер в точно такой же форме посвятил «Новую астрономию» своему покровителю – императору Рудольфу. Во введении к книге Кеплер с тонким юмором изображает своё исследование в аллегорической форме, как сражение против грозного и коварного бога войны – Марса. У Кеплера мы находим такие строки: *«непрерывно на протяжении целых 20 лет каждую ночь неустанно подсматривал все привычки неприятеля... Собранные им [Тихо Браге] сведения, перешедшие в моё распоряжение, дали мне возможность освободиться от того безотчётного и смутного страха, который обыкновенно испытываешь перед неизвестным врагом»*.

Далее Кеплер подчеркивает огромные трудности, встретившиеся на пути к покорению Марса, и, упомянув, что впереди другие планеты, ожидающие покорения, заканчивает свое посвящение весьма недвусмысленно: *«Поэтому я прошу Ваше величество обратить внимание на то, что деньги – нерв войны, и благоволить приказать своему казначею выдать Вашему полководцу необходимые средства для снаряжения новой экспедиции»*¹.

Язев адресовал свой рапорт непосредственно Сталину. Возможно, пафосный стиль официальный пропаганды, торжественные марши Великой Победы вскружили ему голову. Язев искренне гордился своими достижениями, и, подобно Кеплеру, хотел посвятить их новому императору...

¹ URL: http://www.astro-cabinet.ru/library/Kepler/Kepler_5.htm (дата обращения 25.03.2020).

В отличие от Кеплера, Язев в своём рапорте денег не просил. Но члены партийного собрания в 1947 году смотрели на эти строки в соответствии с понятиями своей эпохи. Вряд ли кто-то из них знал о существовании книги Кеплера. А вот в произведении Язева при желании легко можно было найти скрытый смысл. Кому-то не понравилось упоминание распутной богини Венеры, кому-то – указание на рутину и консерватизм, а кто-то был недоволен выдуманном генеральским званием, которое присвоил себе автор. Но главное – как можно было такое нелепое и непонятное произведение адресовать самому товарищу Сталину?

Чтобы разобраться с этими вопросами, буквально через шесть дней после собрания назначается заседание партбюро НИВИТа. Из протокола мы узнаём мнение партийцев: *«В этом письме учёный-коммунист рассказывает о том, как он ловил коварного старика Полюса, спутавшегося с целой артелью богов, причем, среди этих богов есть и развратные типы...»*. Кедрова тоже попадает под удар, – она обвиняется в том, что распространяла «очевидно в порядке подхалимажа» весьма странное фантастическое письмо, текст рапорта, среди членов научно-технического кружка геодезии. Через неделю – ещё одно собрание, теперь уже общепартбюро.

История выплёскивается за стены НИВИТа, подключается бюро Новосибирского обкома партии. Поначалу обком исходит из позиции здравого смысла, пытается урезонить партбюро НИВИТа и прекратить шельмование Язева. Обком призывает признать политические обвинения, прозвучавшие в адрес профессора Язева, необоснованными и считать вопрос исчерпанным.

Но проблема разрастается как снежный ком, несущийся с горы. После того, как дело стало публичным, находится свидетель из прошлого. В конце мая 1947 года слушатель Рыжаков со слов своего отца, когда-то учившегося с Язевым в Омске, сообщает, что тридцать лет назад Язев состоял в партии эсеров. Это сообщение сразу переводит конфликт в иную плоскость: а кто вообще такой этот Язев? Здесь уже беда Язева заключалась в том, что он в своё время не сообщал в анкетах подробности о своём давнем прошлом.

На лето страсти поутихли. Впечатления сгладились. Может, забудется? Ещё 5 ноября 1947 года в стат-карточке Язева зафиксирована благодарность от руководства НИВИТа. Но, увы, она станет последней. Потому что в институт уже поступил документ, говорящий не в пользу Язева – брошюра 30-летней давности с крестьянского уездного съезда 1918 года в Татарке. Здесь и приветственные телеграммы Временному Сибирскому правительству и штабу чехословацких войск как спасителям страны от большевиков. Здесь и резолюция съезда с призывом к созыву Учредительного собрания, к денационализации и возвращению имений их владельцам! А главное – здесь фигурирует фамилия Язева как заместителя председателя съезда!

Ивану Наумовичу приходится писать подробную, на пяти машинописных листах, объяснительную записку с описанием своей жизни в 1918-1922 гг. Объяснительная от 29 ноября 1947 года адресована начальнику института и секретарю партбюро НИВИТа. Язев пишет и про свою работу в земской управе при Колчаке, и про встречу с атаманом Анненковым, и про то, как скрывался в Томске... Ещё на что-то надеясь, Язев завершает свою записку словами: «Сейчас, оглядываясь назад на четверть века и даже больше, я думаю, что и тогда в годы молодости я был достойным сыном своей Родины и верным солдатом революции. Не будучи членом партии большевиков, я всегда был вместе с ней и помогал по мере сил своих».

Но новые оппоненты Язева смотрели на эти давние события иначе. Череда собраний и публичных разборок приводит к тому, что 3 декабря 1947 года на заседании партбюро НИВИТа Язев в сердцах кладёт на стол свой партбилет. А 8 декабря пишет на пяти листах письмо в Центральный комитет партии товарищу Сталину, в котором есть такие слова: «Если я не гожусь быть членом партии, то может быть я ещё нужен родине как учёный, как педагог. Зачем же меня добивать?»

Партбюро института продолжает под микроскопом изучать все стороны работы Язева. 10 декабря 1947 года рассматривается работа научно-технического кружка геодезии. Темы докладов: Межпланетные путешествия как реальная проблема науки и техники; Жизнь и деятельность Циолковского; Есть ли жизнь на

Марсе; Звёзды-гиганты и звёзды-карлики; Теория относительности Эйнштейна.

Выступающие вскрывают ошибки руководителя кружка: «На одном из последних занятий слушатель Цапенко в своем докладе цитирует книгу английского королевского астронома Джона Спенсера «Жизнь на других мирах». А ведь это буржуазный идеолог, придерживающийся мнения, что наука и религия не противоречат друг другу. Джон Спенсер – враг теории классово-вой борьбы! Вот где скрытый антикоммунизм!» Кроме того, о каких таких мирах вообще идёт речь в стенах института военных инженеров транспорта? Язев вынужден отстаивать тему цитатами о множественности миров из «Диалектики природы» Энгельса. Решение партбюро на этот раз формулируется сравнительно мягко – работа кружка не соответствует профилю института.

На фоне такой активности дрогнули те, кто давал рекомендации Язеву о вступлении в партию. Те, кто год назад сами предлагали ему вступать в ВКП(б). Рекомендующих было трое. Теперь гонения Язева бросали тень и на них. Как они могли рекомендовать его? Отзывают свои рекомендации Л. К. Кудряшов (1908-?), Н. А. Прощаев. Самым стойким оказался В. А. Штырляев (1899-?). Он отозвал рекомендацию 3 января 1948 года, за 30 минут до начала партийного собрания. Но в этот же день написал письмо в областную партколлегию на пяти листах, где подробно описал сложившуюся нездоровую ситуацию в парторганизации НИВИТа.

Непрерывный и нарастающий прессинг не лучшим образом отражается на здоровье Ивана Наумовича. В личной карточке зафиксировано, что он болел с 17 декабря 1947 года по 9 февраля 1948-го, затем с 24 февраля по 15 марта. Сердце не выдерживало...

При изучении протоколов многочисленных собраний и заседаний разных уровней, которые продолжались часами, создаётся впечатление, что вопрос о Язеве был вопросом номер один в жизни института. Впрочем, поведение самого Язева тоже не безукоризненно.

Вот письмо от 13 января 1948 года секретаря партбюро НИВИТа М. Д. Красильникова в партколлегию при обкоме партии, в котором он сообщает: «И. Н. Язев приглашён в НИВИТ в

январе 1946 года. Ему созданы хорошие бытовые условия: предоставлена хорошая квартира из пяти комнат. Имея ставку профессора, зав. кафедрой, затем ставку начальника НИСа, И. Н. Язев получал зарплату 6750 рублей, а фактически работал на половину нагрузки [270 часов в год вместо 540 из-за совмещения в НИИГАиК]. Почему начальник института тов. Кравцов дал разрешение на отпуск Кедровой и на её поездку совместно с Язевым на курорт?...»

Некоторые личные качества Язева перечисляются в секретном письме от 28 февраля 1948 года, написанном начальником института Кравцовым в адрес секретаря партколлегии при обкоме партии тов. Коптелова: *«Вот несколько фактов, характеризующих политическое лицо тов. Язева. При выдвижении кандидатов в местные советы он отказался выдвинуть доцента тов. Архангельского кандидатом в депутаты Райсовета. Очень мало у тов. Язева скромности и очень он честолобив. Он неоднократно требовал от меня отправки его диссертации в Комитет по Сталинским премиям [в области науки, военных знаний и изобретательства], в то время как оснований к этому (положительных отзывов) я не имел. Требовал разъяснения, почему нет его на доске почёта института, почему ему дали звание подполковника, а не полковника и т. п.»* Здесь, как и в некоторых других ситуациях, мы видим, что Иван Наумович не отличался скромностью. Он, сын крестьянина, собственным талантом и трудом проложивший себе дорогу в науку, старался взять от жизни всё, что возможно.

Очередной компромат на Язева появился в апреле 1948 года. В адрес начальника института поступил совершенно секретный документ из управления охраны Министерства госбезопасности на Томской железной дороге. Этот документ из Новосибирского областного архива подтверждал, что согласно публикации в газете Временного правительства «Сибирский вестник» от 22 августа 1918 года, Язев был назначен членом Татарской уездной управы и исполняющим обязанности помощника Татарского уездного комиссара.

Но даже без этого документа участь Язева была предreshена. Вопрос об его исключении из партии ставится 28 апреля 1948

года на очередном общепартийном собрании. Но ситуация была далеко не однозначной. За исключение отдано 111 голосов, против – 46, воздержались трое! Еще 30 человек посчитали, что можно обойтись выговором. Для любого человека в то время исключение из партии – это приговор. И. Н. Язев в этой критической ситуации пишет в обком два сумбурных письма. Третьего мая – о том, чтобы его оставили в партии, а уже на следующий день – письмо, чтобы его исключили как можно скорее.

Партийный маховик неумолим. Сначала решение об исключении утверждается в горкоме, затем последняя точка – 18 мая решение утверждается в обкоме партии. Последствия не заставляют себя ждать: уже на следующий день Язева отстраняют от руководства кафедрой с формулировкой “по несоответствию”.

Иван Наумович ещё пытается сопротивляться. Он отправляет телеграмму, затем сам выезжает в Москву с письмом в ЦК партии, ходит по высоким кабинетам, пытаясь опротестовать своё исключение. Пусть хотя бы оставят его на преподавательской работе!

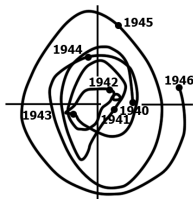
Приказ об освобождении от должности издан 19 августа со ссылкой на телеграмму МПС – уволить с 1 сентября. В сентябре приходит и официальный ответ из ЦК – апелляция отклонена, Язев исключен из партии. Теперь и ВАК, наконец, принимает вердикт по поводу защиты докторской диссертации, состоявшейся два года назад. 7 ноября 1948 года принято решение об отказе утвердить защиту. И. Н. Язев лишается научного звания и. о. профессора, однако звание доцента ему сохраняют.

Рикошетом достаётся и всем причастным к этой истории: Л. К. Кудряшову, который на заседании физико-математической секции научно-технической конференции НИВИТа предлагал представить работу Язева на Сталинскую премию, С. Ф. Мацкевичу, допустившему публикацию Трудов НИВИТа с работами Язева, начальнику института Г. П. Кравцову за поддержку Язева и, конечно, Л. А. Кедровой, активно защищавшей Язева.

Подробный разбор протоколов партийных собраний, на которых клеймили «отщепенца и проходимца» Язева, сделала в своей книге «Риск прямого восхождения» Замира Ибрагимов (Новосибирск, 2006). Из этих документов мы видим, что единственным человеком, стойко и до конца защищавшим Язева,

была Лидия Алексеевна Кедрова. В одном из протоколов так и зафиксировано: «коммунист Кедрова – верный защитник Язева, её выступления в защиту Язева ничем не обоснованы».

Сейчас мы понимаем, что за этим скрывались глубокие личные чувства по отношению к дорогому человеку. Документы почти ничего не говорят об этих чувствах. В одном из них упоминается о том, что летом 1947 года они вместе ездили отдыхать на курорт. Резолюция на другом документе прямо указывает, что Кедрова «его жена» – при том, что Язев оставался женатым на Марии Константиновне и жил в семье. Так или иначе, Лидия Алексеевна стойко перенесла удары за своё заступничество и выдержала поток обвинений в свой адрес.

ИРКУТСК. БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ (1948-1955 гг.)

В 1948 году я поступил на работу в Центральное научно-исследовательское Бюро времени, которое меня направило в Иркутск для организации и руководства Службы точного времени. Одновременно с этим я получил приглашение от Иркутского Государственного университета занять кафедру Астрономии и Геодезии, на что я и изъявил свое согласие.

Из автобиографии И. Н. Язева, 1951 г.

Новосибирский период жизни И. Н. Язева закончился 1 сентября 1948 года, когда он был уволен из Новосибирского института военных инженеров транспорта. В автобиографии Язева, написанной в 1951 году, упоминается, что Министерство путей сообщения предложило ему переехать на работу в город Ташкент, в институт инженеров железнодорожного транспорта, аналогичный новосибирскому. Но Иван Наумович отказался от этого предложения.

Язеву было интереснее посвятить себя научной работе. Такое предложение поступило от имени образованного годом ранее Центрального научно-исследовательского бюро службы времени (ЦНИБ)¹. Язев был приглашён на должность научного руководителя в иркутскую лабораторию ЦНИБ, которая была создана только что, 26 октября 1948 года. Она находилась в здании астрономической обсерватории Иркутского госуниверситета.

¹ В 1955 году на базе бюро был создан ВНИИФТРИ – Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений, находящийся в пригороде Москвы.

Дом на улице Первой Советской, 119А в Иркутске. Здание построено в 1913 году для военных. Вплоть до 60-х годов здесь было печное отопление. С тридцатых годов XX века большую часть здания занимал (и занимает) детский сад, треть здания (сейчас меньше четверти) занимали служебные помещения астрономической обсерватории Иркутского государственного университета и квартиры сотрудников. Со временем здесь остались две квартиры, где по-прежнему живут сотрудники обсерватории.

Обсерватория была образована как широтная станция в 1931 году приказом Наркомпроса СССР по инициативе все того же А. Я. Орлова. Сам Орлов писал об этом так¹: *«Гравиметрические инструменты, а именно хронометры, хронограф, маятники, универсальный инструмент остались после моей экспедиции 1917 года в Томск... Чтобы обеспечить работы Одесской обсерватории, я в 1922 году решил на рискованное путешествие в Томск за приборами. В теплушках с большими остановками и крайними трудностями я всё-таки достиг своей цели, но не полностью, так как часть приборов была увезена в Иркутск. Туда я смог приехать только в 1924 году, и доставил в Одессу всё необходимое для гравиметрических наблюдений... Я обратил внимание профессора астрономии Иркутского университета В. К. Абольда на желательность организации в Иркутске наблюдений зенитной звезды β Дракона, которая наблюдалась*

¹Труды ГАИШ, 1999. – Т. 67. – С. 94-107.

тогда в Бамбергской обсерватории близ Берлина на большом вертикальном круге, и содействовал тому, чтобы выписанный в Сейсмической комиссии зенит-телескоп был передан в Иркутск, что и было сделано...»

А. Я. Орлов лично участвовал в выборе места для обсерватории. Через два года, в 1926 году, Иркутский университет выделил здание под обсерваторию на северо-восточной окраине города. Здесь, на улице Первой Советской (в то время корпус 17, а ныне дом 119А), обсерватория продолжает работу и в настоящее время.

Астрономическую обсерваторию Иркутского университета с 1931 по 1938 год возглавлял профессор В. К. Абольд (1879-1948). С А. Я. Орловым они были знакомы еще с дореволюционных времен, по Томску. В 1938 году В. К. Абольд был арестован, но через год его освободили. После этого он продолжал работать сотрудником обсерватории в качестве её научного руководителя, а также возглавлял кафедру астрономии и геодезии ИГУ. Скончался он 28 ноября 1948 года.

Осенью 1948 года И. Н. Язев приезжает в Иркутск, а в начале 1949 года туда прибывает семья астронома – М. К. Максимова-Язева, Гемма и Арктур. Арктур в то время был студентом НИИГАиКа, и был вынужден перевестись в Иркутский госуниверситет. Вслед за семьёй Язевых в Иркутск переезжает и Л. А. Кедрова с дочерью – Сибирью Владимировной Кузнецовой. Отчасти это произошло по той причине, что после произошедшего, когда она практически одна открыто выступала в защиту Ивана Наумовича, оставаться в НИВИТе ей было проблематично. А главное – потому, что её связывали с Иваном Наумовичем не только рабочие, но и личные отношения. С 1 июля 1949 года Кедрова числится старшим научным сотрудником в лаборатории службы времени. С 1 ноября 1950 года она стала заведовать Службой времени.

Иркутский период жизни Ивана Наумовича и работа на посту директора обсерватории ИГУ достаточно подробно описаны в истории обсерватории¹. В личном листке по учету кадров от

¹ Астрономическая обсерватория Иркутского государственного университета. Страницы истории. (К 80-летию со дня основания) / под ред. С. А. Язева. – Иркутск: Оттиск, 2011. – 128 с.

Е. Д. Первухин и И. Н. Язев (стоит) в аппаратной службы времени иркутской обсерватории. Фото из архива обсерватории.

24.11.1951 года Язев теперь, наученный горьким опытом, пишет: «в 1917-1919 состоял в партии С-Р; из членов ВКП(б) исключён в 1948 году за сокрытие периода 1917-1919 гг.; в 1918-1919 гг. работал председателем Татарской земской управы».

В Иркутске прибывшим из Новосибирска «варягам» сразу же пришлось столкнуться с трудностями, в первую очередь, ведомственными. Дело в том, что обсерватория Иркутского университета и лаборатория службы времени ЦНИБ находились в одном и том же помещении на улице Первой Советской. Формально это были разные организации, но, по сути, в них работали одни и те же люди, сотрудники обсерватории. Других специалистов в Иркутске не было... Директором обсерватории был В. И. Курышев. Службой времени руководил Е. Д. Первухин.

Чем занималась служба времени в Иркутске? Еще в 1945 году Комитет по делам мер и измерительных приборов (Коммерприбор) отправил в Иркутск пассажный инструмент Бамберга № 5228. После ремонта этого прибора в Москве в 1947 году, в 1948 году сотрудники Службы времени Коммерприбора Л. Н. Надеев (1902-1974) и Е. Д. Первухин в соответствии с договором

между Коммерприбором и ИГУ начали наблюдения. Результаты использовались при выводе сводных моментов ритмических сигналов Службы времени СССР.

Кроме того, сотрудниками проводился приём сигналов точного времени на звёздный хронометр № 571 фирмы Ланге по так называемой ташкентской схеме (схеме Кука-Прейпича, описанной в ленинградском разделе этой книги). При каждом приёме сигнала (до или после приёма) производилось сличение этого хронометра с ведущими часами № 535 с помощью хроноскопа. Ведущие часы, в свою очередь, раз в сутки, в 12 часов 06 минут всемирного времени, сравнивались со средними часами № 542 также с помощью хроноскопа. Разности часов № 542 и № 535 каждые полмесяца высылались в Центральное бюро для контроля.

Сами ведущие часы регулярно контролировались с помощью астрономических наблюдений: фиксировалось время прохождения звёзд через меридиан с помощью пассажного инструмента Бамберга.

Периодически (раз в неделю) определялось запаздывание сигнала, полученного с московской станции. Запаздывание мог измерить Иркутский радиоцентр, где имелся осциллограф со специальной фотоустановкой. Запаздывание составляло около 4 миллисекунд. Стояла задача научиться выполнять эту операцию самостоятельно.

Эталонные сигналы московской коротковолновой станции РВМ передавались одновременно на трёх частотах – 4996, 9996 и 14996 килогерц в 2, 4, 6, 12, 14, 16 часов и в 22 часа. Другие станции передавали сигналы точного времени в другие моменты. Так что дежурить сотрудникам Службы времени приходилось и днём и ночью.

В феврале 1949 года И. Н. Язев, уже в статусе заведующего кафедрой астрономии и геодезии ИГУ (позже в этом же 1949 году в название кафедры включат ещё и картографию), стал научным руководителем лаборатории ЦНИБ. 6 июня 1949 года он был назначен директором обсерватории (предыдущий директор В. И. Курьшев уволился по собственному желанию).

И. Н. Язев с жаром принялся за дело. В 1949 году были выполнены работы по приведению в порядок хозяйства обсерватории. В часовом подвале кирпичного здания обсерватории, где в стеклянных колпаках стояли часы Рифлера, было сыро. Язев организовал установку электропечей, для сушки подвала был применен влагопоглотитель – пол был засыпан углём, была оборудована вентиляция. Из Москвы был выписан часовой механик, который провёл чистку и регулировку эталонных часов. Были проведены работы по модернизации пассажного инструмента. Осуществлялся приём сигналов точного времени станций RWM в Москве, RCH в Ташкенте, RID в Иркутске и MSF в английском городе Рагби. Лаборатория времени обеспечивала временную привязку при ретрансляции сигналов точного времени Иркутским радиоцентром. Схема приема сигналов была усовершенствована, существенно реконструирована аппаратная Службы времени.

В марте 1949 года в Иркутск пришло письмо от А. Я. Орлова. Давний оппонент И. Н. Язева, академик АН УССР, руководитель астрометрических работ в стране, по инициативе которого когда-то и была основана иркутская обсерватория, считал себя вправе давать советы и рекомендации по работе обсерватории.

В своём письме А. Я. Орлов поднимал два вопроса. Во-первых, о строительстве ещё одной обсерватории, которая должна была находиться на одной широте со станцией в Познани (Польша) – $52^{\circ}23'40''$. Соответствующая точка лежит близко к северной оконечности города Иркутска, примерно в 12 км от центра города. Во-вторых, о присвоении обсерватории имени профессора В. К. Абольда, долгое время возглавлявшего обсерваторию Иркутского университета и положившего на это много труда.

Письмо обсуждалось на заседании кафедры астрономии и геодезии 31 марта 1949 года. В постановлении собрания указано, что место для новой обсерватории поручается выбрать зав. кафедрой И. Н. Язеву. Увы, оба предложения А. Я. Орлова не были реализованы на практике. Возможно, причиной стало личное отношение Язева к идеям, исходящим от его научного противника. Но, вероятно, это лишь одна, не главная причина. Ресурсов для сооружения новой обсерватории у ИГУ в те годы не было – были

постоянные проблемы даже с обеспечением работы существующей обсерватории, с трудом были выделены средства на её развитие, так что на сооружение новой астрометрической обсерватории в Иркутске в те годы никто бы не пошёл. Разработка же планов развития науки в Сибири по линии Академии наук началась позже...

Что же касается второго предложения, то свою роль, видимо, сыграл и тот факт, что В. К. Абольд ранее подвергался аресту и некоторое время находился в заключении. Решение назвать обсерваторию его именем вряд ли нашло бы понимание у руководства ИГУ.

Выше уже было сказано, что в одном помещении обсерватории ИГУ находились две организации, каждая со своим руководителем. Это неминуемо вело к конфликтам, поскольку часть сотрудников числилась и там, и там. В этом же здании находились и служебные квартиры сотрудников.

Самые жаркие баталии разыгрались после того, как 16 декабря 1949 года ректор ИГУ своим приказом ввёл подчинение Службы времени ЦНИБ директору астрономической обсерватории, т. е. Язеву. Атмосферу того времени можно попытаться понять по сохранившимся документам.

Из текста распоряжения № 1 от 19.12.1949 года мы видим, как И. Н. Язев пытается навести порядок в обсерватории. Он объявляет строгие выговоры лаборанту Е. А. Швыдко (за оскорбление Л. А. Кедровой) и зав. лабораторией времени Е. Д. Первухину (за самовольную отправку бюллетеня времени минуя директора обсерватории), а также устанавливает еженедельные отчёты зав. лабораторией времени.

В протоколе заседания партийного бюро ИГУ от 4 января 1950 года говорится: *«Во многом тормозит работу [Службы времени] недружный коллектив, который разъединяет склока. Тов. Первухин – зав. лабораторией времени не подчиняется ректору и директору обсерватории, ведёт себя грубо, отказывается выполнять распоряжения директора обсерватории, подрывает его авторитет»*. С другим сотрудником лаборатории времени, т. Надеевым, у Язева возникли разногласия при составлении годового отчета за 1949 год. Язев возражал против того, чтобы

указывать Л. Н. Надеева руководителем Службы времени (хотя он фактически был им до 16 декабря). Участники собрания осуждают Надеева, в результате тот кается и обещает выполнять распоряжения ректората и сработаться [видимо, с Язевым].

Лев Николаевич Надеев, как и Язев, учился в Омске, стал инженером-геодезистом, работал на кафедре геодезии, в 1941 году защитил диссертацию и получил звание доцента. В 1946 году он получил приглашение в Иркутск для организации Службы времени. К приезду Язева он работал в Службе времени обсерватории ИГУ и ЦНИБ, и там почти сразу началось их противостояние. Позднее, в шестидесятые годы, Надеев работал в Восточно-Сибирском филиале Всесоюзного научно-исследовательского института физико-технических и радиотехнических измерений (ВНИИФТРИ), образованного в Иркутске в 1965 году.

Московское руководство ЦНИБ попыталось перевести лабораторию в другое помещение. Первого ноября 1950 года был расторгнут договор между обсерваторией и ЦНИБ. В конфликт вмешались военные – для авиации крайне важно было точное время. Военные и поступили по-военному: направили бумагу о выселении обсерватории. В то же время, руководство ИГУ стремилось оставить лабораторию времени в университете и получить контроль над ней. Так оно и произошло в конце 1950 года – университет победил, и Язев принял имущество лаборатории в состав обсерватории ИГУ. Роль Язева здесь высока: он настаивал на том, чтобы сохранить оборудование в университетской обсерватории, писал письма в разные инстанции, неоднократно обращался к ректору университета и готовил письма от его имени.

При передаче имущества разногласия возникли в отношении наиболее ценного оборудования – пассажного инструмента Бамберга № 5828 с диаметром объектива 62 мм. Борьба за него шла ещё два года, с участием Министерства высшего образования и вице-адмирала В. Ф. Зозули из Ленинградской морской академии, которой формально принадлежал инструмент. В результате инструмент остался в обсерватории. Наблюдения на нём вела Л. А. Кедрова.

И. Н. Язев занимался не только борьбой за лабораторию времени. В результате его усилий, в 1950 году была значительно рас-

Павильоны размером 3 x 3 метра для астронаблюдений.

Деревянный забор, огораживающий астроплощадку обсерватории ИГУ. 1950-е годы. Фото из архива обсерватории ИГУ.

ширена территория астрономической обсерватории – более чем в четыре раза, с 6,7 до 28,6 соток, за счёт прилегающей земли. На этой территории был построен новый павильон для фотогелиографа, а затем и другие павильоны с раздвигающимися крышами для пассажных инструментов и малых инструментов. Территория была обнесена деревянным дощатым забором, а затем и тесовым забором с кирпичными столбами.

Весной 1952 года Язев организовал доставку в Иркутск для физико-математического факультета и астрономической обсерватории ИГУ большого количества списанного оборудования из МГУ – осциллографы, генераторы... В том числе, из ГАИШ¹ был

¹ ГАИШ – Государственный астрономический институт им. П. Г. Штернберга при Московском государственном университете.

Сотрудник обсерватории ИГУ В. П. Силантьева возле фотогелиографа ФГ-1. Иркутск, 1950-е годы. Фото из архива обсерватории ИГУ.

получен второй пассажный инструмент Бамберга. Инструмент был в плохом состоянии, но он был отремонтирован и использован для экспериментальных работ по созданию третьей в стране после Пулкова и Москвы фотоэлектрической установки для регистрации моментов звёздных прохождений через меридиан.

Установку изготовил выпускник физико-математического факультета ИГУ Арктур Язев, сын Ивана Наумовича. Эта работа выполнялась по инициативе И. Н. Язева и под научным руководством бывшего коллеги Язева по Пулковской обсерватории, к тому времени известного астрометриста, профессора, лауреата Сталинской премии Н. Н. Павлова.

Арктур Иванович, ещё будучи студентом, выполнял в обсерватории многие радиотехнические работы, сначала на общественных началах, затем (с 28 апреля 1955 года) будучи зачисленным в штат обсерватории на должность старшего научного сотрудника, а позже – заведующим Службой времени. Начиная с 1956 года Служба времени астрономической обсерватории ИГУ использовала только фотоэлектрический способ регистрации. В наблюдениях, помимо А. И. Язева, первоначально участвовали Л. А. Кедрова и И. Д. Купо.

На территории обновленной астрономической площадки предполагалось начать фотографические наблюдения Солнца. Ранее, с 1 января 1950 года, обсерватория уже была включена в число обсерваторий, где существовала Служба Солнца, кстати, в то время единственная за Уралом. Визуальные наблюдения регулярно, на протяжении десяти лет, начиная с 1940 года, вёл А. А. Каверин (1904-1976), он же являлся руководителем Службы Солнца. Каверин был авторитетным астрономом, ранее учившимся в аспирантуре в Пулково. Основным предметом его научных интересов была теория затмений. Он вёл предвычисления обстоятельств солнечных затмений для многих географических пунктов СССР. Эти данные публиковались почти во всех выпусках Астрономического Календаря ВАГО тех лет. Каверин вёл также преподавательскую работу в пединституте, а в 1950 году стал лектором открывшегося планетария.

В протоколе производственного совещания от 12 мая 1950 года указано: *«За первый квартал [1950 года] выполнено 67 производственных наблюдений Солнца, каждый ясный день. Все наблюдения своевременно обработаны и отправлены в пять адресов. Наблюдения показали рост солнечной деятельности, что ясно видно по изменению числа Вольфа. Наблюдения ведут т.т. Г. А. Менжинская и Г. А. Демидова [не указан основной наблюдатель – Каверин]. Выполнена большая работа для Киевской астрономической обсерватории по их запросу, сделаны выборки данных о наблюдениях Солнца».*

Отвечая на вопросы участников совещания, директор обсерватории Иван Наумович Язев заявил: *«Служба Солнца нашей астрономической обсерватории ведёт свою работу на высоком уровне. В трудах Пулковской обсерватории отмечается её работа и печатаются данные нашей Службы Солнца. Солнечная комиссия Академии наук СССР удовлетворена работой нашей службы, и к 10-летию со дня её организации прислала поздравительное письмо, в котором отмечает её значение и достижения. Это письмо для нашей обсерватории очень лестно, и действительно, иркутская Служба Солнца заслуживает такую высокую оценку. По качеству работы она не уступает другим службам Солнца СССР, имеет рекордное количество наблюдений и соревнуется в этом с Ташкентской службой Солнца. Это*

говорит о чётком отношении работников Службы Солнца, они работают, не пропуская ясные дни».

Несмотря на такую лестную характеристику Службы Солнца, Язев был недоволен Кавериным. Между ними разгорелся конфликт. Дело в том, что 18 июня 1950 года обсерватория получила менисковый фотогелиограф ФГ-1 системы Д. Д. Максудова. Этот инструмент имел диаметр объектива 100 мм, эквивалентное фокусное расстояние 8250 мм и был оснащен пружинным затвором. Фотографирование Солнца осуществлялось на стеклянных фотопластинках размером 9 на 12 см. Изображение диска Солнца на пластинках имело диаметр около 8 см. Летом 1950 года фотогелиограф был установлен в новом деревянном павильоне с раздвигающейся крышей, были выполнены пробные наблюдения. Однако окончательный ввод в строй этого инструмента затянулся.

И. Н. Язев настаивал на немедленном прекращении визуальных наблюдений солнечных пятен на рефракторе Цейса и переходе на фоторегистрацию пятен при помощи фотогелиографа. Каверин не хотел прекращать привычную деятельность, тем более, что качество первых фотогелиограмм оставляло желать лучшего. Каверин считал, что лучше хорошие зарисовки, чем плохие фотоизображения. Он продолжал наблюдения на привычном ему рефракторе Цейса, выполняя по старой методике зарисовки солнечных пятен.

К тому же, рефрактор Цейса находился в здании музея, поблизости от дома, где жил Каверин. Добираться же на окраину города до обсерватории на улице Первой Советской, рядом с которой на астрономической площадке ИГУ был установлен фотогелиограф, было долго и сложно: автобусы туда ходили редко. Обсерваторию так и называли – загородной.

Кроме того, астрономы опять не сошлись характерами: Каверин не хотел подчиняться Язеву и практически не занимался введением в строй фотогелиографа, несмотря на распоряжения директора и указания ректора ИГУ. Наблюдения на фотогелиографе начал выполнять новый сотрудник обсерватории М. Д. Горовой. Его направили в командировку в Кисловодск, на Горную станцию ГАО АН СССР, для изучения методики работы, – там на фотогелиографе уже начались регулярные наблюдения.

В отчете о работе партийного бюро ИГУ в октябре 1951 года отмечено, что коммунист Горовой был подвергнут критике, так как «затеял спор с Язевым по поводу якобы перегруженности работой». Позднее результаты наблюдений за 1951 – 1952 годы были забракованы при их передаче заказчикам (в Горную станцию ГАО АН СССР). Каверину, как заведующему Службой Солнца, было вынесено несколько выговоров. Горовой в конце 1952 года был уволен, после чего в 1953 году И. Н. Язев отправился в командировку в Ленинград и в Горную станцию ГАО, чтобы самостоятельно ознакомиться с методикой фотографических наблюдений Солнца. Эта поездка позволила ему снова встретиться и с коллегами, и с братом Дмитрием Наумовичем, который из-за астмы переехал со своей семьёй в Кисловодск.

В начале 1953 года в Иркутский университет пришли письма из Комиссии по исследованиям Солнца и из Астрономической обсерватории Киевского госуниверситета. В письмах сообщалось, что согласно решению Пленума Комиссии по исследованию Солнца от 20 декабря 1952 года, в материалы Единой Службы Солнца должны входить только фотографические наблюдения солнечных пятен и факелов. Таким образом, спор Каверина и Язева был завершен – визуальные наблюдения были прекращены ¹.

Как всегда, подобно тому, как это было в Омске, Пулкове, Николаеве, Полтаве и Новосибирске, И. Н. Язев старался оснастить обсерваторию новым качественным оборудованием. Наталья Борисовна Орлова, внучка А. Я. Орлова, в 1990 году прислала Сергею Язеву, внуку Ивана Наумовича, копию письма из семейного архива от 18 августа 1951 года. Письмо адресовано её дедом к её отцу: *«сейчас мне звонил И. Н. Язев, он возвращается из Ленинграда после беседы с пулковскими специалистами по широте. Он очень просил меня заказать для Иркутска зенит-телескоп. Для меня это сущие пустяки: недостает только 300 000 рублей...»*, – с иронией писал академик А. Я. Орлов. Это важное свидетельство того, что, несмотря на соперничество и сложные перипетии судьбы, учёные не разорвали деловые отношения.

О состоянии дел в обсерватории в 1952 году мы узнаём из сообщения, сделанного Иваном Наумовичем на 10-й Всесоюз-

¹ Язев С. А. Наблюдения солнечных пятен в Иркутске // Историко-астрономические исследования, 2020. Принято в печать.

ной астрометрической конференции. Конференция прошла 8-11 декабря 1952 года в Пулкове. Язев сообщает о том, что Служба времени функционирует в нормальном режиме, но широтные наблюдения не проводятся с 1947 года из-за неисправности зенит-телескопа. Остро необходим новый инструмент. (Он поступит в Иркутск только в 1957 году, уже после смерти Ивана Наумовича).

Была ещё одна проблема, о которой не говорит И. Н. Язев, но упоминает в своих воспоминаниях Арктур Язев. Имеющийся в обсерватории хроноскоп был приобретён без кварцевого генератора на 1000 Гц. Поэтому приходилось идти на разные ухищрения, чтобы достичь требуемой точности.

Помимо руководства обсерваторией, И. Н. Язев занимался преподавательской деятельностью, читая курсы геодезии и астрономии. Долгое время эти предметы в университете преподавал профессор В. К. Абольд, но он скончался 28 ноября 1948 года, почти перед самым прибытием в Иркутск Язева. Вскоре Язев (впрочем, ненадолго) возглавил кафедру астрономии и геодезии. Некоторое время зарплату Иван Наумович получал только здесь, поскольку в обсерватории не хватало ставок.

С преподавательской деятельностью у Язева тоже было не всё гладко. Кафедра астрономии и геодезии, где работал Язев, входила в состав географического факультета, деканом которого в те годы был доцент Б. В. Зонов (1895-1975). Поводом для разногласий с деканом стала, по-видимому, принципиальность Язева. Судя по материалам партийных собраний с участием представителей ректората, он отказался завышать оценки студентам для улучшения показателей работы факультета (те, кто учился у Язева, много лет спустя подтверждали, что он был строгим и требовательным преподавателем, а свой предмет знал хорошо). К этому времени Язев уже не был заведующим кафедрой (на этом посту его сменил Н. Д. Скрипка, который выступал на стороне Зонова).

Затяжной конфликт на кафедре, докладные записки руководству о недостатках доцента Язева, – всё повторялось... В 1949 году ректор объявил Язеву выговор «за плохое качество практических занятий». Позже была создана специальная комиссия, которая посетила лекции Язева и выявила в одной из них «существенные

недостатки методические» (несоответствие с программами и календарными планами и др.), но отметила, что «другие лекции являются удовлетворительными».

Еще одна комиссия посетила лекцию Язева 17 октября 1952 года. На лекции присутствовали: проректор по учебной работе ИГУ, заведующий кафедрой, преподаватели. Язев прочитал лекцию из курса «Общей астрономии» по теме «Время и его измерение». Слушателями были студенты-географы и картографы первого курса. Комиссия отметила уверенную манеру выступления лектора, за которой стоит большой опыт преподавания.

Лекция предполагалась теоретической. В то же время Язев рассказал о практической организации Службы времени, вдаваясь в ненужные (как сочла комиссия) для географов подробности. Комиссия констатировала, что был допущен *«ряд порочных антипартийных высказываний, в частности, акцентировано внимание студентов на зависимости советской службы времени от заграничных приборов (часы Рифлера, Шорта), указано на перерывы в определении времени, допускаемые, якобы, Московской службой времени и др.»*. Это всё мы уже встречали в диссертации Язева 1939 года. Мог Язев хотя бы перед своими недоброжелателями воздержаться от подобных высказываний? Видимо, не мог... К тому же, ушёл с заседания комиссии, хлопнув дверью, не в силах выслушивать нелепые претензии.

Заседание Совета географического факультета ИГУ, прошедшее 29 октября 1952 года, вскоре после показательной лекции, поставило вопрос об освобождении Зонова от обязанностей декана. Но досталось и Язеву – всем сёстрам по серьгам. Совет предложил осудить «нетактичное поведение Язева, самовольно покинувшего заседание».

В феврале 1953 года дело дошло до того, что И. Н. Язев написал письмо в обком КПСС¹. В письме он поднимает вопрос завышения оценок студентам географического факультета ИГУ. Удар обращён на бывшего декана факультета Б. В. Зонова. Достается и заведующему кафедрой астрономии и геодезии К. И. Балтеру:

¹ Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) незадолго до этого, в октябре 1952 года, стала называться Коммунистической партией Советского Союза – КПСС.

На общей фотографии участников 3-й Всесоюзной широтной конференции в Полтаве 27-31 мая 1952 г. мы видим И. Н. Язева рядом со многими выдающимися астрономами страны.

В первом ряду сидят (слева-направо): С. В. Дроздов, З. Н. Аксентьева (директор Полтавской обсерватории), К. А. Куликов, К. К. Дубровский, С. В. Ворошилова-Романская, Д. В. Пясковский.

Во втором ряду (слева-направо): ..., ..., ..., Н. А. Чудовичева (с сумочкой в руке), И. Ф. Корбут, Б. А. Орлов (сын А. Я. Орлова), Е. П. Фёдоров, Н. К. Мигаль.

В третьем ряду (слева-направо): ..., ..., ..., Е. И. Евтушенко (женщина в пестром платье), Д. Ю. Белоцерковский, М. С. Молоденский, В. И. Сахаров (в гимнастерке и головном уборе), Г. А. Ланге.

В дальнем ряду (слева-направо): ..., Ю. Г. Соколов, Н. Н. Парийский, Н. А. Попов, И. П. Огородник, М. С. Федчун, С. Г. Кулагин (наклонил голову), ..., И. Н. Язев.

Не отождествлена А. К. Иванова. Также в конференции участвовал А. А. Изотов, но его нет на снимке..

«во главе кафедры стоит человек, который толком не знает, что такое наука... Но ректорат смотрит на дело иначе. Ему нужны не учёные для заведывания кафедрой, а хорошие подхалимы». В ответ партийное бюро университета, куда было спущено письмо, признаёт факт завышения оценок, но давления со сторо-

ны декана Зонова на преподавателей не обнаруживает. Никакой «зоновщины» на факультете нет! Не существует также травлю тов. Язева. Образцовый бюрократический ответ!

Война не утихает. Через год из протокола заседания кафедры геодезии и картографии от 3 апреля 1954 года мы узнаём следующее. Язев громит преподавателя С. А. Херсонского за лекции по картографии и просит создать комиссию для посещения лекций Херсонского. Тот в свою очередь пишет о Язеве: *«На лекции вместо геодезии читается астрономия. Лекции низкого теоретического уровня и читаются методически неверно, без плана»*.

Противостояние достигает кульминации на заседании Учёного совета ИГУ 24 сентября 1954 года. Херсонский, которого ранее критиковал Язев, просит ректорат освободить доцента Язева от педагогической работы. В защиту Язева выступает профессор И. Н. Рукавицын: *«Я доцента Язева знаю как трудолюбивого человека и совершенно не согласен с оценкой, данной в докладе по его адресу. Как директор обсерватории доцент Язев получает только 800 рублей и ему нужно дать часы как специалисту, как доценту»*. Из этого же протокола мы узнаём, что педагогическая нагрузка Язева составляет 84 часа, тогда как полная нагрузка – это 360 часов. Если сравнить зарплату в 800 рублей с зарплатой, которую Язев получал в НИВИТе, становится понятно, что жить его семье в Иркутске приходилось в несколько раз скромнее.

В университете И. Н. Язев поддерживал дружеские отношения с известным геофизиком, профессором Андреем Алексеевичем Тресковым (1903-1971), который заведовал кафедрой теоретической физики и механики, а также с деканом физико-математического факультета профессором Иосифом Антоновичем Парфиановичем (1902-1993). Вместе с ними семья Язевых выезжала отдыхать на природу на автомобиле «Москвич», за рулём обычно был Арктур Язев.

Но весной 1952 года отношения с Парфиановичем тоже были нарушены. Как отмечает Арктур Иванович в своих воспоминаниях, *«это произошло из-за переданного из МГУ списанного оборудования (осциллографы, генераторы...), для получения кото-*

рого отец ездил в Москву. Этот новый конфликт суммировался с прежними и усиливал общее тревожное состояние».

Резкая реакция Язева на нападки в его адрес была достаточно закономерной. Жизненные неудачи и преследования озлобили его. Тем более, что окружающие постоянно напоминали ему о прошлом и о причинах, по которым он оказался в Иркутске.

Единственным человеком, на которого Иван Наумович мог полностью положиться, была, помимо членов семьи, Лидия Алексеевна Кедрова. Она замещала Язева во время

его командировок, она следила за распорядком работы коллектива обсерватории, она возглавляла комиссии по инвентаризации имущества, только она могла забирать в университете почту, адресованную Язеву, она же отвечала за архив и библиотеку. И даже была включена в комиссию по приёмке новой ограды обсерватории. Всё это известно из сохранившихся распоряжений директора обсерватории.

Непрерывная борьба, критика, постоянный стресс постепенно подрывали здоровье. Сердце давало о себе знать. В последний раз Иван Наумович отдыхал в местном санатории близ города Усолье-Сибирское (в Иркутской области) в начале осени 1954 года.

Отчёт обсерватории за первое полугодие 1955 года, год смерти Ивана Наумовича, как бы высвечивает итоги его деятельности на посту директора. В штате обсерватории работали 9 человек. Служба Солнца (Силантьева, Демидова) выполняла по 20-26 на-

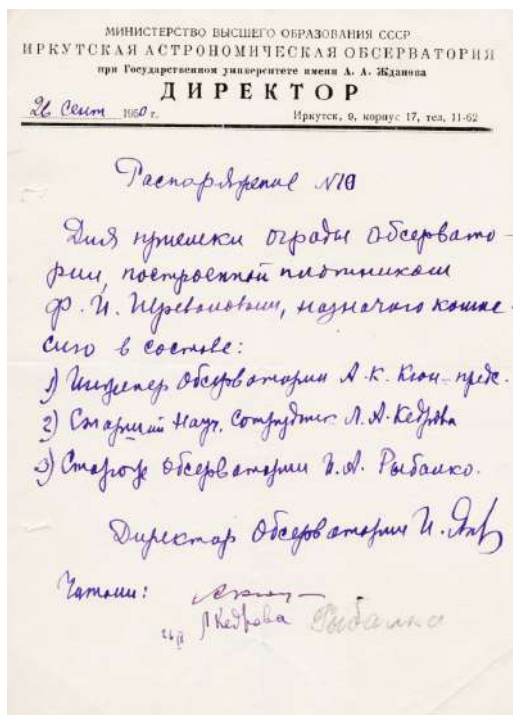
В. М. Трескова, А. А. Тресков
и И. Н. Язев, 1951 г.

блюдений в месяц с помощью фотогелиографа, всего 128 наблюдений за половину года. По полученным фотоотпечаткам Солнца вычислялись числа Вольфа, результаты наблюдений кодированными телеграммами отправлялись в Горную солнечную станцию АН СССР в город Кисловодск.

Приём радиосигналов времени выполнялся ежедневно. Каждые две недели отчётные сводки показаний ведущих часов отправлялись в Пулковскую обсерваторию и в Институт радиоизмерений в Москву. Устаревший радиоприёмник ПД-4 градуировался с помощью стандарт-генератора, заимствованного на кафедре физики Иркутского сельхозинститута. Эту работу выполнял Арктур Язев.

В отчёте за 1955 год отмечается: «Большая работа проведена в марте сего года по реконструкции аппаратной. Произведено полное переоборудование коммуникации всех приёмных и релейных устройств, что дало удобное компактное расположение переключателей на все объекты и хороший доступ для технического обслуживания и контроля за приборами». Квалифицированную работу радиоинженера выполнял также Арктур Язев.

Астрономические определения времени по прохождению звёзд за первое полугодие 1955 года выполнялись Л. А. Кедровой и И. Д. Купо 19 раз. Использовался пассажный инструмент

Распоряжение директора обсерватории от 26.09.1950 г.

Бамберга № 5828. Отмечено, что из-за сильной изношенности микрометра каждый раз после наблюдений он снимался для ремонта. Тем не менее, средняя погрешность определения времени составляла 0,02 секунды.

В этом же отчёте отмечено, что для выполнения работ по Службе широты отсутствует инструмент. Запланированная ранее работа по наблюдению колебаний полюса Земли совместно с обсерваторией в Познани (Польша) не ведётся. Старый зенит-телескоп с 1950 года находится в ремонте в мастерских университета. Предлагалось направить иркутского механика в Полтаву для обучения, но на это нет средств. Приобретение нового зенит-телескопа (который Язев просил у Орлова) согласовано с Астрономическим Советом, необходимо запросить средства в Министерстве высшего образования. Работа обсерватории продолжалась, но – уже без Ивана Наумовича.

Здесь уместно вспомнить о судьбе Иоганна Кеплера. Мы знаем по злополучному рапорту И. Н. Язева, что именно у знаменитого немецкого астронома он заимствовал стиль изложения в виде аллегории. Видимо, Язев хорошо знал произведения этого ученого и считал его близким себе по духу.

Жизнь Кеплера была нелёгкой. Он прошёл и через длительные судебные разбирательства, и через гонения протестантов, и через многолетние задержки жалования. Его душевное состояние в преклонные годы отражается в одном из его писем: *«Вспомните, что я пишу это с переполненным заботами и израненным тревогой перед будущим сердцем, которое можно успокоить и наполнить новой надеждой одним единственным верным словом и проявлением благосклонного расположения»*¹.

Непрерывное давление со стороны коллег и руководства университета, обиды на несправедливые гонения сделали своё дело. Сердце, израненное гонениями и тревогой перед будущим, не выдержало. 18 апреля 1955 года в возрасте 59 лет Иван Наумович Язев скончался. В свидетельстве о смерти сказано, что смерть наступила в результате множественных инфарктов миокарда.

Иван Наумович похоронен в Иркутске на Лисихинском кладбище. Некролог на смерть И. Н. Язева в Астрономическом цирку-

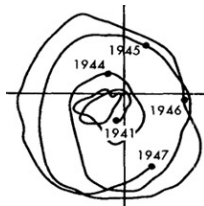
¹ Белый Ю. А. Иоганн Кеплер. 1571-1630. – М. : Наука, 1971. – 296 с. (С. 231).

ляре № 160 от 20 июня 1955 года был опубликован за подписью его верного друга и соратника Л. А. Кедровой.

В отчёте обсерватории за 1955 год указывается, что в 1955 году до своей смерти Иван Наумович успел прочитать две научно-популярных лекции для трудящихся города Иркутска. А с марта начал работу кружок юных астрономов по секциям: визуальные наблюдения планет, фотографические наблюдения и определение точного времени. Занятия проводили Л. А. Кедрова и В. П. Силантьева. Последняя исполняла обязанности директора обсерватории после смерти И. Н. Язева.

Символично и то, что Арктур Иванович Язев, сын Ивана Наумовича, с 28 апреля 1955 года, через десять дней после смерти отца, был официально принят на работу в обсерватории на половину ставки старшего научного сотрудника. Так он принял эстафету у своего отца. До этого он работал внештатно.

Имена двух непримиримых соперников – Орлова и Язева и после их смерти оказались рядом. На 12-й астрометрической конференции 1955 года [прошедшей 7-9 декабря] в завершение вступительной речи директора Пулковской обсерватории А. А. Михайлова прозвучало: *«... предлагаю почтить память тех астрономов, которые покинули наши ряды... Это – Н. В. Гамалей, В. В. Каврайский, В. А. Михайлов, А. Я. Орлов, И. Н. Язев и Н. Д. Моисеев... »*

ВКЛАД В НАУКУ

Научная деятельность Ивана Наумовича началась в Омске, в Сибирской сельскохозяйственной академии, где он остался работать после окончания вуза, и продолжалась всю его жизнь. Попробуем систематизировать деятельность ученого по разным направлениям.

Научно-организационная деятельность. Начиная с омского периода, И. Н. Язев активно занимался организацией научных исследований, оснащением учреждений, где он работал, современным оборудованием, модернизацией и разработкой новых образцов научных приборов. Первые шаги на этом пути он сделал в Омске, когда после окончания сельхозакадемии работал ассистентом на кафедре геодезии, заведя чертёжной. Работая в Пулковской обсерватории, он усовершенствовал пишущий хронограф, предложил проект пассажного инструмента с двумя микрометрами.

В Николаевском пединституте он организовал обсерваторию, метеостанцию, кабинет астрономии и геофизики, здесь по проекту Язева изготавливались приборы (в частности, маятник Фуко) для кабинета. Перебравшись в Полтавскую обсерваторию, он много сделал для её оснащения современными инструментами, добился от фирмы Цейс выполнения гарантийных обязательств по зенит-телескопу. Оснащением инструментами институтов НИИГАиКа и НИВИТа Язев занимался и в Новосибирске. В 1945 году он выступил с предложением о создании на Алтае крупной астрономической и геофизической обсерватории.

В Иркутске он успешно выполнил модернизацию обсерватории университета. Благодаря ему увеличилась площадь астроплощадки, были построены павильоны для телескопов, получен фотогелиограф, переоборудована Служба времени, сохранены

пассажные инструменты, начаты работы по оснащению одного из них фотоэлектрической регистрирующей установкой. Новый зенит-телескоп ЗТЛ-180 Иркутская обсерватория получила уже после смерти Ивана Наумовича, в 1957 году.

Геодезические работы. И. Н. Язев немало поработал в области практической геодезии. Он получил неплохой опыт полевых работ в Омске, прокладывая нивелирный ход в междуречье Оми – Иртыша протяжённостью 55 км. В 1927 году он проводил съёмку местности на Белом море и Онежском озере. В 1929 году под руководством И. Н. Язева была начата большая работа по геодезической съёмке города Николаева, продолжавшаяся на протяжении трёх лет.

Астрономические наблюдения. И. Н. Язев лично провел большое количество астрономических наблюдений на пассажных инструментах и зенит-телескопах в Пулковской, Николаевской, Полтавской обсерваториях, а также во время командировки в Китаб. В Николаеве выполнен большой цикл наблюдений для определения разности долгот между пунктами Пулково и Николаев. Уместно вспомнить и активное участие Язева в наблюдениях полного солнечного затмения в Венгеро-ро в 1936 году.

Педагогическая деятельность. Преподаванием И. Н. Язев начал заниматься ещё в Омске. Затем и в Николаеве, и в Новосибирске, и в Иркутске он работал преподавателем вузов, читая курсы геодезии и астрономии. Он разрабатывал собственные курсы, организовывал и вёл студенческую практику, руководил научной работой студентов. В Новосибирске и Иркутске возглавлял кафедры. Своим слушателям он не уставал повторять: «Готовьтесь быть не ремесленниками, а специалистами», «Не приходите на экзамен с механически заученным материалом без знания существа дела».

Популяризация науки. Сохранились газетные публикации, посвящённые астрономии, написанные И. Н. Язевым. Известно, что он читал и научно-популярные лекции. В характеристике, написанной директором НИСИ В. Ф. Артемьевым в 1940 году, указывается: «*Им [Язевым] дан ряд научно-популярных докладов на собраниях студентов и учащейся молодежи выпускных классов средней школы*». В начале 1941 года в газете «Советская

Сибирь» Иван Наумович рассказывает о планах по наблюдению полного солнечного затмения, которое состоится 21 сентября 1941 года. Он планирует экспедицию в Алма-Ату совместно со своим давним знакомым – профессором К. Д. Покровским из Одессы. Этим планам не суждено было сбыться из-за войны. В номере газеты от 5 марта 1941 года Язев рассказывает об эффектном и редком полярном сиянии, которое наблюдалось над Новосибирском в ночь с 1 на 2 марта. Полярное сияние было вызвано высокой солнечной активностью. Это полярное сияние было видно на большей части Советского Союза.

Научные публикации И. Н. Язева перечислены в приложении. Первая его научная работа была посвящена определению точного времени и была написана под руководством опытного педагога и учёного Никифора Демьяновича Павлова в 1925 году. Статья была актуальна, поскольку советская служба времени в то время делала свои первые шаги.

В Службе времени Язев работал и в Пулковской обсерватории. Здесь он предложил новую программу радиосигналов. А вскоре была выполнена и важная практическая работа по привязке Николаевской обсерватории к пулковскому меридиану. Эту работу И. Н. Язев выполнил в 1928 году вместе с Николаем Никифоровичем Павловым, сыном своего первого научного руководителя.

Во время недолгого периода работы в Пулковской обсерватории у И. Н. Язева появилась идея усовершенствования пассажного инструмента. Впервые он рассказал о ней коллегам в 1927 году, а в 1933-м, уже работая в Николаеве, опубликовал статью в журнале «Геодезист». Как уже рассказывалось выше, статья заинтересовала иностранных астрономов и была перепечатана в авторитетном немецком журнале *Astronomische Nachrichten*. История последовавшей вслед за этим переписки с бюрократическими ведомствами, длившаяся до 1939 года, изложена выше. Интересная идея, к сожалению, так и не была реализована на практике.

Большой вклад И. Н. Язев внес в подготовку «Каталога прямых восхождений звёзд, наблюденных на пассажном инструменте Фрейберга в Николаеве (8500 наб.)». Каталог был готов к печати в 1941 году, но из-за войны опубликован Л. И. Семёновым только в 1949 году.

ASTRONOMISCHE NACHRICHTEN.

Band 252.

Nr. 6025.

I.

Passageninstrument mit zwei Mikrometern. Von *J. Jäseff.*

Bei Arbeiten mit dem Passageninstrument mit selbstregistrierendem (unpersönlichem) Mikrometer ist es von außerordentlicher Wichtigkeit, die persönliche Gleichung der Beobachter zu kennen. Das selbstregistrierende Mikrometer kann man nicht für unpersönlich ansehen, da es dem einen Beobachter eigentümlich ist, bei dem Nachführen des Fadens sich zu verspäten, während ein anderer nach seiner Anlage geneigt ist, zuvorkommen. Diese persönlichen Fehler der Beobachter können unbedeutend sein, bei genauen Arbeiten ist es jedoch besser, sie zu erforschen und in Rechnung zu nehmen. Hier verstehen wir unter persönlicher Verschiedenheit den reinen persönlichen Unterschied der Beobachter, frei von allen Instrumentalfehlern.

Beim Studium der Fragen, welche mit dem Problem der Veränderlichkeit der Längen zusammenhängen, wo es darauf ankommt, Größen im Werte von Hundertstel der Sekunde

band eines Chronographen registriert. Gleichzeitig führt der Beobachter das Mikrometer, dessen Kontakte ebenfalls auf dem Papierband mit den Signalen der Uhr registriert werden. Die Differenz der Momente, welche die Maschine und der Beobachter verzeichnen, ergibt den persönlichen Fehler.

Diese Maschine hat eine häufige Verwendung nicht gefunden, da es unmöglich war, eine gute Gleichmäßigkeit der Bewegung des künstlichen Sternes zu erlangen. Außerdem ist es immer ein künstlicher Vorgang, welcher sich von den natürlichen Bedingungen der Arbeit sehr unterscheidet.

Die persönliche Verschiedenheit kann man an dem gewöhnlichen Passageninstrument feststellen durch schnellen Wechsel der Beobachter bei dem Durchgang ein und desselben Sternes.

Mit dieser Methode ist eine hohe Genauigkeit nicht zu erreichen. Sie wäre gut, wenn wir das Mikrometer für unpersönliche halten und vieles vernachlässigen. Aber wenn wir höhere Anforderungen an die Genauigkeit der Resultate stellen, wird sie uns nicht befriedigen können. Die Beobachter werden sich bei einer solchen Beobachtung stets in einem gespannten nervösen Zustande befinden, so daß die ermittelte

Anordnung der Prismen

Die Fronten, Ansicht von der Seite

Публикация, посвящённая пассажному инструменту с двумя микрометрами, в немецком журнале *Astronomische Nachrichten*.

Четыре научные работы Ивана Наумовича Язева перечислены в итоговом сборнике «Астрономия в СССР за тридцать лет. 1917-1947». Две статьи в разделе «Фундаментальная астрометрия»:

– Язев И. Н. Об одной разности в определении долгот // *Астрономический журнал*. Том 11, вып. 1, 1934, с. 77-80;

– Jäseff J. Passageninstrument mit zwei Mikrometern // *Astronomische Nachrichten*, Bd. 252, Nr. 1 (6025), 1934, p. 1-6;

и еще две статьи в разделе «Служба времени»:

– Язев И. Н. Определение времени по способу проф. Н. Д. Павлова // *Учёные труды Сиб. с.-х академии*. Т. 5, 1925, с. 1-39;

– Язев И. Н., Павлов Н. Н. Определение разности долгот Николаев-Пулково по радиотелеграфу // *Труды ГАО*, т. 42, сер. 2, 1933, с. 1-76.

Статью о службе времени в этом сборнике подготовил Н. Н. Павлов, давний коллега И. Н. Язева.

Ссылки на эти публикации сохранились и в очередном сборнике к 40-летию советской астрономии, вышедшем в 1957 году вместе с дополненной статьёй Н. Н. Павлова. Позже на работы И. Н. Язева уже не ссылались, поскольку они отчасти утратили научную актуальность.

В новосибирском геодезическом институте НИИГАиК И. Н. Язев подготовил окончательный вариант докторской диссертации.

ции и, как минимум, две статьи – «Усовершенствование маятника Фуко и применение его к определению широты» и «Юпитер и периодичность солнечных пятен». Однако, статьи, видимо, так и не были опубликованы, т. к. в библиографическом указателе книг и статей НИИГАиК за 1932-1967 гг. их нет.

В НИИГАиКе у Ивана Наумовича сложился свой круг недоброжелателей и противников. Самым авторитетным из них был профессор В. В. Попов. В конце 1943 года он написал разгромную рецензию на статью Язева «Юпитер и периодичность солнечных пятен». В 1948-м, в период «гонений» Язева, Попов опубликовал критическую заметку «Об “откровениях” проф. И. Н. Язева»¹.

В одном из писем 1947 года мы находим также имя А. В. Буткевича, аспиранта НИИГАиКа. В 1942 году Язев выезжал с ним на полевые работы. В 1947 году Буткевич обращался к известному астроному, члену-корреспонденту АН СССР А. А. Михайлову. Письмо Буткевича не сохранилось, но сохранился ответ Михайлова. В нём он поясняет правила расчёта православной пасхи, а также делает выпад в сторону Язева: «Работа Язева представляет собой лженаучное сочинение, говорят, что она напечатана в Новосибирске, в таком случае приходится удивляться малограмотности редакторов. Не думаю, что его утвердили в степени доктора за эту работу». С диссертацией Язева Михайлов мог ознакомиться в 1944 или 1946 годах, когда она подавалась на защиту в МИИГАиК.

В свете сказанного становится понятно, что переход И. Н. Язева в 1945 году на работу в НИВИТ, транспортный институт, являющийся «непрофильным» для его диссертации, был вынужденным. Благодаря переходу уже в следующем, 1946 году, Язев смог опубликовать свой главный научный труд. В тематический сборник института включены три работы, объединённые одной темой:

1) Влияние космических причин на движение земного полюса // Труды Новосибирского института военных инженеров железнодорожного транспорта. – Новосибирск, 1946. – Т. VI, вып. 2. – С.1-21;

¹ Вестник высшей школы. Изд. Сов. наука, 1948. – № 7. – С. 63-64.

2) Закон равновесия периодов обращения планет // там же, с. 23-25;

3) Опыт предвычисления координат мгновенного полюса Земли // там же, с.27-67.

Почему же работа И. Н. Язева вызвала такое сопротивление учёных мужей? Ведь он предлагал метод прогнозирования координат полюса. А эта проблема в то время была очень актуальной. Об этом пишет московский астроном К. А. Куликов (1902-1987) в монографии 1962 года ¹:

«...первые опыты экстраполяции координат полюса ... заключались в попытках представить посредством аналитических выражений данные о движении полюса за несколько предшествующих лет и даже десятилетий с тем, чтобы пользуясь этими выражениями, предвычислять движение полюса на последующие годы. Так поступал, например, Кимура ². Он представил значения x и y , полученные за время с 1900 по 1940 г. с помощью сумм нескольких десятков периодических членов. Понятно, что при таком числе составляющих колебаний Кимура имел возможность путём варьирования произвольных постоянных – амплитуд и начальных фаз добиться достаточно хорошего согласия вычисленных значений координат полюса с наблюдаемыми... Однако для экстраполяции движения полюса формулы Кимура все же оказались непригодными. Это выяснилось, когда ... вычислил по формулам Кимура координаты полюса с 1940 по 1954 г. ... обнаружилось расхождение, достигающее в конце периода 0",3...»

Итак, мы видим, что долгосрочный прогноз движения полюса не может дать надежных результатов... Экстраполировать координаты полюса можно только на короткий период (не более 0,5 года)...».

¹ Куликов К. А. Изменяемость широт и долгот. – М.: Гос. изд-во физ.-мат. лит-ры, 1962. – 400 с. (С. 234).

² Хисаси Кимура (1870-1943) – японский астроном, основатель и директор международной широтной станции в Мидзусаве.

Сейчас можно только предполагать, какие изъяны в работе Язева увидели мэтры, так дружно принявшие эту работу в штыки. Во-первых, Иван Наумович для объяснения сложного движения полюса воспользовался достаточно простыми соотношениями. Он связал период колебания полюса с синодическими периодами обращения Юпитера и Сатурна, главными после Луны возмущающими телами. Эти формулы своей внешней простотой сильно отличались от абстрактных и непонятных членов формулы Кимуры.

Во-вторых, Язев предлагал поистине фантастическую для того времени точность предвычисления координат полюса – $0^{\circ},05$ на период до 50 лет. Небывалая дерзость! Может быть, метод Язева был встречен в штыки именно из-за того, что выглядел слишком революционным? Заяви автор в два раза большую величину ошибки, а период прогноза не 50 лет, а всего один-два года, и это нашло бы полное понимание: молодец, улучшил точность прогноза!

Простые эмпирические формулы Язева вызывали недоумение ещё и потому, что «попахивали» астрологией. Идея о том, что далёкие планеты могут каким-то образом влиять на положение географического полюса Земли, выглядела совершенно ненаучно. В те годы ещё не были широко известны основополагающие труды Милутина Миланковича (1879-1958), указывающие на изменения параметров вращения Земли на длительных временных интервалах под воздействием гравитации Солнца, Луны и крупных планет Солнечной системы. И. Н. Язеву удалось опытным путем обнаружить реально существующие эмпирические закономерности. По крайней мере, его прогнозы оказались не менее точными, а в ряде случаев и более точными, чем прогнозы признанных мэтров, например, А. Я. Орлова. Об этом И. Н. Язев прямым текстом пишет в своих новосибирских трудах, подтверждая это утверждение табличными данными. Не случайно работу И. Н. Язева в НИВИТе предлагали выдвинуть на Сталинскую премию, а сам автор был искренне уверен, что «поймал старика Полюса за бороду» – его расчёты координат полюса с высокой точностью подтверждались результатами наблюдений!

В наше время, когда с помощью современных методов вычислений учитываются приливные эффекты высоких порядков, связанные с гравитацией планет, становится понятно, что сама идея абсурдной не является. С помощью суперкомпьютеров численное решение задачи учёта влияния множества небесных тел на параметры вращения Земли выполняется с высокой точностью.

Точность измерения координат полюса в настоящее время составляет 50-60 микросекунд¹ – в тысячу раз точнее, чем это было во времена И. Н. Язева. Однако, современная наука по-прежнему далека от выявления всех причин колебаний земного полюса, как и причин солнечной активности. Ученый из МГУ, доктор географических наук А. Ю. Ретеюм в 2012 году опубликовал работу «Большие планеты Солнечной системы и земные процессы»². В статье учёный ссылается на современные высокоточные данные Международной службы вращения Земли (International Earth Rotation and Reference Systems Service). А. Ю. Ретеюм подтверждает выводы И. Н. Язева, сделанные 75 лет назад, о том, что основное влияние на движение земного полюса оказывают планеты - гиганты Юпитер и Сатурн.

И. Н. Язев предвосхитил такое решение, описав его простыми и удобными формулами. Однако его непростой характер, прямолинейность в суждениях и в отношениях с авторитетными учёными привели к тому, что научные соперники просто-напросто отказывались цитировать или даже упоминать работы Язева, таким образом игнорируя его роль в науке.

Прошли десятилетия со дня смерти этого нестандартно мыслящего учёного, организатора, педагога. И сейчас дело не в том, что его деятельность забыта. Наука неуклонно движется вперёд и шагнула далеко за пределы, отмеченные Язевым. Дело в том, что

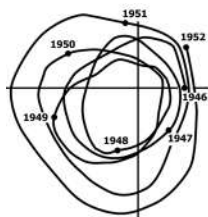
¹ Финкельштейн А. М. Фундаментальное координатно-временное обеспечение // Вестник Российской академии наук, 2007. – Т. 77, № 7. – С. 608-617.

² Ретеюм А. Ю. Большие планеты Солнечной системы и земные процессы // Труды Томского государственного университета. Серия «геолого – географическая»: Современные проблемы географии и пути их решения: материалы Международной научно - практической конференции с элементами школы - семинара для студентов, аспирантов и молодых ученых (6-9 ноября 2012 г.). – Т. 283. – Томский государственный университет, 2012. – С. 40-43. URL: <https://regnum.ru/news/innovatio/2579409.html> (дата обращения 25.03.2020)

человек, вложивший силы и душу в науку, воспитавший большое число молодых специалистов разных специальностей, заботившийся о престиже учреждений, в которых работал, вырастивший, в конце концов, замечательных детей, достоин того, чтобы память о нём сохранялась в сердцах потомков. Цель этой книги и заключается в том, чтобы вернуть имя Ивана Наумовича Язева из забвения.

Важный шаг по восстановлению имени И. Н. Язева в памяти наших современников сделан на традиционном форуме «СибАстро». Этот Сибирский астрономический форум проходит в Новосибирске ежегодно в сентябре, начиная с 2006 года. С 2009 года по инициативе сотрудника Новосибирского приборостроительного завода Н. Ю. Никанорова на каждом форуме вручается одна памятная награда – почётный знак «Сибирская звезда» имени Ивана Наумовича Язева. Этот почётный символ был предложен в качестве знака отличия за особые достижения в области приборостроения, оптики и популяризации астрономии. В церемонии его вручения часто участвует Сергей Арктурович Язев, внук Ивана Наумовича.

Первым лауреатом почётного знака «Сибирская звезда» в 2009 году стал Юрий Андреевич Клевцов, новосибирский оптик, кандидат технических наук, разработавший новую схему катадиоптрического телескопа, названного его именем. В последующие годы награды получили: А. С. Агеев, А. Г. Савельев, Ю. В. Метельский, Г. А. Бадальян, Е. А. Луговская (посмертно), К. М. Шварц, В. Н. Крупко, В. В. Долингер, С. Ю. Масликов, В. А. Скоырский¹.

¹ Сибирский астрономический форум «СибАстро»: 2006-2019 / под ред. С. Ю. Масликова. – Новосибирск: ИД «Вояж», 2019. – 114 с. (С. 47-50).

СЕМЬЯ И. Н. ЯЗЕВА И ЕГО РОДСТВЕННИКИ

Иван Наумович Язев происходил из многодетной семьи. У него было три брата и четыре сестры. Судьба их сложилась по-разному. Младший брат Алексей (1911-1943) погиб на фронте во время Великой Отечественной войны. Брат Пётр (1908-1985) работал шофёром, когда Иван Наумович приезжал в Татарск в 1936 году. Пётр прошёл всю войну, имел награды, до конца жизни жил в Татарске. Об этом сообщила его внучка Елена, живущая ныне в Омске. Брат Дмитрий работал директором завода в Татарске, затем из-за астмы переехал в Кисловодск, где работал на заводе нарзана.

Сестра Ольга погибла под Сталинградом в эшелоне беженцев. Сестра Полина ещё в 1921 году вышла замуж за поляка Янковского и вместе с ним уехала в Польшу. Во время войны она едва не погибла из-за того, что была женой партизана. Сестра Анастасия работала учительницей начальных классов, затем после замужества стала актрисой, приезжала в Новосибирск с мужем А. М. Чараджи в 1948 году, когда узнала про тяжёлое положение семьи Язевых. Четвёртая сестра – Зоя (ок. 1901-?) – работала телеграфисткой. В 1940-х она жила с семьёй Ивана Наумовича в Новосибирске, затем переехала в Омск. Отец семейства, Наум Язев, умер в 1933 году, мать – в 1942-м.

Из всего большого семейства только Иван Наумович получил хорошее образование. И, конечно, Язевы гордились тем, что у них есть свой профессор.

Иван Наумович не терял связи с братьями и сёстрами. Леонид Дмитриевич Язев, к моменту написания этой книги проживающий в Москве, сообщил в письме Сергею Арктурувичу Язеву 6 февраля 2020 г.:

Семья Язевых перед отъездом И. Н. Язева в Ленинград. В первом ряду слева направо: ..., Зоя Наумовна Суставова, ее муж (?), Во втором ряду: Ирина Александровна Язева (жена Дмитрия Наумовича) с сыном Валентином 1924 года рождения на руках, сестра Наума Евдокимовича, Наум Евдокимович Язев, его жена Александра Васильевна, Иван Наумович Язев. В третьем ряду: Алексей Михайлович Чараджи (муж Анастасии Наумовны), Дмитрий Наумович, Анастасия Наумовна, Петр Наумович, Алексей Наумович. Фото, вероятно, 1925 г.

«Я помню Ивана Наумовича по Кисловодску (1947-1951 годы), когда он приезжал на отдых или по работе на Кисловодской обсерватории. Помню, как я мучил его вопросами о Вселенной, о космосе. Особенно, когда он жил у нас в доме. Он приезжал в Кисловодск не менее трёх раз по путёвке в санаторий и несколько раз останавливался у нас в доме. В доме было много фотографий в альбомах. Ирина Александровна (жена Дмитрия Наумовича) любила оформлять альбомы.

Приезжала Гемма, часто были Чараджи (семья Анастасии Наумовны) и другие родственники. Алексей Михайлович Чараджи – это был кладезь анекдотов. Он в театре играл Сталина... Представь себе, какие были по-

Иван Наумович Язев и его сестра Анастасия Наумовна Чараджи. На руках Марии Константиновны Максимовой-Язевой маленький Арктур. 1930 г.

сиделки! Был большой раздвижной дубовый стол, которого не хватало на всю компанию. За столом пели русские, украинские, казачьи песни. Ирина Александровна хорошо пела и много песен знала. Моя память прекрасно сохранила атмосферу этих курортных посиделок.

Когда приезжали гости, я много фотографировал. После смерти в 1953 году Дмитрия Наумовича и, особенно, Ирины Александровны, весь архив улетучился. Меня к этому времени в Кисловодске уже не было.

Чараджи последнее время жили в Смоленске. Мы с женой часто бывали у них в гостях. Умерли они в Смоленске. Сначала я похоронил Алексея Михайловича, а потом Анастасию Наумовну. Лежат они в одной могиле. С Зоей Наумовной Суставовой я потерял связь в семидесятые годы. Она всё время жила в Омске».

Но вернемся к семье самого Ивана Наумовича. О своей первой жене, Марии, он упоминает в автобиографии. В конце 1919 года в Татарске накануне падения колчаковской власти его пы-

Слева – Зоя Наумовна Суставова (Язева) и её сын Геннадий, в центре – Иван Наумович Язев, справа – сын Дмитрия Наумовича Язева Леонид и Лидия Алексеевна Кедрова. Кисловодск, август 1947 г.

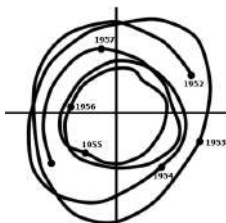

Мария Константиновна Язева, Гемма Ивановна, Иван Наумович и его сестра Полина Наумовна. 1953 г., Иркутск.

тались арестовать, но не застали дома и взяли в заложники жену. Известно, что Иван Наумович вместе с Марией переехал в Омск, когда отправился на учёбу, а затем и в Пулковку. Там М. А. Язева работала в качестве вычислителя. Их семейный союз существовал около десяти лет. Неизвестно, были ли у них дети.

Вторую супругу, Марию Константиновну Максимова, Язев встретил в Николаевской обсерватории в 1928 году. Она так же, как и первая жена Язева, работала вычислителем. Её отец в прошлом был морским офицером, служил на знаменитом броненосце «Потёмкин» и умер от тифа в 1919 году. Два её брата, тоже офицеры, были расстреляны красными. После революции такие родственные связи приходилось скрывать.

В Новосибирске Мария Константиновна не работала. Она занималась детьми и много помогала мужу при написании докторской диссертации – делала вычисления, печатала, чертила графики, вписывала формулы. По воспоминаниям дочери, Геммы Ивановны, трудной зимой 1947-1948 гг., когда гонения на Ивана Наумовича были в самом разгаре, мама тяжело заболела, у неё было заражение крови. Ей чудом удалось выздороветь. Наверное, в это самое время она узнала о существовании соперницы в лице Л. А. Кедровой. С этим ей пришлось жить до смерти мужа в 1955 году и даже в последующем, проживая с Кедровой в соседних квартирах.

ДЕТИ

Иван Язев до такой степени был предан любимой науке, что дети от брака с Марией Константиновной получили звёздные имена. Сын Арктур, родившийся 17 января 1930 года, получил имя наиболее яркой звезды из созвездия Волопас, дочь Гемма 1934 года рождения – звезды из созвездия Северная Корона.

В то время необычные имена были распространены, поскольку после революции, с начала 20-х годов, движение за новый быт и отход от религии привели к массовому отказу от церковных имён. В двадцатые – тридцатые годы стремительно и в огромном количестве возникали новые имена – Октябрина, Майя, Сибирь, Владлен (Владимир Ленин), Ким (коммунистический интернационал молодежи) и т. п. Поэтому имена Арктур и Гемма не воспринимались окружающими как необычные.

И Арктур, и Гемма в раннем детстве жили с родителями на территории обсерватории в Полтаве. Они могли наблюдать за работой отца и его коллег-астрономов. Поэтому интерес к астрономии, рано проявившийся у Аркура, выглядит вполне закономерным.

Арктур начинал учиться в новосибирском НИИГАиКе на астрономо-геодезическом факультете, а после переезда в Иркутск в 1949 году продолжил учёбу на физико-математическом отделении ИГУ. Преддипломную практику в течение трёх месяцев проходил в Ленинграде у Н. Н. Павлова, договорённость с которым достиг отец. Окончил вуз в 1952 году. Для обучения работе на зенит-телескопе отец отправил его в Полтавскую гравиметрическую обсерваторию, где когда-то работал сам Иван Наумович и где проходило детство Аркура. Здесь он встретился с выпускницей астрономического отделения МГУ на базе ГАИШ Кирой Мансуровой, которая, будучи аспиранткой академика АН УССР,

Студенты первого курса НИИГАиКа. 1947 год. Второй слева Арктур Язев.

выпускника Иркутского государственного университета Е. П. Фёдорова, работала здесь на том же зенит-телескопе. Кира Сергеевна Мансурова выросла в Москве, её семья происходила от одной из ветвей старинного дворянского рода Мансуровых. Кира с детства увлекалась астрономией, посещала астрономический кружок при Московском планетарии (они жили неподалеку), была секретарём метеорной секции этого кружка.

Так уж совпало, что научный руководитель Киры, Евгений Павлович Фёдоров (1909-1986), вслед за ушедшим к тому времени из жизни А. Я. Орловым, продолжал добиваться оснащения Иркутской обсерватории новым зенит-телескопом ЗТЛ-180, о чём И. Н. Язев хлопотал ещё в начале пятидесятых годов. Фёдоров был заинтересован в том, чтобы в Иркутске на зенит-телескопе работал квалифицированный специалист, и он предложил своей аспирантке Кире Мансуровой переехать из столицы в Иркутск, чтобы в дальнейшем работать на новом телескопе. Вот в это время Арктур Язев и сделал ей предложение...

Павильон зенит-телескопа ЗТЛ-180 астрономической обсерватории ИГУ. 1958 г.

К. С. Мансурова снимает показания уровня зенит-телескопа ЗТЛ-180. 1959 г.

В 1957 году Кира Сергеевна Мансурова приехала в Иркутск. 22 июня того же года она стала женой Артура Ивановича, сохранив дворянскую фамилию своих родителей.

В рамках развития широтной программы СССР в конце 1957 года в Иркутск был доставлен и установлен широкоугольный зенит-телескоп ЗТЛ-180 (180 мм – диаметр объектива). Артур и Кира вместе осваивали новый инструмент. Затем Артур Иванович вернулся к своим работам по служ-

бе времени на пассажном инструменте, а Кира Сергеевна стала основным наблюдателем в восстановленной Службе широты Иркутской астрономической обсерватории.

В том же 1957 году в Польше была создана Боровицкая широтная станция (близ Познани) практически на той же широте, что и иркутская. Благодаря расположению станций на одной широте при разности долгот 90 градусов можно было контролировать обе координаты полюса. Так был, наконец, реализован замысел, некогда предлагавшийся А. Я. Орловым. Общая программа наблюдений на двух станциях велась до 1970 года.

В 1961 году К. С. Мансурова защитила диссертацию на тему «Изучение системы склонений звёзд по результатам широтных наблюдений». А в 1967 году в их семье стало два кандидата наук. Арктур Иванович защитил диссертацию на тему «Опыт применения фотоэлектрической регистрации моментов звёздных прохождений на Службе времени Иркутского университета». Его научным руководителем был научный сотрудник ГАИШ Григорий Петрович Пильник (1916-2000)¹.

Арктур Иванович Язев достойно продолжил дело своего отца. Уже с 1956 года в астрономической обсерватории ИГУ начались регулярные определения поправок часов с помощью фотоэлектрической установки, созданной Арктуром Ивановичем. В октябре 1957 года ему довелось принять радиосигналы из космоса с борта первого, советского искусственного спутника Земли.

В середине шестидесятых годов в Иркутске действовали две независимые службы времени – лаборатория ЦНИБ и астрономическая обсерватория ИГУ. В 1965 году произошла реорганизация, и в Иркутске был создан Восточно-Сибирский филиал Всесоюзного НИИ физико-технических и радиотехнических измерений – ВСФ ВНИИФТРИ. И Кира Мансурова, и Арктур Язев были зачислены в штат этой новой организации, но продолжали наблюдения на инструментах обсерватории ИГУ. Арктур Иванович Язев в общей сложности более пятидесяти лет вел астроно-

¹ В боях под Берлином в апреле 1945 года Г. П. Пильник чудом остался жив: острый осколок, пробив его кожаную полевую сумку, застрял в толстом томе «Курса звездной астрономии» П. П. Паренаго, с которым он не расставался и на фронте.

Арктур Иванович Язев за работой в обсерватории. Около 1965 г.

мические наблюдения на пассажных инструментах обсерватории ИГУ и ВНИИФТРИ, несколько лет возглавлял объединенную Службу времени обсерватории ИГУ и ВСФ ВНИИФТРИ.

В 1969 году астрономические обсерватории при университетах страны были причислены к разряду научных учреждений, повысилось их финансирование. Обсерватория вновь стала основным местом работы Киры Мансуровой, теперь в должности заместителя директора по науке. До этого зарплата сотрудников обсерваторий была мизерной, числиться было целесообразно в штате ВНИИФТРИ.

В 1971 году произошла семейная драма – семья Арктура Ивановича и Киры Сергеевны после 14 лет совместной жизни распалась. Дети, которым тогда было 13 (Сергею) и 8 (Марианне) лет, остались жить с мамой.

В 1972 году К. С. Мансурова была назначена директором обсерватории (она занимала этот пост до 1988 г.). Штат обсерватории в семидесятые годы достигал 35 человек – максимум за всё время существования учреждения.

31 июля 1981 года Мансурова участвовала в наблюдениях полного солнечного затмения, полоса которого прошла по всей стране и затронула север Иркутской области. Наблюдения проводились в городе Тайшет на базе лагеря строительных студенческих отрядов физического факультета ИГУ «Аэлита» и «Монолит» совместно с членами школьного астрономического кружка при астрономической обсерватории ИГУ.

К. С. Мансурова занималась и педагогической работой. С 1976 года она читала лекции по астрономии для студентов педагогического института, а с 1977 года – также на физическом факультете ИГУ, занималась популяризаторской деятельностью, активно читая лекции об астрономии по линии общества «Знание».

К. С. Мансурова ушла из жизни рано, в июле 1990 года. Её заслуги были увековечены на небе. По предложению первооткрывателя Н. С. Черных (1931-2004), в своё время учившегося в Иркутском пединституте, астероид № 6845, открытый им 2 мая 1976 года, получил в 1998 году название «Мансурова».

В семидесятые-восьмидесятые годы XX века Арктур Иванович Язев работал над своим изобретением – особой методикой наблюдений на фотоэлектрическом пассажном инструменте, которая позволяла практически полностью исключать инструментальные погрешности телескопа, и точность наблюдений определялась только атмосферными факторами. Экспериментальный пассажный инструмент ВСФ ВНИИФТРИ, модернизированный А. И. Язевым, стал занимать одно из первых мест в стране по точности. Арктур Иванович сам много лет проводил наблюдения на этом инструменте, иногда до 45 звёзд за одну ночь. На его счету (совместно с электронщиком обсерватории ИГУ Э. П. Медведковым) несколько патентов на изобретения.

А. И. Язев вторично вступил в брак. Его супругой стала преподаватель математики из Иркутского политехнического института Э. В. Громодзинская, с которой они прожили вместе более тридцати лет. Арктур Иванович Язев ушел из жизни 19 декабря 2010 года, на 81-м году жизни.

В своих воспоминаниях, написанных в 1995 году, Арктур Иванович делится впечатлениями о жизни в Иркутске в начале 50-х годов. Тогда он, будучи ещё студентом, стал невольным

свидетелем «напряжённых отношений отца с университетскими сотрудниками – с [А. А.] Кавериным и [К. И.] Балтером, а в обсерватории – с Л. Н. Надеевым, который сам стремился командовать». Арктур Иванович пишет: «В общем, я мало понимал в тонкостях проблем отца. Но точно помню – я не мог терпеть Л. А. Кедрову – за тупость и напыщенность...» И далее: «Заведующей Службой времени папа назначил Л. А. Кедрову [с 1 ноября 1950 года] – специалиста по шпалам [специалист пути и строительства – прим. автора] железнодорожного транспорта. Мне кажется, некомпетентность Кедровой и её ярко выраженная ограниченность сильно подводили папу. Для папы она была на сто процентов надёжна с точки зрения преданности, но этого было явно недостаточно». Нужно понимать, что эта эмоциональная характеристика содержит обиду на отца, сделавшего эту женщину более близкой для себя, чем была его законная жена и мать Арктура, Мария Константиновна.

Сестра Арктура, вторая звезда, – Гемма Ивановна, выбрала иной путь. В 1957 году она закончила Иркутский госуниверситет и стала филологом, а в 1964-м закончила второй вуз – Государственный институт театрального искусства (ГИТИС) в Москве. Она работала в иркутском Комитете по радиовещанию и телевидению режиссёром. После рождения двух дочерей, Марии (1966) и Анастасии (1970), в 1973 году переехала в Новосибирск. Здесь Гемма Ивановна работала помощником главного режиссёра по литературной части в театре «Красный Факел», а позже – режиссёром в новосибирской дирекции «Цирк на сцене». После выхода на пенсию уехала к дочери Анастасии в Москву. Именно благодаря её воспоминаниям и значительным многолетним усилиям, направленным на поиск документов в архивах Новосибирска и Иркутска, стали известны многие подробности жизни семьи Язевых, и, в первую очередь, биографии Ивана Наумовича. Всю свою жизнь она сохраняла фамилию своего отца, оставаясь Язевой.

ВНУКИ

Арктур Иванович Язев и Кира Сергеевна Мансурова создали семью в июне 1957 года. 16 апреля 1958 года на свет появился сын Сергей, а через пять лет, 4 мая 1963 года – дочь Марианна. Уже при рождении они унаследовали звёздное отчество – Арктуровичи. Жила семья в Иркутске в той самой квартире, в которой некогда жил и Иван Наумович Язев, основатель династии астрономов. У семьи Язевых-Мансуровых сохранились хорошие связи с Полтавой, где познакомились родители. Вся семья выезжала туда летом на время отпуска.

Сергей не застал в живых своего деда, Ивана Наумовича. Но детство и юность Сергея проходили на фоне активной работы его родителей-астрономов. Неудивительно, что юноша и сам рано приобщился к астрономии. В 1972 году он стал членом астрономической секции школьного ученического общества «Знание» при иркутском Дворце пионеров и школьников имени А. С. Щербакова. Секцию возглавила на общественных началах только что назначенная директором астрономической обсерватории мама Сергея, Кира Сергеевна Мансурова. Она руководила этим кружком на протяжении 15 лет.

Здесь, в астрономической секции, Сергей выполнил первые астрономические наблюдения (прохождение Меркурия по диску Солнца фотографировали на фотогелиографе ФГ-1, когда-то введенном в строй дедом Сергея). В 1974 году, будучи девятиклассником, Сергей сделал доклад о собственных наблюдениях на зенит-телескопе на слёте научных обществ учащихся, проходившем в Московском планетарии, и получил диплом за подписью заместителя министра просвещения. Летом 1974 года, после окончания девятого класса, Сергей находился в Саянской

Марианна и Сергей Язевы с мамой Кирой Сергеевной Мансуровой. Полтава, 1965 г.

горной солнечной обсерватории СиБИЗМИРа¹ вблизи поселка Монды (300 км западнее Иркутска) вместе с ребятами из астрономического кружка, приехавшими сюда из Новосибирска. Так происходило становление представителя третьего поколения астрономической династии Язевых.

В 1980 году Сергей окончил физический факультет Иркутского госуниверситета, который когда-то заканчивал его отец, где преподавали его дед и его мать. Ещё студентом начал заниматься наукой в СиБИЗМИРе, здесь он писал курсовые работы. Дипломную работу о солнечных факелах Сергей написал в Москве, в ГАИШ МГУ, под руководством известного астронома-солнечника Э. В. Кононовича (1931-2017). В 1980 году, окончив университет, начал работу в СиБИЗМИР СО АН СССР. Он стал

¹ СиБИЗМИР – Сибирский институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн. С 1993 года – ИСЗФ СО РАН – Институт солнечно-земной физики Сибирского отделения РАН.

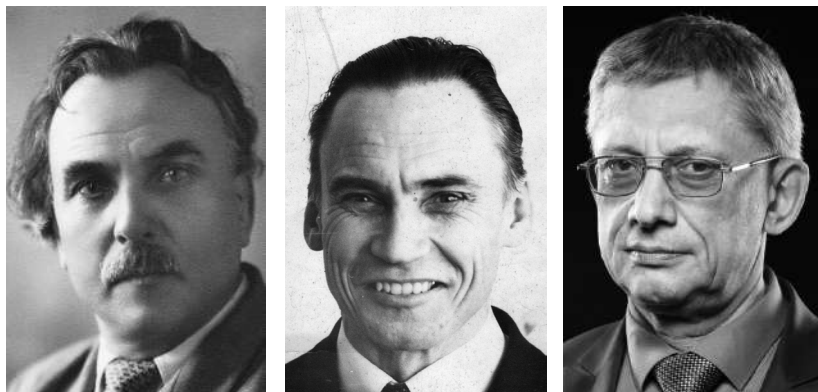
одним из основных наблюдателей на солнечном хромосферном телескопе полного диска Байкальской астрофизической обсерватории и участвовал в регулярных наблюдениях на этом телескопе на протяжении 17 лет, вплоть до 1997 года. В 1993 году С. А. Язев защитил кандидатскую диссертацию.

В сложные девяностые годы астрономическая обсерватория ИГУ была практически разорена и лишилась большей части кадров. После снятия охраны из-за отсутствия средств был испорчен вандалами и не подлежал восстановлению зенит-телескоп ЗТЛ-180, разрушена астроплощадка обсерватории, разграблены павильоны инструментов, когда-то возведенные при И. Н. Язеве, был разобран и похищен даже забор астроплощадки. Оказался выведенным из строя исторический рефрактор Цейса, на котором когда-то велись визуальные наблюдения солнечных пятен, а также фотогелиограф ФГ-1. Часть помещений сдавалась в аренду под мелкооптовый магазин.

В мае 1997 года С. А. Язев был приглашен сюда на вакантную должность директора. Это выглядело закономерно и символично, – здесь ранее работали его родители и дед Иван Наумович, здесь он родился и жил до 1984 года. Он считал своим долгом восстановление обсерватории, тесно связанной с жизнью его семьи. Скорее всего, если бы не приход Сергея Арктуровича, дышавшая на ладан обсерватория была бы в скором времени закрыта.

Из-за мизерного финансирования в 1998 году пришлось продать уже не использовавшиеся исторические часы Рифлера № 535. На эти средства удалось приобрести два первых персональных компьютера обсерватории, сканер, принтер и другие принадлежности.

На начало 1998 года в штатном расписании обсерватории числились 9 человек, включая дворника и уборщицу. Продолжалась деятельность Службы времени, хотя на тот момент она уже была не так актуальна. Сергей Арктурович внес в тематику работы обсерватории исследования солнечной активности. Это лежало в русле его собственной научной деятельности в ИСЗФ СО РАН. Тематика определения параметров вращения Земли с помощью наземных астрометрических наблюдений, которой занимались всю жизнь дед и родители С. А. Язева, становилась все

Три поколения астрономов: Иван Наумович, Арктур Иванович и Сергей Арктурович Язевы. Фотографии сделаны в разном возрасте – 45, 58 и 60 лет соответственно.

менее актуальной – спутниковые методы давали на порядок более высокую точность определения и широты, и времени. В 2006 году наблюдения на пассажном инструменте обсерватории были прекращены, и обсерватория начала развивать другие научные направления, солнечное направление стало одним из основных.

В обсерватории появились новые молодые сотрудники. После ремонта помещений с 2002 года начала восстанавливаться популяризаторская деятельность обсерватории – читались лекции, печатались статьи в СМИ, разрабатывался проект создания планетария.

В 2003 году в обсерваторию ИГУ из ИСЗФ СО РАН был передан ценный инструмент – 150-мм телескоп-рефрактор «Цейс-150» с оптической схемой «күдэ». Он мог использоваться для наблюдений Солнца с помощью апертурного фильтра на базе плоскопараллельной стеклянной пластины с алюминиевым напылением. Телескоп был оснащён цифровыми приемными устройствами и установлен на астрополигоне ВНИИФТРИ, расположенном в черте города Иркутска. В 2019-2020 годах телескоп был перенесен в специально построенную башню на территории ботанического сада ИГУ, и наблюдения солнечных пятен были продолжены.

Коллектив обсерватории под руководством С. А. Язева в кооперации с другими российскими обсерваториями участвовал в проекте «Мастер-II Урал» по поиску экзопланет и переменных звёзд. Получили развитие наблюдения метеоров. Так, в Бурятии в двух пунктах, разнесённых на 58 километров (а затем на 160 км), были установлены телевизионные широкоугольные камеры, работающие в автоматическом режиме. С их помощью ведутся наблюдения метеорной активности¹.

В 2012 году С. А. Язев защитил докторскую диссертацию на тему «Феномен комплексов активности на Солнце». Таким образом, он пошёл в науке дальше своих родителей и своего деда. Он сделал то, что когда-то с таким трудом пытался сделать Иван Наумович.

В должности профессора ИГУ С. А. Язев преподавал астрономию в университете. К 2020 году он опубликовал около двухсот научных работ по солнечной физике, астроклимату, методике преподавания астрономии, выпустил десятки научно-популярных книг, монографию по материалам своей докторской диссертации, а также выступил в роли соавтора в нескольких других монографиях.

В 2015 году в Иркутске был построен частный планетарий. С. А. Язев принимал активное участие в его работе в качестве научного руководителя. После возвращения астрономии в школьную программу с 2018 года Сергей Арктурович вместе с Д. В. Семёновым участвовал в проекте создания планетария в новой школе № 19 города Иркутска, а также в подготовке нового учебно-методического пособия для школьников по астрономии (совместно с Д. Ю. Климушкиным и Р. Т. Сотниковой).

С. А. Язев был инициатором и участником нескольких экспедиций по изучению: обстоятельств падения Витимского метеорита (2002-2003 гг.), Патомского кратера (2005-2008 гг.), по наблюдениям полных солнечных затмений (9 экспедиций в период

¹ О работе астрономической обсерватории ИГУ в 2012-2016 г. Коллектив авторов / В сб. Избранные проблемы астрономии. Материалы IV Всероссийской астрономической конференции «Небо и Земля», посвящённой 85-летию астрономической обсерватории ИГУ. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016. – 332 с. (С. 8-28).

1999-2019 гг). Большой частью эти экспедиции организовывались за счёт спонсоров или на личные средства участников.

Несомненно, Сергей Арктурович достойно продолжает традиции своих предков – деда, отца и матери. Его деятельность на посту директора астрономической обсерватории продолжается, а историю его научных достижений ещё предстоит написать.

У Сергея Арктуровича две дочери – старшая Александра (1987 г.р.), младшая Мария (2005 г.р.) и приёмный сын Степан (1990 г.р.). Сергей Арктурович живёт в квартире на втором этаже здания обсерватории ИГУ. Здесь когда-то жила семья ближайшей сподвижницы И. Н. Язева – Л. А. Кедровой с дочерью С. В. Кузнецовой и внучкой Лидой (впоследствии Лидия Янковская стала известной органисткой).

Сестра Сергея Арктуровича, Марианна Арктуровна, не пошла по стопам родителей. Она стала биологом, затем почувствовала тягу к написанию художественных текстов. М. А. Язева – редактор иркутского детского журнала «Сибирячок». Она пишет фантастические рассказы, нередко занимает призовые места на литературных конкурсах. Другое её увлечение – собаки, она много лет с увлечением работала кинологом. Кроме того, долгое время у неё было необычное хобби: бег на длинные дистанции, вплоть до суточного бега. У Марианны четыре сына. Живет она в том же доме, что и Сергей Арктурович, в квартире на первом этаже, в которой когда-то жила семья ее деда И. Н. Язева. Она так же, как её тетя Гемма Ивановна, сохранила фамилию своего отца Аркура Ивановича и деда Ивана Наумовича.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ИЗ ЖИЗНИ ИВАНА НАУМОВИЧА ЯЗЕВА

И. Н. Язев в г. Николаеве. Около 1934 г.

28.09.1895 (10.10.1895 по новому стилю) – в имении помещика в деревне Короткан близ Татарки Томской губернии (ныне город Татарск Новосибирской области) родился И. Н. Язев. В анкете 1945 года И. Н. Язев указывает дату своего крещения – 7.10.1895 года.

28.09.1922 – окончил геодезический факультет Сибирской сельскохозяйственной академии (г. Омск) и получил звание инженера-геодезиста.

С 1.11.1922 – работа на кафедре геодезии Сибирской сельскохозяйственной академии.

И. Н. ЯЗЕВ

С 1.03.1926 – работа в Главной астрономической обсерватории АН СССР (Пулково).

С 1.01.1929 – старший астроном в Николаевской обсерватории.

17.01.1930 – родился сын Арктур.

С 15.04.1934 – старший астроном в Полтавской обсерватории.

21.04.1934 – родилась дочь Гемма.

19.06.1936 – наблюдения полного солнечного затмения в селе Венгерово (ныне в Новосибирской области).

23.04.1937 – присвоена степень кандидата физико-математических наук без защиты диссертации и научное звание и. о. профессора.

С 1.04.1938 – заведующий кафедрой астрономии Новосибирского инженерно-строительного института (Сибстрин).

С 15.11.1939 по 16.11.1941 – заместитель директора НИИГАиК по научно-учебной работе.

С 15.08.1940 – заведующий кафедрой астрономии и гравиметрии НИИГАиК (переводом из НИСИ).

23.06.1944 – первая, неудачная защита докторской диссертации в МИИГАиКе на тему «Движение земного полюса и причины этого явления».

С июля 1945 – начальник кафедры геодезии НИВИТ.

18.10.1946 – повторная, успешная защита докторской диссертации в МИИГАиКе.

27.02.1947 – принят в члены ВКП(б).

18.05.1948 – исключен из партии решением Новосибирского обкома ВКП(б).

1.09.1948 – уволен из НИВИТа.

С конца 1948 – научный руководитель Иркутской лаборатории времени ЦНИБ (Центрального научно-исследовательского бюро).

В 1949-1950 – заведующий кафедрой астрономии и геодезии Иркутского госуниверситета, затем доцент этой кафедры.

С 6.06.1949 – директор астрономической обсерватории Иркутского госуниверситета.

18.04.1955 – умер в Иркутске в возрасте 59 лет.

НЕКОТОРЫЕ ДАТЫ ИЗ ЖИЗНИ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ ЯЗЕВЫХ

Иван Наумович Язев (29.09.1895–18.04.1955).

Мария Константиновна Максимова (1892–1964) – жена Ивана Наумовича.

Арктур Иванович Язев (17.01.1930–19.12.2010) – сын Ивана Наумовича и Марии Константиновны.

Гемма Ивановна Язева (21.04.1934–20.01.2009) – дочь Ивана Наумовича и Марии Константиновны.

Кира Сергеевна Мансурова (6.04.1931–23.07.1990) – жена Арктура Ивановича.

Сергей Артурович Язев (р. 16.04.1958) – сын Арктура Ивановича и Киры Сергеевны.

Марианна Артуровна Язева (р. 4.05.1963) – дочь Арктура Ивановича и Киры Сергеевны.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ И. Н. ЯЗЕВА

1. Язев И. Н. Определение времени по способу проф. Н. Д. Павлова // Учёные труды Сиб. с.-х академии, 1925. – Т. 5. – С. 1-39.
2. Язев И. Н. О службе долготы // Der Langendienst (Бюллетень Службы времени Пулковской обсерватории), 1927.
3. Язев И. Новая программа сигналов Пулковской обсерватории // Геодезист, 1927. – № 7. – С. 59-65.
4. Язев И. Памяти Никифора Демьяновича Павлова // Геодезист, 1929. – № 9. – С. 77-78.
5. Язев И., Павлов Н. Определение разности долгот Николаев-Пулково по радиотелеграфу // Геодезист, 1931. – № 1. – С. 2-12.
6. Определение астрономических пунктов на Белом море и Онежском озере: отчет экспедиции 1927 года / Язев И. Н. и др. – Москва, 1931. (Текст не найден).
7. Язев И. Н., Павлов Н. Н. Определение разности долгот Николаев-Пулково по радиотелеграфу // Труды ГАО, 1933. – Т. 42, сер. 2. – С. 1-76.
8. Язев И. Пассажный инструмент с двумя микрометрами // Геодезист, 1933. – № 1-2. – С. 35-39.
9. Язев И. Съемка города Николаева // Геодезист, 1933. – № 11-12. – С. 41-53.
10. Jäseff J. Passageninstrument mit zwei Mikrometern // Astronomische Nachrichten, 1934. – Bd. 252, Nr. 1 (6025). – P. 1-6.
11. Язев И. Н. Об одной разности в определении долгот // Астрономический журнал, 1934. – Т. 11, вып. 1. – С. 77-80.
12. Язев И. К вопросу систематической разности поправок, определенных службой времени Пулковской Обсерватории // Геодезист, 1935. – № 4. – С. 25-33.

13. Язев И. Н. Отчёт о деятельности Полтавской гравиметрической обсерватории при Академии наук УССР за 1936 г. // Астрономический журнал, 1937. – Т. 14, вып. 3. – С. 279-281.

14. Движение земного полюса и причины этого явления: диссертация на соискание степени доктора технических наук. – Новосибирск, 1940. – 230 с.

15. Язев И. Н. Влияние космических причин на движение земного полюса // Труды Новосибирского института военных инженеров железнодорожного транспорта. – Новосибирск, 1946. – Т. VI, вып. 2. – С. 1-21.

16. Язев И. Н. Закон равновесия периодов обращения планет // там же, с. 23-25.

17. Язев И. Н. Опыт предвычисления координат мгновенного полюса Земли // там же, с. 27-67.

18. Язев И. Н. О движении земного полюса // Тезисы докладов девятой научно-технической конференции кафедр НИВИТ, посвящённой 15-летию института: кафедра «Геодезия». – Новосибирск: Научно-исследовательский сектор, 1947. – С. 59-62.

19. Язев И. Н. Об астрометрических работах обсерватории Иркутского государственного университета имени А. А. Жданова // Труды 10-й Всесоюзной астрометрической конференции, состоявшейся в Пулкове 8-11 декабря 1952 г. – Ленинград: Издание ГАО, 1954. – С. 51.

ЛИТЕРАТУРА ОБ И. Н. ЯЗЕВЕ

1. Горшенин К. П., Баранов В. И. К познанию солонцовых комплексов черноземной полосы Западной Сибири // Труды Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства. – Омск, 1927. – Т. 7, вып. 1. (С. 4).
2. Отчет с 1 января по 31 декабря 1926 года, представленный Комитету Главной российской астрономической обсерватории в Пулковке ее директором. –Л.: Издание ГАО, 1927. – 128 с. (С. 7, 10, 53-55, 79).
3. Семёнов Л. Отчёт Николаевской астрономической обсерватории // Астрономический журнал, 1934. – Т. 11, вып. 3. – С. 274-275.
4. Павлов Н. Служба времени Пулковской обсерватории // Сто лет Пулковской обсерватории: сб. статей. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1945. – С. 135-146. (С. 142).
5. Ульрих С. Наши ученые // Газета «Кадры транспорту». – Новосибирск: Тип. НИВИТ, 29 апреля 1947 г.
6. Павлов Н. Н. Служба времени // Астрономия в СССР за тридцать лет. 1917-1947 / под ред. М. С. Зверева, П. П. Паренаго, А. Б. Северного. – М. – Л.: ОГИЗ. Гос. изд-во техн. и теор. лит-ры, 1948. – С. 39-49. (С. 42, библиография: с. 212, 218).
7. Попов В. В. Об «откровениях» проф. И. Н. Язева // Вестник высшей школы. – Изд. Сов. наука, 1948. – № 7. – С. 63-64.
8. Семёнов Л. И. Прямые восхождения 674 звезд по наблюдениям в Николаеве (1930) // Труды ГАО, 1949. – Т. LXIII. – 115 с.
9. Семёнов Л. И. Прямые восхождения Солнца, Меркурия и Венеры, наблюденные в Николаеве в 1929-34 гг. // Труды ГАО, 1949. – Т. LXIII, сер. 2. – 8 с.
10. Кедрова Л. А. Некролог на смерть И. Н. Язева // Астрономический циркуляр № 160 от 20 июня 1955 года. – С. 14-15.

11. Астрономия в СССР за сорок лет. 1917-1957 // Сб. ст. / под ред. А. А. Михайлова (отв. ред.), М. С. Зверева, П. Г. Куликовско-го, А. Г. Масевич, Э. Р. Мустеля, В. В. Соболева, М. Ф. Субботина. – М., 1960. – 728 с. (Библиография: с. 414, 424).

12. Библиографический указатель геодезической литературы за 40 лет. 1917-1956. – М.: Геодезиздат, 1961. – 535 с. (С. 45, 48, 69, 70).

13. История НИИГАиК. 1932-1970 гг. // сост. проф. К. Л. Про-воров, отв. ред. доц. С. И. Родионов. – Новосибирск, 1970. (С. 39).

14. Библиографический указатель отечественных работ по вопросам вращения Земли (1803-1972). – Киев: Наукова думка, 1975. – 116 с. (С. 17-20, 26).

15. Татьяна Мугако. Забвению не предать // Газета «Совет-ская Сибирь»: Новосибирск, № 183, 24 сентября 1994 г.

16. Еремеева А. И. Памятные даты астрономии в 1995 году // Астрономический календарь на 1995 г. / под ред Д. Н. Понома-рева. – М.: Физико-математическая литература, 1994. – Вып. 98. – 272 с. (С. 257-259).

17. Созвездие Язева: Интервью Татьяны Мугако, взятое у Гем-мы Язевой // Газета «Советская Сибирь»: Новосибирск, № 185, 28 сентября 1995 г.

18. Язев С. А. Иван Наумович Язев. К 100-летию со дня рож-дения // Земля и Вселенная. – 1995. – № 6. – С.32-36.

19. Язев А. И., Язев С. А. К столетию И. Н. Язева // Исследо-вания по геомагнетизму, аэрономии и физике Солнца. – Новоси-бирск: Наука, 1996. – Вып. 104. – С. 3-6.

20. Мансурова К. С., Куклин Г. В., Язев С. А. Астрономия в Восточной Сибири в предвоенные, военные и ближайшие после-военные годы // Астрономия на крутых поворотах XX века. По материалам научно-мемориальной конференции к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Апрель 1995. – Пулко-во-Дубна: Издательский центр «Феникс», 1997. – 480 с. (С. 312-320).

21. Николаевская астрономическая обсерватория: звёздный путь длиной в 175 лет / отв. ред. Г. И. Пинигин. – Николаев, 1998. – 302 с. (С. 80).

22. Язев А. И., Язев С. А. Начало астрооптических определен-ный параметров вращения Земли в Иркутске: Краткий очерк // Избранные проблемы астрономии: Труды науч.-практ. конф. /

под ред. С. А. Язева – Иркутск: Изд-во «Облмашинформ», 2001. – 188 с. (С. 42-46).

23. Васильева Г. Я. Движение полюса Земли и солнечная активность // там же, с. 71-74.

24. Ибрагимова Замира. Риск прямого восхождения: Земные истории астронома Язева. – Новосибирск: Свиныйн и сыновья, 2006. – 148 с.

25. Осипов А. Г. Становление высшей геодезической школы Сибири // Гео-Сибирь-2009: сб. материалов V Междунар. науч. конгр., 20–24 апр. 2009 г., Новосибирск. – Новосибирск: СГГА, 2009. – Т. 6. – С. 11–51. (С. 12, 14, 16, 17, 36).

26. Шереметьева Д. Л. Динамика численности газетной периодики Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. статей / науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск, 2010. – С. 37–61 (С. 57-58).

27. Астрономическая обсерватория Иркутского государственного университета: Страницы истории (к 80-летию со дня основания) / под ред. С. А. Язева. – Иркутск: Оттиск, 2011. – 128 с.

28. Пинигин Г. И., Пожалова Ж. А. Николаевская обсерватория в первой половине XX века. – Николаев: Изд-во Ирины Гудым, 2011. – 148 с. (С. 97-98, 101, библиография: с. 143).

29. Тетерин Г. Н., Синянская М. Л. Биографический и хронологический справочник: (Геодезия, картография – двадцатый век). – Новосибирск, 2012. – Т. II. – 592 с. (С. 330, 511, 513-514).

30. Добровольский А. В., Манаков А. Л. НИВИТ военного времени (1941-1945 гг.). – Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2017. – 128 с. (С. 99).

31. Антонович К. М., Ганагина И. Г., Гиенко Е. Г., Сурнин Ю. В. История кафедры астрономии и гравиметрии САГИ – СГГА (НИИГАиК) // Вестник СГУГиТ, 2019. – Т. 24, № 3. – С. 238-256. (С. 239-240).

32. Сибирский астрономический форум «СибАстро»: 2006-2019 / под ред. С. Ю. Масликова. – Новосибирск: ИД «Вояж», 2019. – 114 с. (С. 47-50).

33. Баранов А. Н. Краткая история развития НИИГАиК в 30-50-е годы. Электронный ресурс. URL = <http://www.pseudology.org/science/BaranovAN.htm> (дата обращения 26.03.2020)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абольд В. К. 127, 130, 131, 138
Агеев А. С. 154
Агроскин А. И. 88, 90, 98
Азбукин П. А. 40, 49
Аксентьева З. Н. 140
Андросов И. Д. 58, 62
Анненков, атаман 6, 20-23
Антонович К. М. 180
Артемяев В. Ф. 83, 147
Архангельский 122
Ауверс Артур 51
Бадальян Г. А. 154
Баев К. Л. 103, 106
Бажанов Н. Г. 83
Балтер К. И. 139, 166
Баранов А. Н. 180
Баранов В. И. 178
Бастамов С. Л. 104
Белоцерковский Д. Ю. 40, 140
Беляев Я. И. 34, 41, 47, 48
Бессель Фридрих 52
Бруно Джордано 58
Бурцев А. Ф. 86
Буткевич А. В. 90, 93, 94, 150
Важеевский В. А. 108
Васильева Г. Я. 179
Вентцель М. К. 103, 105-107
Ворошилова-Романская С. В. 140
Гайдукевич К. 17
Галеев 94
Галилей Галилео 58
Гамалей Н. В. 145
Ганагина И. Г. 180
Гаркавенко С. Д. 96
Герасимович Б. П. 71
Гиенко Е. Г. 180
Гловацкий Б. А. 94, 95
Голобородько П. А. 69
Гололобов Я. Г. 16
Горин И. В. 21
Горовенко Е. В. 69
Горовой М. Д. 136, 137
Громозинская Э. В. 165
Гуляев А. П. 45
Гуйгенс Христиан 35
Демидова Г. А. 135, 142
Дитц О. Г. 103, 106
Днепровский Н. И. 35, 41, 42, 45, 48, 84
Добровольский А. В. 114, 180
Добролюбов В. А. 88
Долингер В. В. 154
Доронин, полковник 21
Дроздов С. В. 140
Дубровский К. К. 140
Дурново П. С. 112
Дюков И. А. 67
Евтушенко Е. И. 140
Елистратов В. А. 69, 70
Еремеева А. И. 179
Загоруйко Т. А. 7
Залесский Б. К. 55
Зверев М. С. 45, 51, 178
Зозуля В. Ф. 132
Золотарев И. И. 7
Зонов Б. В. 138, 139, 141
Ибрагимова Замира 123, 180
Иванов А. А. 35, 40
Иванова А. К. 140
Изотов А. А. 140
Каверин А. А. 135, 136, 166
Каврайский В. В. 145
Казанский И. А. 83
Каусман Н. И. 95
Кедрова Л. А. 114, 115, 119, 122-124, 127, 131, 132, 134, 142, 143, 145, 158, 159, 166, 172, 178
Кеплер Иоганн 58, 115, 118, 119, 144
Кимура Хисаси 151
Клевцов Ю. А. 154
Климушкин Д. Ю. 171
Кнорре К. 52
Ковалёв Е. С. 90, 96
Ковальский Л. М. 112
Козлов Л. 17
Козырь П. Д. 66, 69
Колчак А. В. 18
Кондратьев – см. Фрейберг-Кондратьев
Кононович Э. В. 168
Корбут И. Ф. 140
Коросторенко М. К. 70

И. Н. ЯЗЕВ

- Кравцов Г. П. 123
Кравцов Г. Ф. 88
Крупко В. Н. 154
Крячков А. Д. 87
Кудрявцев Б. П. 55
Кудряшов Л. К. 121, 123
Кузнецова С. В. 127
Куклин Г. В. 96, 179
Кук Томас 76
Кук Эрнест 40, 42, 43, 78, 129
Кулагин С. Г. 140
Куликов К. А. 140, 151
Куликовский П. Г. 51, 178
Купо И. Д. 134, 143
Курьшев В. И. 128, 129
Кушнерев А. М. 115
Кюстнер Карл 116
Ланге Г. А. 140
Лейба П. А. 94
Луговская Е. А. 154
Максимова-Язева М. К. 50, 52, 55,
58, 64, 66, 69, 86, 127, 158,
159, 175
Максутов Д. Д. 136
Маловичко А. К. 112
Малышев 24
Манаков А. Л. 114, 180
Мансурова К. С. 96, 160, 161-165,
167, 175, 179
Мартынов Д. Я. 43
Масевич А. Г. 51, 178
Масликов С. Ю. 154, 180
Мацкевич С. Ф. 113, 123
Медведков Э. П. 165
Менжинская Г. А. 135
Метельский Ю. В. 154
Мещанский Б. 94
Мигаль Н. К. 140
Миланкович М. 152
Михайлов А. А. 51, 71, 145, 150, 178
Михайлов В. А. 145
Моисеев Н. Д. 145
Молоденский М. С. 140
Морозов Н. А. 45
Мосина О. А. 69, 70
Мосин Ф. О. 66, 69, 76
Мугако Татьяна 179
Мусселиус М. М. 40, 42, 48, 71, 104
Муфель Э. Р. 51, 178
Мясоедов И. 68
Надеев Л. Н. 128, 132
Напалков В. П. 94
Некрасов Ф. Г. 86
Немиро А. А. 104
Нечипоренко П. К. 66, 69, 71-73, 83
Никаноров Н. Ю. 154
Николай I, император 34
Никонов А. В. 7, 90
Огородник И. П. 140
Орлов А. Я. 64, 65, 67, 69-71, 73, 81, 101,
104-107, 116, 126, 127, 130, 137,
140, 144, 145, 152
Орлов Б. А. 104, 140
Орлова Н. Б. 104
Осипов А. Г. 180
Павлов Н. Д. 29-31, 48, 49, 148, 176
Павлов Н. Н. 45, 48-50, 73, 84, 134, 148,
149, 160, 176, 178
Палий Г. Н. 40
Панков В. С. 86
Паренаго П. П. 72, 163
Парийский Н. Н. 140
Парфианович И. А. 141
Первухин Е. Д. 128, 131
Пигнатти В. Н. 21
Пий XI, папа римский 58
Пильник Г. П. 163
Пинигин Г. И. 52, 180
Пожалова Ж. А. 52, 180
Покровский К. Д. 76-80, 83, 148
Полупанов 64
Пономарев Д. Н. 179
Попов А. А. 41
Попов В. В. 95, 97, 98, 140, 150, 178
Попов Н. А. 69, 70
Постоев В. Я. 69, 70
Прейпич Н. Х. 40, 42, 129
Проворов К. Л. 179
Прощаев Н. А. 121
Путилин И. И. 76, 78-80
Пясковский Д. В. 140
Ретеюм А. Ю. 153
Рифлер Зигмунд 36
Родионов С. И. 179
Родэ Густав 49
Рожнов 115

Именной указатель

- Рудольф, император 118
Рукавицын И. Н. 141
Русанов С. П. 69, 70
Русинов П. 25
Рыжаков 119
Савельев А. Г. 154
Сафронов С. Н. 93
Сахаров В. И. 140
Свительский Н. И. 71, 83
Семёнов Д. В. 171
Семёнов Л. И. 52-55, 58, 64, 73, 178
Семёнова Т. 58
Сенека Луций 106
Силантьева В. П. 134, 142, 145
Синенко М. А. 94
Синянская М. Л. 180
Скосырский В. А. 154
Скрипка Н. Д. 138
Скрыпник А. С. 69
Соболев В. В. 45, 51, 178
Соколов Ю. Г. 140
Сотникова Р. Т. 171
Спенсер Джон 121
Сталин И. В. 5, 97, 103, 115, 118-120, 156
Стратонов В. В. 65
Субботин М. Ф. 51, 178
Сурнин Ю. В. 180
Суслов А. 17
Талькотт Эндру 60
Тарасенко Н. Т. 94
Тарковский А. 51
Тер-Оганезов В. Т. 72
Тетерин Г. Н. 180
Тресков А. А. 141, 142
Трескова В. М. 142
Ульверт А. В. 7
Ульрих С. С. 114, 178
Успенский П. В. 9
Ушаков Г. 25
Фёдоров Е. П. 140, 161
Федчун М. С. 140
Фефилов Б. В. 83
Фрейберг-Кондратьев Г. А. 52, 53, 66, 69, 81
Хальм Якоб 101
Херсонский С. А. 141
Цапенко 121
Циммерман Г. К. 53, 58
Чандлер Сет Карло 100, 116
Чараджи А. М. 155-157
Чеботарёв А. С. 14, 71
Черных Н. С. 165
Чудовичева Н. А. 140
Чулков И. Д. 29, 31, 85
Чучелов М. 17
Шаравин 94
Шварц К. М. 154
Швыдко Е. А. 131
Шереметьева Д. Л. 21
Широков Ф. А. 32
Шишкин В. И. 19
Шорт Уильям 36
Штрассер Людвиг 49
Штырляев В. А. 121
Эйлер Леонард 115, 116
Энгельс Фридрих 121
Южанин Я. 25
Юрченко Я. 94
Язев Алексей Наумович 155
Язев Арктур Иванович 58, 66, 74, 86, 104, 112, 127, 134, 138, 141, 143, 145, 157, 160-167, 170, 174, 175
Язев Валентин 156
Язев Дмитрий Наумович 137, 155-157
Язев Леонид Дмитриевич 155, 158
Язев Наум Евдокимович 8, 9, 155, 156
Язев Петр Наумович 77, 155, 156
Язев Сергей Арктурович 7, 96, 104, 113, 154, 169, 175, 179
Язева Александра Васильевна 156
Язева Анастасия Наумовна 155, 156
Язева Гемма Ивановна 58, 66, 71, 74, 86, 127, 156, 158, 160, 166, 172, 174, 175
Язева Ирина Александровна 156
Язева Марианна 164, 167, 172, 175
Язева Мария А. 42, 50, 159
Язева Мария Константиновна – см. Максимова-Язева
Язева Ольга Наумовна 155
Язева Полина Наумовна 110, 155, 158
Язева-Суставова Зоя Наумовна 155-158
Язов Н. Т. 112
Янковский 110, 155

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Детство и юность (1905-1914 гг.).....	8
Красноярск. Землемерное училище (1914-1918 гг.)	12
Смутное время (1917-1920 гг.)	16
Омск. Сельхозакадемия (1920-1926 гг.).....	26
Главная астрономическая обсерватория (1926-1928 гг.).....	34
Экспедиция на Белое море и Онежское озеро (1927 г.)	46
Пулково – Николаев. Мостик на Украину (1928 г.)	48
Николаевская обсерватория (1929-1934 гг.)	51
Китаб. Первая встреча с земным полюсом (1933 г.)	59
Полтавская гравиметрическая обсерватория (1934-1938 гг.).....	64
На солнечное затмение (1936 г.).....	75
Пассажный инструмент конструкции Язева	81
Новосибирск. Сибстрин – НИИГАиК (1938-1945 гг.)	85
Докторская диссертация: присвоить нельзя отменить	100
Новосибирск. НИВИТ (1945-1948 гг.).....	108
Иркутск. Борьба продолжается (1948-1955 гг.).....	125
Вклад в науку	146
Семья И. Н. Язева и его родственники	155
Дети.....	160
Внуки	167
Основные даты из жизни Ивана Наумовича Язева.....	173
Некоторые даты из жизни членов семьи Язевых	175
Научные труды И. Н. Язева.....	176
Литература об И. Н. Язеве.....	178
Именной указатель	181